

Борис
Акунин

Русский в Англии

Самоучитель
по беллетристике

Борис Акунин

Русский в Англии

*Самоучитель
по беллетристике*

альпина
ПАВЛИЩЕР

Москва

2022

УДК 808.1
ББК 83.02
А44

Публикуется в авторской редакции

Акунин Б.

А44 Русский в Англии: Самоучитель по беллетристике / Борис Акунин. — М. : Альпина Паблишер, 2022. — 376 с., ил.

ISBN 978-5-9614-7368-1

Перед вами уникальный самоучитель, написанный Борисом Акуниным. Вас ждут нескучная теория, непростые, но очень интересные задания и, конечно, примеры их выполнения. Это мастер-класс творческого письма в десяти уроках и одновременно сборник увлекательных новелл и историко-литературных эссе. Если вы давно хотели попробовать свои силы в беллетристике, то вряд ли найдете более интересное и полезное пособие для обучения. Изучайте, следуйте советам автора, и результаты не заставят себя ждать.

УДК 808.1
ББК 83.02

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-7368-1

© Борис Акунин, 2021
© ООО «Альпина Паблишер», 2022

Введение

Перед вами нечто вроде кулинарной книги. Шеф в белом колпаке будет открывать вам тайны дуршлага и поварешки, накопленные за долгую жизнь у плиты. Причем это кулинарный курс с дегустацией. Я буду не просто объяснять теорию, но и варить-жарить-мариновать сам, у вас на глазах, а потом кормить вас тем, что получилось, то есть вы будете находиться не в ресторанном зале, куда подают на подносе готовые блюда, а на кухне. Можете просто «слушать и кушать», а можете попробовать собственные силы в гастрономическом искусстве и сравнить: вдруг у вас получится вкуснее? И, если кто-то подумывает, не стать ли писателем, может быть, этот опыт приблизит вас к цели.

Дисклеймер. Я использую слово «писатель», но в нашем языке этим термином обозначаются два разных занятия, внешне схожие, но сущностно очень разные и даже противоположные. Это разделение существует уже минимум сто лет, со времен Кафки, Джойса и Пруста, когда художественная литература разделилась на Прозу и прозу (вторую еще называют «беллетристикой»). Та проза, что с заглавной буквы, занимается чистым Искусством, то есть поиском новых форм — пытается создать литературу, какой еще не бывало. Этой работой занимаются Писатели, которым, в сущности, нет дела до публики. Она редко способна сразу оценить эти эксперименты. Но Писателя, настоящего Писателя, одиночеством

не напугаешь. Он пишет не для читателей, а для себя. Как известно, Кафка вообще завещал сжечь все его рукописи.

Большинство Писателей — графоманы и пишут дребедень, но иногда, очень редко, попадаются гении. Они раздвигают рамки возможного в литературе, и на вновь открытую территорию устремляются писатели-беллетристы, осваивающие эти уголья и выращивающие там художественные тексты, пригодные для массового употребления. Мало кто из Писателей добивается признательности при жизни. Зато потом им ставят памятники — чаще, чем беллетристам.

Если вы хотите стать Писателем, моя книга вам ничем не поможет. Тот, кто пишет Прозу (поменяем метафору с кулинарной на романтическую), подобен кораблю в еще не открытом океане — плывет не по карте, а по звездам. Я же учу строить железные дороги — класть рельсы и потом ездить по ним из точки А в точку Б.

Как автор, пишущий и Прозу, и прозу (такое тоже возможно), скажу, что первая приносит больше радости автору, потому что это нужно самому тебе; вторая радует читателей, потому что иначе они бы не тратили денег на твои книжки. Но массовые тиражи, на которые надеется всякий беллетрист, приносят нечто гораздо большее, чем ройялтиз. Ты пишешь о том, что тебя занимает и волнует. Это может быть нечто очень индивидуальное, мало кому или вообще никому не интересное. Допустим, уже немолодому беллетристу Джорджу Мартину нравилось выдумывать фантазмагорические истории про несуществующие миры и драконов. И он сочинял эту свою чепуху так аппетитно, что через какое-то время миллионы людей заразились его страстью.

Когда очень многим людям становится интересно то же, что раньше было интересно только тебе, это главная награда для писателя-беллетриста. Ты принадлежишь, вероятно, к самой одинокой и самой клаустрофобичной профессии на свете — производственный цех сжат до размеров твоей черепной коробки, но если повезет, ты можешь превратиться в чирлидера большого праздничного шествия, и праздник этот будет посвящен лично тебе.

Честно говоря, я не понимаю, почему все люди не мечтают стать писателями. Это лучшая профессия на свете.

У тебя нет никакого начальства — кроме Господа Бога, да и то, если ты в Него веришь. Ты — царь, живешь один, абсолютно свободный и ограниченный лишь пределами своей фантазии.

Не печатают издательства — начинаешь публиковаться в интернете. Сами придут и сами предложат. А нет — все равно получишь удовольствие.

Если же окажется, что твои сочинения востребованы, начинается вообще сказка. Занимаешься любимым делом, а тебе за это еще и платят. Совершенно незнакомые люди тобой интересуются и может быть даже тебя любят.

Есть и еще два больших бонуса.

Во-первых, необязательно рано вставать — муза не любит писк будильника.

А во-вторых, не так обидно помирать. Твои книжки останутся в библиотеках и на полках, они продолжат разговаривать с людьми, и ты продолжишь жить после жизни, шелестя страницами. Плохо ли?

ВСЕ В ПИСАТЕЛИ!

На самом деле, конечно, не все, далеко не все. А только те, у кого в голове спрятана одна маленькая кнопочка. И первое, что нужно про себя понять, есть ли она и работает ли.

С этого и начнем.

Маленькая кнопочка

Обычно на стартовом занятии по «творческому письму» (Creative Writing) преподаватель говорит примерно следующее: «Писатель — это человек, которому, во-первых, есть что рассказать, а во-вторых, который умеет рассказывать».

Первая позиция тут неверная и может ввести в заблуждение.

На самом деле каждому человеку есть что рассказать. Потому что всякая жизнь уникальна. Если вы абсолютно честно, со всей откровенностью поведаете миру о своем личном опыте, о том, как вы терпели пращи и стрелы яростного рока или душою грешной возносились до пламенеющих небес, получится ценная книга. Я, например, очень люблю читать личные дневники неизвестных людей, проживших так называемую обычную жизнь (как будто жизнь когда-нибудь бывает обычной!). А уж если в судьбе человека происходили какие-то интересные широкой публике события, повествование о них практически обречено на успех. Даже умение рассказывать необязательно — почитайте, например, один из главных мировых лонгселлеров «История Галльской войны» автора Г. Ю. Цезаря.

Правильная формулировка, на мой взгляд, должна звучать так: «Писатель — человек, способный мысленно перевоплощаться в других людей». Это, я полагаю, врожденное качество. Научить ему нельзя. Я во всяком случае не взялся бы.

Устройство кнопки, которая поначалу включается и выключается произвольно, мне неизвестно. Но я очень хорошо помню, что в раннем детстве она уже работала и ужасно меня занимала. Вдруг щелкнет что-то, и загорается странный свет, и ты отчетливо видишь то, чего на самом деле нет.

Со временем я научился включать кнопку сам. Смотришь на какого-нибудь приятеля по детскому саду и пытаешься представить: а каково это — быть Вовкой Ивановым [все имена подлинны. *Прим авт.*] и каждый день любоваться в зеркало на свои оттопыренные уши? И вдруг видишь себя в зеркале, ты — Вовка. Потом, усложняя задачу, я представлял себя конопатой Танькой (не помню фамилию, только лицо), и это был первый опыт сочинения хоррора, потому что жизнь девочки показалась мне ужасным ужасом. Помню я и первую творческую неудачу: попробовал представить себя воспитательницей Дарьей Михайловной, и ничего не вышло — не хватило информации. (Я тогда еще не знал, что всякая книга начинается со сбора материалов).

Моя увлекательная игра была тайной от всех. Мне никогда не было скучно наедине с собой. Я придумывал приключения — сначала свои собственные, потом каких-нибудь вымышленных персонажей. Иногда разворачивающаяся в воображении история могла растягиваться на месяцы. Эта секретная жизнь была захватывающей, но я никому о ней не рассказывал. Не из скрытности. Просто я был уверен, что никому кроме меня это не интересно.

Я становился старше, понемногу узнавал жизнь и людей. Истории становились сложнее, но сериал всё не заканчивался — ни когда я учился в школе, ни в университете, ни во взрослой жизни. У меня и сейчас одно из любимых развлечений — посмотреть на какого-нибудь человека, скажем, в метро, нажать кнопку и вдруг оказаться в другом теле, в другой жизни.

Художественная литература — она вообще про это: про то, чтобы, читая книгу, на время стать другим человеком. Никакие иные виды искусства вам такой возможности не дадут. Смотря фильм «Война и мир», вы видите актеров, играющих роль Пьера Безухова или Наташи Ростовой. Читая роман, вы сами на время в них превращаетесь.

Если вам хочется узнать, каково это — быть не собой, а кем-то другим, значит, кнопочка у вас есть.

О сюжете не беспокойтесь. Во-первых, достаточно стать другим человеком, и у него сразу начнется собственная жизнь. А во-вторых, движением этой жизни можно — в определенных пределах — управлять. Построение

фабулы имеет свои законы, и им-то как раз научить нетрудно: экспозиция, завязка, кульминация, развязка, финальный удар. В длинном произведении необходимо следить за чередованием вдохов и выдохов — чтобы читатель не заскучал, но и не захлебнулся от перебора событий. Этим премудростям учат на всех писательских курсах. За исключением, может быть, «финального туше», которому я посвящаю одно из занятий.

Чему мы будем учиться

Второй теоретический тезис «творческого письма» совершенно верен. Да, умение рассказывать необходимо. Есть самородки, обладающие этим даром с рождения. Но искусству наррации, как всякой технологии, можно научиться.

Я, например, совсем не самородок. В двадцать лет с небольшим мне впервые пришлось в голову записать на бумаге одну из своих «внутренних историй» — очень уж она получилась причудливая.

К тому возрасту мне уже мало было воображать себя другим человеком. Однажды у меня на окне сидел, поглядывал круглым глазом ворон, что-то такое выстукивал в стекло своим впечатляющим клювом. Нормальный человек напугался бы, вспомнил Эдгара По или бодро запел бы «Ты добычи не дождешься». Я же стал воображать себя вороном, заглядывающим в однокомнатную квартиру, где обитает несуразное существо со странными ногами, уродливыми крыльями и вообще, то есть *буквально* без перьев.

Кнопка щелкнула, зажегся свет, закрутилось кино. Оно меня увлекло.

Кино было про столетнего мудрого ворона, живущего в коммунальной квартире со старой-престарой хозяйкой, которую он помнит еще гимназисткой. И вот она умирает, а на самом деле это убийство, и правду подозревает только ворон. Короче говоря, это был детектив, сыщиком в котором являлась птица. Мне показалось, что это повесть, которую можно записать и кому-то показать.

Но сюжет, даже интересный, это совсем еще не повесть, в чем я очень скоро убедился. Одно дело — картинки,

возникающие в воображении. И совсем другое — текст на бумаге. Для него нужны слова. И не какие-то, а правильные. Потому что история, рассказанная неправильными словами, никогда не оживет. Она будет похожа на музей восковых фигур мадам Тюссо.

Я не понимал, какие это должны быть слова и как их составлять вместе, чтобы текст ожил. Но почувствовал, что у меня не получилось, и в следующий раз взялся за писательство, когда стал почти вдвое старше.

Всё это время, двадцать лет, я учился работать со словами — в самой лучшей школе: литературного перевода.

Плохих писателей по понятным причинам на другие языки обычно не переводят. Поэтому учителя у меня были отменные. Я смотрел и сравнивал, как они выстраивают фабулу, как при помощи всего лишь букв создают живых людей, как сталкивают их друг с другом и производят эмоциональную вибрацию, воспринимаемую читателем.

Не подумайте, что я специально стал литературным переводчиком, дабы со временем превратиться в прозаика. Вовсе нет. Мне просто доставляло удовольствие перебирать слова, пока не найдется самое точное. И нравилось на время превращаться не просто в другого человека, а в другого человека-писателя. Для того, чтобы перевод, скажем, Юкио Мисимы получился хорошим, нужно сначала ощутить себя Юкио Мисимой. (Поверьте, не самое приятное состояние — живот начинает просить харакири).

Этому мы, собственно, и поучимся — в смысле, не тому, как делать харакири, а тому, как перевоплотиться в другого писателя. В разных писателей. Не для того, чтобы им потом подражать, а для того, чтобы разобраться в их технике.

Как мы будем учиться

Рекламируя профессию писателя, я не упомянул, что на этой розе есть свои тернии.

Вам скорее всего будет очень трудно первый раз напечататься. Еще труднее — добиться того, чтобы сочинительство вас материально обеспечивало.

А когда и если вы этого добьетесь, обнаружится, что у вас нет ни выходных, ни отпуска, ни даже гарантированной профсоюзом максимальной продолжительности рабочего дня. Вы даже не представляете, до какой степени это full-time job. Писатель работает писателем всегда, даже во сне.

Вы будете все время сомневаться, не шарлатан ли вы. Даже если ваши книжки окажутся бестселлерами.

И чем лучше вы будете писать, тем сильнее вас будет мучить страх, что выше вам уже не прыгнуть, — а зачем тогда вообще прыгать?

В общем, это профессия не для малодушных.

Поэтому учиться мы будем сурово — как учили плавать деревенских мальчишек. Я вас отведу на речку, коротко покажу, как двигать руками и ногами, а потом сразу спихну с обрыва. Кто не потонет, тот выплывет.

Структура урока

Каждый «урок» (или каждое «блюдо», если воспринимать этот трактат не как учебник, а как книгу о вкусной и здоровой беллетристике) состоит из нескольких частей.

Первая часть «теоретическая»: я коротко обозначаю предмет, изучаемый на данном этапе.

Во **второй части** дается фактический материал, который вам понадобится для выполнения домашнего задания — если вы захотите его выполнить. А не захотите — воспринимайте вторую часть просто как развлекательное чтение. Нам, беллетристам, от читателей этого вполне достаточно.

Фактический материал весь будет о русских людях, которые в разные эпохи жили или ненадолго оказались в Англии.

Почему такая экзотическая тематика, спросите вы. Где мы и где Англия?

Вот именно поэтому.

Начинающему писателю проще всего ухватиться за свой личный опыт, за ту фактуру и за те реалии, которые автору хорошо известны по собственной биографии.

Далеко на таком топливе не уедешь. Знаете сколько литераторов написали замечательную первую книгу, построенную на личном опыте, и потом никогда больше ничего путного не родили? Мы с вами учимся профессии. Беллетрист не должен быть ограничен рамками знакомого мира. Если чего-то нужного для будущей книги не знает — собирает необходимый материал.

Место и время действия будут от всех «равноудалены»: иная страна (Англия), иные времена (причем разные). Даже если вы бывали в Англии, то в шестнадцатом или восемнадцатом веках навряд ли.

Есть и другая причина.

«Русский в Англии» — это метафора, довольно точно передающая взаимоотношения писателя с окружающим миром. Разумеется, я имею в виду человека русской культуры. Если бы я писал для японцев, книга называлась бы «Японец в Англии».

«Русский» — это Я. «Англия» — Другие и Другое, это Не-Я.

Всякий писатель — кицунэ, лиса-оборотень, тайно прокрадывающаяся в чужие души. Можете назвать его шпионом, тайным инопланетянином или попаданцем. Суть в том, что писатель, оставаясь собой, в то же время покидает родину своего «я». На жизнь он смотрит, как экспат на Англию, на людей — как на англичан. Он про них много читал, видел в кинофильмах, каждодневно с ними общается, и все равно они — не он, они англичане. Чтобы понять и почувствовать, тем более описать других людей, нужно сделать некое кросс-культурное усилие, хорошо выучить чужой язык, узнать подробности неведомой жизни.

Наконец, имеется третья причина — уже моя собственная, личная. (Хорошее произведение без сугубо личной причины не напишешь — об этом мы поговорим на первом же занятии).

Книга, которую вы держите в руках, на самом деле не столько учебное пособие, сколько беллетристическое произведение. Я сам — русский в Англии, не в символическом, а в прямом смысле. Мне очень интересно, что происходило на этом острове с моими предшественниками. Я много о них думаю, меня волнуют оставленные ими следы, я все время пытаюсь проникнуть в их давно

исчезнувшую жизнь, *стать ими*. Как я уже писал, самая главная награда для беллетриста — когда удастся увлечь других людей тем, что его интересует. Это я, собственно, и делаю. Многие ли из вас раньше знали что-нибудь или хотели *знать* про русских в Англии? А теперь никуда не денетесь. Тем, кто решит воспользоваться книгой как самоучителем, еще и придется провести некоторые дополнительные изыскания (это тема самого последнего урока).

В третьей части занятия я буду ставить творческую задачу — попрошу написать новеллу, основанную на событиях, которые я вам перед этим расскажу. Но не какую угодно, а по определенным параметрам.

Все рассказы должны быть одного размера: один авторский лист, то есть 40 000 знаков (считая пробелы). Отклонение в ту или другую сторону допускается не больше, чем на двадцать процентов.

Заранее заданный формат сильно усложняет авторскую задачу, но хорошо учит закону необходимого и достаточного. Беллетристический текст обязан быть упругим, он не терпит дряблости и пустот. Будем учиться у японцев. Как известно, в пятистишии танка всегда тридцать один слог, в трехстишии хокку — семнадцать, что не мешает автору при желании нарисовать на этом рисовом зернышке целую вселенную.

Кроме того я буду задавать жанр, к которому должна относиться новелла. Возможно, вы для себя уже решили, что собираетесь писать романы про любовь, или триллеры, или фантастику. Это нормально, нужно работать в том жанре, к которому лежит душа. Но при этом необходимо хотя бы до некоторой степени уметь играть и на других музыкальных инструментах. Даже если вы собираетесь писать что-нибудь белое и пушистое, для деточек, вам все равно понадобится знание клавиатуры детектива или хоррора. Потому что маленького читателя нужно интриговать и пугать — иначе он у вас уснет раньше времени. (Помню, как в раннем детстве я сжимался, слушая про то, как из маминой из спальни выбегает кривоногий и хромой). Если же вы собираетесь писать какой-нибудь свирепый хард-кор, то без игры на лирической флейте или проникновенном дудке у вас получится не литература, а техасская резня бензопилой.

Мы посмотрим, из каких элементов складываются разные жанры, и будем двигаться от относительно простых к более сложным.

Наконец — и это самое трудное — я каждый раз буду давать вам задание по стилю. Придется подражать нарративной манере определенного классического писателя, русского или английского. Это похоже на школу литературного перевода, которую в свое время проходил я. Начинающему беллетристу очень полезно представить себя другим писателем. Я буду давать образчики стиля, который вам нужно имитировать — чтобы вы могли пригубить его, ощутить букет и аромат. Если вам этого покажется недостаточно — займитесь внеклассным чтением.

Не бойтесь. Вашей авторской индивидуальности и интонации это упражнение не угрожает. Но настоящий беллетрист многолик и полифоничен. Может мышкой, может кошкой, может голубем лететь, может девицей-красавицей с парнями песни петь.

Четвертая часть каждого урока — новелла, написанная мной самим. Естественно, в соответствии с параметрами задания. Советую прочесть мою новеллу после того, как напишете свою. Знаю по опыту, что чужой текст на ту же тему иногда сбивает с собственного компаса.

Заканчивается каждое занятие **пятой частью**, где я коротко объясняю, почему написал новеллу именно так, а не иначе.

Поскольку мы начнем с подражания стилю Пушкина, а закончим подражанием стилю Булгакова, завершу предисловие двумя цитатами.

«Довольно с вас. У вас воображение в минуту дорисует остальное».

А также: «За мной, мой читатель!».

Урок первый

Выбор темы

Как выбрать тему

С этого начинается всякое литературное произведение. Сначала возникает источник энергии — тот изначальный взрыв, в результате которого рождаются вселенные. Потому что любое литературное произведение, даже малоформатное — отдельный мир, в котором жизнь или зародится, или нет.

Генератор должен действовать прежде всего на самого автора. А он, если обладает талантом и умением, выполняет функцию усилителя — и чем сильнее изначальный импульс, тем шире разойдутся волны.

Всё дело в вас. Прежде чем проникать в чужие души, разберитесь в собственной.

Во времена, когда я впервые задумался, не написать ли мне повесть (ту самую, про ворона-детектива), я стал расспрашивать знакомых литераторов, с чего надо начинать.

Один мой тогдашний приятель, начинающий прозаик, мечтавший о большом успехе и даже разработавший целую теорию бестселлера, сказал: «Первое: определяешь, для кого собираешься писать. Второе: составляешь список тем, интересных этой аудитории. Третье: выбираешь из списка ту тему, которая тебе ближе всего. И вперед».

Бестселлеров мой приятель так и не создал. Потому что его посыл был неверен. Тот, кто в качестве двигателя выбирает интерес потенциальной аудитории, ничего живого не напишет.

Если вы беллетрист, игнорировать запросы аудитории, конечно, нельзя. Вы же не Писатель, пишущий Прозу. Для вас важно, чтобы книгу прочло много людей. Но последовательность должна быть обратной.

Сначала вы составляете список тем, которые *интересны вам*. Когда я говорю «интересны», я имею в виду проблемы, загадки и грани жизни, которые берегут вам душу, или вызывают жгучее любопытство, или порождают страх — в общем, нечто очень личное и очень сильное.

И лишь после этого вы пытаетесь вычислить, какая из *ваших* тем имеет больше шансов заинтересовать читателя (и издателя). Причем это актуально только на первом этапе, когда вы еще не имеете собственной аудитории, доверяющей вашему имени. Когда она появится, вообще руководствуйтесь только и исключительно вашим внутренним голодом. Жанр, в котором вы собираетесь писать, при выборе темы не имеет большого значения. Жанр — не более чем форма, сосуд, наряд.

При подобном отношении к письму успех вам гарантирован. Если не читательский, то по крайней мере личный. Время будет потрачено не впустую.

Тема, являющаяся генератором авторской энергии, может быть неочевидна и даже вовсе не видна читателям. Очень часто она вообще не имеет для аудитории значения. Мы все разные. У каждого внутри собственные ангелы и демоны. Но необходимо, чтобы ваши личные ангелы и демоны проникли в текст. Читатель услышит их пение и рычание, его душевные резонаторы откликнутся на живой голос. А если не откликнутся — значит, это не ваш читатель. Вы мирно расходитесь.

Попробую объяснить на примере своей самой первой книжки, где в ней спрятан реактор. Я имею в виду вполне легкомысленный роман «Азazelь», который я писал «в стол», без уверенности в публикации.

По форме это такая история «плаща и шпаги», пора-пора-порадуемся на своем веку. Но центральный персонаж для меня там вовсе не Эраст Фандорин, а леди Эстер. И занимали меня не приключения, а неотвязная мысль о том, что мир населен непроснувшимися людьми и несостоявшимися жизнями. Потому что нас в детстве никто не учит самому главному: как расправить крылья и взлететь. А большинству даже не рассказывают, что у человека вообще есть крылья. Мне захотелось придумать систему воспитания, при которой полет неизбежен. И подвергнуть систему испытанию, превратив ее создателя в злодея.

Ну а теперь вообразите, что я, никому не известный сочинитель, просто написал бы очередную педагогическую поэму. Пишущий Прозу может себе это позволить. Беллетрист — нет. Но в процессе работы я нашел ответ на занимавший меня вопрос и пообещал себе когда-нибудь написать на эту тему небеллетристическую книгу. (Через двадцать с лишним лет написал).

Итак, ваша задача — прочитать фактический материал, который я для вас приготовил, и выбрать, какая из переплетенных там тематических линий может вас тронуть и зарядить творческой энергией.

В разделе «Задание» я назову несколько возможных вариантов, а потом, надеюсь, у вас включится собственный генератор.

Завидный жених

Эта обильная потенциальными сюжетами история произошла в конце шестнадцатого столетия. Русские тогда еще только познакомились с Англией и англичанами. Вообще-то отношения между двумя странами завязались много раньше, когда раннерусское государство со столицей в Киеве являлось частью Европы. В XI веке два зятя Ярослава Мудрого чуть было не стали английскими королями: сначала принц Эдуард Изгнанник, воспитывавшийся при дворе великого князя и, как считают некоторые историки, женившийся на его дочери Агафье, а затем Харальд Суровый, женатый на Елизавете Ярославне.

Но потом завоеванная монголами Русь надолго переместилась из Европы в Азию, и на британских островах забыли про существование далекой страны. На европейских картах «Русией» иногда обозначали великое княжество Литовское, в которое вошли основные территории бывшего Киевского государства. Восточнее располагали «Тартарию», «Сарматию» или в лучшем случае «Московию», представления о которой были весьма туманны.

Туда, в неведомый туман, в 1553 году из Лондона и отправилась в поисках новых торговых маршрутов экспедиция адмирала Уиллоуби — более или менее наугад. У каждого из капитанов трех кораблей было с собой письмо короля Эдуарда VI (того самого, который «Принц и нищий»), адресованное неким «северным и восточным владыкам». Плыли холодным и бурным морем, в огиб Скандинавии. Два экипажа, в том числе адмиральский, погибли. Третий, под командой капитана

Найти Московию на этой карте начала XVII века не так просто. Какой-то маленький кусочек «Тартарии»

Ричарда Ченслера, добрался до Белого моря и встретил там русских. Холмогорский воевода донес в Москву «о приходе от аглицкого короля Едварта посла Рыццрта и с ним гостей [купцов]».

Иван IV, в ту пору еще молодой и не особенно грозный, принял иностранцев ласково, торговать с Англией охотно согласился.

Ченслер вернулся домой, выпустил «Книгу о великом и могущественном царе-императоре Русском», разрекламировав нового торгового партнера. Возникло акционерное общество, «Московская торговая компания», которое начало активно импортировать русские товары. Главным из них, вроде нынешних нефти и газа, был мех. В ту эпоху климат в Западной Европе был гораздо суровее, чем сейчас. Зимой Лондон покрывался снегом, Темза намертво замерзала, и всякий мало-мальски зажиточный человек кутался в меха. Они были и необходимостью, и символом статуса.

Прилично одетые люди на картине Г. Гольбейна

У царя Ивана тоже были свои резоны дружить с Англией. Во-первых, благодаря северному морскому маршруту эта страна, в отличие от остальной Европы, не была отрезана от России враждебным польско-литовским государством. Во-вторых, Англия не являлась соседом, а значит ссориться и воевать с ней было не из-за чего. В-третьих, по мере обострения паранойи Иван (к тому времени уже более чем Грозный) всерьез подумывал, не придется ли ему спастись от своих врагов бегством за границу.

Государь даже начал строить близ Вологды «запасную столицу», чтобы в случае чего перевезти туда казну, а потом уплыть через Белое море в Англию. Королеве Елизавете, «любительной сестре», был отправлен запрос — согласится ли она принять у себя царя, буде он «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» окажется вынужден попросить убежища. Озадаченная такой необычной просьбой, королева затянула с ответом, и вспыльчивый царь разразился руганью: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве

государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка..., а ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица».

Однако биполяры (диагноз, поставленный Ивану современными психиатрами) подвержены резкой смене настроений. Царь то обижался на «пошлую девицу», то предлагал ей руку и сердце, причем спорадические попытки сватовства длились больше двадцати лет.

Елизавета была не замужем и носила гордое, но не вполне лестное прозвание «Королевы-Девственницы». Существуют разные предположения, в том числе физиологические, отчего она не выходила замуж, но наиболее правдоподобной мне кажется совершенно непикуантная и малоинтересная версия, согласно которой Елизавета слишком ревниво относилась к своей короне и не желала ее делить ни с каким мужем, даже консортом. Эта женщина очень хорошо понимала анатомию власти. (Впрочем, вы как беллетрист вправе выбрать любую мотивацию поведения королевы — если, конечно, решите построить сюжет вокруг этого обстоятельства).

Красотой Елизавета не блистала и в молодости, а во времена матримониальных апрошей москowitzа это была, по понятиям той эпохи, уже весьма пожилая дама, но Ивана подобные пустяки занимали мало.

К тому же он и сам был не очень свежий кавалер — рано оплешивевший и обрюзгший, подверженный трясушке и припадкам неконтролируемого бешенства, да еще и с репутацией «Синей Бороды».

Если у Генриха VIII, отца Елизаветы, было шесть жен, то в точном числе супруг Ивана IV историки путаются. Первую из них, Анастасию Романовну, по слухам, отравили. Про вторую, Марию Темрюковну, царь тоже говорил, что она «злокозньством отравлена бысть». Третья, Марфа Собакина, таинственно умерла через две недели после свадьбы, и опять было объявлено, что «ближние люди» ей «отраву злую учиниша». Четвертую жену, Анну Колтовскую, через полгода постригли в монахини — девушке, можно сказать, повезло. Потом

Невеста и жених. Слева — нелестный прижизненный портрет, справа — реконструкция М. Герасимова по черепу

вроде бы (но это неточно) была Мария Долгорукая, которую наутро после свадьбы якобы посадили в карету и утопили в пруду. Не совсем понятно, венчанной ли супругой была Анна Васильчикова: свадьба была, но какая-то сомнительная, «не по царскому чину». В любом случае эта жена номер то ли пять, то ли шесть очень скоро отправилась под замок, в монастырь, где с подозрительной быстротой скончалась. Ко времени последнего сватовства у Ивана была уже новая супруга, Мария Нагая.

Это не помешало государю отправить в Англию очередное настойчивое брачное предложение. Его доставили посланник Федор Писемский и подьячий Епифан Неудача. В посольском наказе говорилось (цитирую Карамзина): «Если спросят, как же это царь сватается, когда у него есть жена, то Писемский должен отвечать: “Она не царевна, не государского рода, негодна ему, и он ее бросит”». Проблема в самом деле, как мы видели, была невеликая. Если б королева согласилась, царь запросто и овдовел бы.

В это время на Ивана накатил очередной приступ искейпизма. Дела в царстве-государстве шли из рук вон

плохо. Страна вконец обнищала, разоренная опричниной. Ливонская война была проиграна. Грозный хворал и хандрил. Ему хотелось всё бросить и уехать далеко-далеко — так сказать, перебраться на жилплощадь невесты.

События, которые нам нужно описать, происходят в 1583 году. Московское посольство находится в Англии и нетерпеливо ждет ответа.

Елизавета, разумеется, и в мыслях не держит выходить замуж за какого-то восточного деспота, к тому же придерживающегося другой веры, но не говорит ни «да», ни «нет», поскольку дорожит торговлей. Множество вельмож и богатых коммерсантов вложили свои средства в «Московскую торговую компанию». Если царь разгневается, она обанкротится.

Возникает идея отрядить в невесты какую-нибудь особу королевской крови. (По другой версии, такой вариант был предложен Ивану английским послом еще в Москве, и Писемский с Неудачей с самого начала вели переговоры именно об этом).

Родственницу Елизавета выделила весьма и весьма дальнюю — Марию Хастингс, сестру графа Хантингтона, который приходился отцу ее величества троюродным братом. Для важности Марию называли королевской племянницей, хотя на самом деле она получалась четвероюродной (есть такое слово?) сестрой.

Царь согласился на «княжну Хантинскую», но пожелал знать, хороша ли она собой. Ему честно ответили, что барышня «рожей не самое красна» и к тому же заболела оспой. Поэтому придется подождать, пока пройдут следы от болезни. В нынешнем же виде с девицы нельзя и портрета написать. Одним словом, королева тянула время.

В конце концов подгоняемые царем послы, протомившись восемь месяцев, потребовали предъявить товар, и состоялись смотрины.

Лорд-канцлер Томас Бромли устроил, как теперь сказали бы, гарден-парти. Мэри прогуливалась по саду

Смотрины царской невесты. Гравюра с картины С. Соломко

в компании придворных дам, посол смотрел и запоминал. Потом в отчете доложил: невеста высока и стройна, лицом бела, с прямым носом (что, по-видимому, хорошо), тонка (что, по-видимому, плохо), глаза серые, а волосы русые (ничего особенного), пальцы на руках длинные (непонятно, хорошо это или плохо).

У послов были полномочия говорить от царского имени. «Ты б им верила — то есть наши речи», сообщалось в сопроводительной грамоте. Должно быть, после аудиенции согласие москвитов было получено. Во всяком случае девицу Мэри с этого момента при дворе начинают величать «императрицей Московской».

Теперь посланники наконец отбыли восвояси, получив долгожданный портрет. А вскоре русский монарх, к огромному облегчению англичан (и в особенности «княжны Хантинской»), умер.

Вот, собственно, основная фактура. Дальнейшее в ваших руках.

Задание

Начну со стилистической задачи.

Играть в язык эпохи мы не будем. Просто потому, что в конце шестнадцатого столетия хорошую прозу в Европе писал только один автор, и он был не русский и не англичанин, а испанец.

Если хотите поиграть в архаику, можете использовать ее в прямой речи персонажей. С англичанами тут будет легче — к вашим услугам Шекспир, Бен Джонсон и Кристофер Марло. С русским диалогом труднее. Образчиков живой речи той эпохи не сохранилось. Не берите за основу переписку Курбского с Грозным. Оба они были книжники и щеголяли друг перед другом витиеватостью. «Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, единокродную свою душу отверг еси?». Люди между собой так не разговаривали. Возьмите лучше «Житие протопопа Аввакума». Оно написано почти на сто лет позже, зато живым, хорошо понятным русским языком. В беллетристике важна не историческая точность, а убедительная атмосферность. С этим Аввакум вам поможет.

Но архаизировать диалог имеет смысл лишь в том случае, если вы намерены эмоционально дистанцировать, *деэмпатизировать* читателя, чтобы он воспринимал персонажей не как живых людей, а как «тени забытых предков». Всё зависит от вашего замысла, от того, что вы описываете — экзотическое время, которое ушло, или человеческую природу, которая остается неизменной.

В общем, устную речь оставляю на ваше усмотрение, но в авторском тексте, пожалуйста, соблюдайте совершенно определенный стиль: пишите языком «Капитанской дочки» и «Повестей Белкина». Представьте, что вы — Пушкин.

Это первый по времени пример *взрослой* русской прозы. Она очень проста, прозрачна, лишена всякой орнаментальности, минималистична и точна. Не увлекайтесь завитушками, не отвлекайтесь от прямого, как полет стрелы, повествования, не пускайтесь в психологические комментарии.

«Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый».

Учитесь: в двух коротких предложениях дано зримое, атмосферное описание дома — даже со вкусом и запахом. Да еще с лаконичностью хайку представлены главный герой и его родители. Совершенный шедевр литературного импрессионизма.

А вот презентация персонажа: *«Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде в поле. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем округе».*

Не нужно копировать пушкинские фразы и увлекаться устаревшими речевыми оборотами. Главное — создать то же ощущение непростой простоты и сдержанной веселости (то, что у англичан называется *tongue in cheek*, «язык, оттопыривающий щеку»).

Каждый раз перед тем как написать следующий фрагмент, несколько минут читайте пушкинский текст. Этот стиль заразителен, он сам подхватит вас.

Никакого конкретного жанра на первом уроке я не задаю, потому что тему новеллы, а стало быть и ее жанр вы должны выбрать сами. Чем нужно руководствоваться, вы уже знаете — своей внутренней мотивацией.

История, которую я вам рассказал, хороша своей многовариантностью. Из нее можно вытянуть массу сюжетных и жанровых линий, очень разных. Трагедию, романтическую или сатирическую комедию, саспенс, психологическую драму, любовную историю, просто бытописательную зарисовку — как у того же Пушкина в «Сценах из рыцарских времен» — да что угодно. Конечно, вам придется,

оттолкнувшись от базовых фактов, провести дополнительные изыскания в выбранном направлении. Без этого никуда.

В качестве примера дам три возможности, которые я исследовал прежде, чем сделал свой выбор.

1. Корону за коня!

Политический триллер.

В центре повествования Елизавета и ее spy-master (глава шпионов) Уолсингэм. Можно назвать его Вальсингамом, чтобы перекинуть еще один ассоциативный мостик к Александру Сергеевичу. Помните председателя из «Пира во время чумы»: «Ты ль это, Вальсингам?».

У королевы в этот исторический момент действительно вокруг сплошная чума. И буквальная — в Лондоне моровая язва. И политическая: крах в Шотландии, мятеж в Ирландии, а только что открылся католический заговор чудовищных масштабов. Из Парижа получено донесение от агента по имени Джордано Бруно (да-да, того самого): испанцы готовят вторжение, одновременно с которым начнется мятеж в самой Англии. Посол дон Мендоса находится в тайной переписке с Марией Стюарт, заговорщики собираются возвести ее на престол вместо Елизаветы.

Секретарь советует королеве на всякий случай разработать план бегства. Может быть, действительно в Москву? Там враги не достанут.

Королева крутит глобус, выясняет, что это за страна такая. Расспрашивает эксперта, переводчика «Московской торговой компании». Оказывается, на Руси ее будут называть Lizaveta Andrevna. Рассказ о жестокостях царя Джона королеву особенно не пугает — она сама с врагами не миндальничает.

Тема: усталость от власти, борьба со слабостью и страхом. Аллюзии на монолог Бориса Годунова и прочие маленькие радости.

2. «Снегопад, снегопад, если женщина просит». *Психологическая драма.*

Это сюжет совсем иного рода — о любовных переживаниях немолодой, феноменально одаренной, но в то же время бесконечно одинокой женщины.

Главные персонажи — королева Елизавета и ее многолетний фаворит граф Лестер. Им обоим уже пятьдесят. Их отношения длятся больше двадцати лет.

Это единственный мужчина, за которого Елизавета согласилась бы выйти — но не может, он ей не ровня. Вместо него, словно в насмешку, к ней сватаются всякие уроды.

Недавно королеве сообщили известие, разбившее ей сердце. Лестер тайне женился на близкой подруге Елизаветы, даме тоже не первой молодости. Это двойное предательство совершенно подкосило самую могущественную женщину Англии. Ею попеременно владеют то ревность, то жажда мести, то любовь, которая никуда не исчезла.

Елизавета с Лестером. Картина Уильяма Йимса

*Разлучница Летиция
Ноллис. (Обратите
внимание, что эта змея
носит прическу а-ля
Елизавета)*

Елизавета не может расстаться с Лестером, винит во всем не его, а коварную Летицию. Думает с завистью, что ее московитский жених в два счета решил бы эту проблему на свой свирепый лад, и мечтает, в какой карете она утопила бы новоиспеченную графиню Лестер. Ах, почему я не императрица московская!

3. Небедный Йорик. Комедия-буфф.

Поскольку это шекспировская (точнее предшекспировская) эпоха, может возникнуть желание повеселиться в духе ранних комедий великого драматурга. И для этого имеются веские основания.

В шекспировской пьесе «Бесплодные усилия любви» витает призрак России. В одном из актов герои изображают московитское посольство.

Их спрашивают: «Чего вы здесь хотите?». Бирон, прикидывающийся московитом, отвечает: «Лишь мирно и любезно посетить вас». «Ответ вам: посетили — и ступайте», — отрезает вопрошающий под всеобщий смех.

Это безусловно резюме, подытоживающее воспоминания англичан о посольстве Писемского. С точки зрения британцев, эпизод был комичным, и бедную Мэри

Гастингс еще долго потом дразнили «императрицей Московской».

Описание диковинного сватовства молодой Шекспир скорее всего услышал от актеров собственного театра. А те — от своего коллеги Ричарда Тарлтона.

Это очень перспективный персонаж. Сам актер и автор популярных смешных стихов (в его честь они назывались «тарлтонами»), он был известным остроумцем, искусным фехтовальщиком и — внимание — любимым придворным шутом королевы Елизаветы как раз во время приезда русского посольства. Считается, что под Йориком в трагедии «Гамлет» Шекспир имеет в виду именно Тарлтона: «Я знал его, Горацио: это был человек с бесконечным юмором и дивною фантазией».

Мне представляется некто вроде француза Шико, прославленного шута Генриха IV.

Может получиться отличная новелла про выходки веселого елизаветинского выдумщика.

В конце концов я выбрал другого протагониста и другой жанр. Что у меня получилось, вы увидите. Но сначала, если вы не просто читаете книгу, а учитесь, сочините свой собственный рассказ.

Тарлтон на рисунке конца XVIII века, то есть его помнили и двести лет спустя

Императрица Московии

Рассказ

Рыжеволосая королева Елизавета и ее первый министр, по-английски лорд-канцлер, вели между собою спор. Сэр Томас Бромли был единственный во всем Альбионе человек, которому позволялось перечить суровой и властной повелительнице.

Преппирательства иногда бывали ожесточенными и походили на своеобразную дуэль, разве что противники не стояли друг перед дружкой, а сидели по краям широкого палисандрового стола и вместо шпаг имели в руках абакусы: у королевы большой, с черными агатовыми и белыми алебастровыми костяшками, у министра маленький и затертый, обыкновенно носимый в кармане мантии. Собеседники оба любили арифметическую науку и наивысшим аргументом почитали цифирь. Диспуты под

перестук счетов были всегдашним их ристалищем. Обсуждая какое-нибудь головоломное решение, довод *pro* они обозначали белой костяшкой, довод *contra* черной, а потом сводили свои бухгалтерии и глядели, что получится.

— Главное, что он — наследник французского престола, а его брат-король, будучи содомитом, не имеет потомства, — сказала королева и откинула вправо сразу два белых шарика.

Сэр Томас Бромли

— От вашего величества в силу возраста тоже приплода ждать не приходится, — отвечал министр (он был человек неделикатный) и ограничился одним щелчком, но, немного поразмыслив, вернул белую костяшку обратно: — К тому же король Генрих здоровьем крепче своего худосочного брата и скорее всего переживет его.

Спорили — не в первый и не во второй раз — о герцоге Анжуйском, четверть часа назад бывшем у ее величества на аудиенции. Принц домогался Елизаветиной руки.

Происходила беседа в загородном королевском дворце Хэмптон-корт, что в полудне пути от Лондона. В столице недавно открылось оспяное поветрие, и осторожная королева отгородилась от города заставами.

— Французик так превосходно воспитан! Он говорит такие красивые комплименты! С ним я чувствую себя женщиной, не то что с моими неотесанными англичанами... — вздохнула Елизавета, прибавив вправо еще один камешек. (Лорд-канцлер лишь пожал плечами). — ...И он на двадцать с лишним лет меня моложе. Вы видели, как свежа его кожа?

Сухой палец сдвинул четвертую белую костяшку. Бромли переместил черную, присовокупив:

Хэмптон-корт

— Вот именно. Вы умрете, а он останется. И что прикажете с ним делать?

Королева печально молвила:

— Ах, сударь, вы не даете мне даже помечтать...

Ей сделалось себя жалко.

— Вы правы. Я лежалый товар. Какая из меня невеста?

Она смахнула все белые костяшки влево.

Но тут сэр Томас перестал изображать «адвоката дьявола». Это тоже было всегдашним ритуалом: спорщики обменивались позициями, чтобы взглянуть на дело с противоположной стороны.

— Ценность товара определяется спросом. А на вашу руку спрос велик, — сказал канцлер. — Сейчас нам нужно помешать военному союзу Франции с Испанией, и этот брак поможет делу. — Белый камешек отлетел в правую сторону. К нему присоединился второй: — Принц — вертопрах и в государственные дела лезть не будет. Ну а ежели француз станет вам докучен и тем более, если он вас переживет и вздумает претендовать на престол, его всегда можно отравить.

Третий щелчок, похожий на звук взводимого курка, завершил безупречную аргументацию.

Елизавета бросила черный камешек:

— У него на переносице бородавка, из-за которой его прозвали Двухносым. Мне нынче пришлось сидеть в вуали, потому что на носу выскочил прыщ. Пара двухносых была бы уже чересчур.

Она сдернула с высокой прически брабантскую кисею, бросила на стол.

— Неужто он не понимает, как бородавка его портит? Я не выйду за него, пока он не срежет эту пакость!

— Нострадамус предсказал, что бородавка магическая, оберегает принца от бед. Если ее удалить, он умрет. Принц суеверен, — пожал плечами Бромли. — Но ему вечно не хватает денег. Ежели мы предложим оплатить его долги в обмен на небольшую хирургическую операцию, маленькое препятствие будет устранено.

— Хорошо. Но как быть с большим препятствием? Я не могу взять в мужья католика, а переходить в протестантскую веру Анжу отказывается. Вы же слышали его решительное «нет».

Елизавета на аллегорическом портрете, рядом с нехорошим Женихом

— Чтобы сделать покупателя сговорчивей, ему показывают, что на товар есть другие претенденты, — отвечал на это министр. — Я велел вывести принца через левую галерею, где московитские послы ожидают малой аудиенции. У них такие соболя, каких принц никогда не видывал. Сам-то он десятый год донашивает меховой плащ, который брат привез ему из Польши.

— Вы пригласили московитов на аудиенцию? — спросила Елизавета. — Зачем? Мы ведь уговорились потянуть с ответом до августа. Как только они поймут, что я и в мыслях не держу выходить за их полоумного царя, всей нашей русской торговле конец, а я вложила в «Московскую компанию»

пять тысяч собственных денег! Вот когда вернется караван с мехами, ворванью и рыбьим зубом, тогда можно будет не церемониться.

— Увы, ваше величество, откладывать более невозможно. Главный посол лорд Писемски требует ответа нынче, в противном случае угрожает немедленно уехать. Они ведь ждут уже восемь месяцев.

— Что же делать? — обеспокоилась королева. Ей было жалко пяти тысяч фунтов. — Я знаю, вы тоже изрядно вложились в русскую торговлю, но не будете же вы меня уговаривать стать женой москвитя?

— Нет. Но отказать ему тоже нельзя. Оскорбившись, царь Джон конфискует наши товары и предаст казни наших negociантов. Это очень жестокий владыка, его даже прозвали Tsar-Batushka, что означает «Грозный Царь».

Королева выжидательно смотрела на пухлую, флегматичную физиономию своего советника. Когда он говорил по какому-нибудь поводу, что сделать это никак невозможно, но и не сделать тоже нельзя, у него всегда было приготовлено третье решение.

— Так что же? — поторопила она сэра Томаса. — Как вы несносны с этими вашими ужимками! Что вы придумали?

— Третьего дня мои люди подобрали отмычку к посольскому ларцу. В нем хранится тайная инструкция царя Джона.

— Что в ней?

— Если сама государыня не склонится к браку, послам дозволяется принять другую невесту царской крови.

— Другую? — оживилась Елизавета. — Это меняет дело...

Она стала вертеть рыжий локон, что было признаком большого возбуждения. Тут можно было, как говорится у англичан, подбить одним камнем сразу двух птиц.

— Летиция Ноллис — родня последней жены моего отца, — сладостно улыбнулась королева. — Вот бы развести ее с графом Лестером и отправить в Московию. Брак был заключен тайно, его можно объявить недействительным.

Лестер был ее многолетний фаворит, она сердала на него за измену, а разлучницу Летицию ненавидела.

— Вряд ли граф согласится. Можно обвинить его в какой-нибудь измене и отрубить ему голову, — предложил министр, впрочем без большой надежды. Он давно враждовал с Лестером, но знал, что королева слишком к нему привязана.

Мысль Елизаветы неслась дальше.

— А нет ли королевской крови в жилах мерзкой леди Сеймур? Она вечно распространяет про меня гадкие сплетни.

— Послы наверняка захотят посмотреть на невесту. У леди Сеймур вместо языка змеиное жало, она напугает москвитов. Да и ссориться с родом Сеймуров вашему величеству не стоит, он многочислен и влиятелен.

— Что я ни скажи, ему всё не по нраву! — рассердилась Елизавета. — Придумайте кого-нибудь получше — чтоб не вышло осечки ни с невестой, ни с ее родственниками. Кто согласится отправить дочь в пасть азиатскому чудовищу?

— Есть такая Мэри Хастингс, сестра графа Хантингтона. Она засиделась в девицах, потому что граф скупится давать за нее приданое. Он охотно избавится от обузы. Королевская кровь там имеется, хоть и жиденькая. Девица по материнской линии происходит от Плантагенетов и является прапра... — Канцлер позагibal пальцы и прибавил еще одно «пра»: — ...правнучкой герцога Кларенса, того самого, что, по слухам, был утоплен в бочке с мальвазией.

— Я когда-нибудь видала эту Мэри при дворе? — спросила королева.

— Вряд ли. Она затворница. Коли угодно, можете посмотреть сейчас. Леди Мэри ожидает за дверью.

Бромли скромно потупился, наслаждаясь произведенным эффектом. Как уже говорилось, это был любимый его трюк: представить королеве какую-нибудь мудреную задачу и тут же подать на блюде ключик, которым сей ларчик отопрется.

Елизавета бросила в лорд-канцлера веером. Это был знак восхищения.

— Я знала, что у вас в рукаве спрятан кролик, старый вы фокусник! Ведите же ее, ведите!

Через минуту в королевский кабинет вошла худая дева, еле переставляя ноги от волнения. Она никогда не видала королеву вблизи и, долго протомившись в передней, была близка к обмороку. От природы малокровная и бледная, бедняжка сейчас вовсе побелела, соперничая цветом кожи с алебастром на Елизаветинном абакусе.

Никто не назвал бы Мэри Хастингс красивой. Черты ее лица были невыразительны, взгляд робок, формы угловаты. Возраст спинстера (этим ссохшимся словом в Англии называют старых девушек) шел к тридцати. Годы, немилосердные к тем, кто не изведal любви, словно накрыли потускневшее лицо паутиной.

— Не тушуйся, дитя мое, — ласково сказала королева. — Подойди, дай на тебя посмотреть...

Посмотревши, осталась довольна.

— Не приседай так низко, ты задохнешься в своем корсете. — Взяла Мэри за костлявые плечи, распрямила. — Можешь звать меня тетушкой, ведь мы родня. Ты знаешь, кто я?

— К... королева, — пролепетала та.

— Я не просто королева. Я волшебница. Добрая фея. Могу одним прикосновением превратить тебя... В кого бы ты хотела превратиться?

Бедной Мэри больше всего сейчас хотелось превратиться в комара, чтобы поскорей улететь отсюда и забиться в какую-нибудь щель. Но будучи благовоспитанной девицей из придворной семьи, она ответила:

— В то, что понравится вашему величеству.

Елизавета рассмеялась. Ответ пришелся ей по вкусу.

— Милая племянница, а может быть, кузина (я еще не решила), мне понравится, если ты превратишься в императрицу Московии.

— Императрицу чего?

— Великой державы, находящейся на Востоке. Хочешь ты стать императрицей Московии?

— Если это угодно вашему величеству.

Государыня растрогалась.

— Ах, Бромли, если б все мои подданные были таковы, как это славное дитя! Решено. Она нам подходит.

Оба — королева и министр — обошли деву кругом, словно перед ними был тюк с товаром.

— Лицо плаксивое, — посетовал сэр Томас. — Миледи, вы можете придать ему надменность или важность?

Мэри старательно попробовала, но получилось еще жалостней.

— А мы вот что сделаем.

Елизавета взяла со стола вуаль, в которой принимала герцога Анжуйского, и прикрепила ее к волосам девушки.

— Если московиты будут вас о чем-то спрашивать, отвечайте что взбредет в голову, — напутствовал Бромли окоченевшую барышню. — Переводчик — человек наш, он переведет как должно. Главное не улыбайтесь. У московитов улыбка почитается знаком слабости.

— Я никогда не улыбаюсь, — прошелестела Мэри. Она и в самом деле сызмальства была печальницей.

Елизавета принимает послов на малой аудиенции

— Встаньте вон там, к окну, и не шевелитесь, — велела королева, садясь к столу и принимая величественную позу. — Зовите азиатков, сэра Томаса.

Всё было готово к малой аудиенции.

* * *

Послы вошли диговинно. Первый, могучей стати, с густой бородой до широкого золотого пояса поверх золотой же шубы, в высокой, как труба, собольей шапке, ступал прямо, глядел гордо, нос поднимал кверху. Второй, помоложе, в серебряной шубе с серебряным поясом, держал кунью шапку в руке, на каждом шагу кланялся, касаясь шапкой пола.

Последним не столько вошел, сколько мелкоступно вкатился кругленький, низенький, юркий человек на коротких ножках, грациозно скользнул вбок, занял позицию между ее величеством и московитами и сразу начал изгибаться на обе стороны, кланяясь королеве на английский манер, послам — на русский. Это был лучший переводчик «Московской торговой компании» мастер Кроу.

— Отчего это длиннородый дерет нос, а короткородый кланяется? — спросила королева с любопытством, но тон был величественный.

— Первый посол, лорд Писемски, олицетворяет особу своего государя, поэтому, как у них это называется, *he doesn't break his hat*¹, — пояснил мастер Кроу.

— Чего она? — в свою очередь громким шепотом спросил переводчика старший посол.

— Государыня царица велит вашим милостям быть по-здорову и желает знать, с какой речью вы пожаловали, — бодро отвечал бывалый толмач.

— Не наше холопское дело — речи речевать. Мы — государевы уста. И ныне нам велено сказать царице Лизавете последнее государево слово. Что будет прочтено, глаголь грозно.

¹ Не ломает шапки.

— Сейчас прочтут свой ультиматум, — поклонившись направо до земли, а налево с реверансом, перевел Кроу.

Послы исполнили нечто вроде балетного па. Писемский сдернул шапку и согнулся головой к носкам своих сафьяновых сапог, а второй, наоборот, распрямился, нахлобучил куний колпак и вынул из-за пазухи свиток с красной вислой печатью. Теперь он был голосом царя Иоанна Васильевича.

Московский посол

В письме из Москвы говорилось: «Мы чаяли того, что ты, Лизавета, на своем государстве подобно нам государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и потому хотели с тобою дела делати, а в твоей державе мимо тебя худородные людишки и мужики торговые всему управа, ты же пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица и даже в своей руке не властна. Коли не понимаешь ты великой чести, тебе предложенной, снимаем мы с Англинской земли свою государеву милость. И знатно будет, яко твои гости в царстве Московском ныне поторгуют. Одумайся, Лизавета. То последнее наше к тебе слово».

Дочитав грозное послание и убрав грамоту, дьяк снова склонился, а Писемский, наоборот, выпрямился и нахлобучил соборный убор.

— Перескажи самую суть, учтивости можешь опустить, — велела Елизавета.

— А никаких учтивостей и не было! — подражая чеканной манере московита, заголосил переводчик. — Русские — в учтивостях — несильны! Царь — грозит — разрывом отношений — если не получит — ответа — сей же час!

И тоже, как второй посол, согнулся.

— К которому из них мне обращаться? К тому, что говорил, или к тому, что читал? Почему послов вообще двое, а не один?

— У московитов всегда так. Послы приглядывают друг за другом, и каждый пишет «klyauza», это такой репорт. Первый посол, лорд Теодор Писемски, — важный вельможа. Второй посол, сэр Эпифан Неудача, чиновник министерства иностранных дел.

— Нас представляешь? — догадался Писемский. — А что я наместник Шацкий, сказал?

— Первый посол имеет титул «лорд-протектор оф Шатск», — перевел мастер Кроу.

— Это какая-то важная провинция, вроде Уэльса? — спросила королева.

— Нет. Шатск — маленькая крепость, дыра дырой. Титул дан послу для пышности.

— Что, сэр Томас? — оборотилась Елизавета к министру. — Беру быка за рога?

Тот молча наклонил голову. Девицу Мэри, неподвижно стоявшую у окна под вуалью, вошедшие пока не заметили.

— Сначала скажи вежливо, почему я не выйду за их владыку, — вслепа переводчику английская монархиня. — Не тебя учить.

— От чести великой оробев, не смела я поверить в свое счастье, потому долго не отвечала на достойное предложение его царского величества, но ныне готова, — загнусавил Кроу, подражая высокому женскому голосу. — И ежели б не обет девства, принесенный мною Господу, я с великой благодарностью и счастьем стала царскою супругой.

Послы оба нахмурились.

— ...А теперь, когда они пригорюнились, скажи, что вместо меня они могут получить девицу Мэри, сестру графа Хантингтона, которая приходится мне кузиной...нет, лучше скажи племянницей. Скажи, от сердца ее отрываю.

Королева вынула платок, поднесла к глазам.

— Но я готова отдать великому государю в невесты княжну Марью Хантинскую, любимую свою племянницу, которая мне дороже дочери, — прочувствованно произнес переводчик и вытер глаза манжетом.

Русские переглянулись. Кажется, такого оборота они не ждали.

— Теперь скажи, что они могут сами заглянуть кобыле в зубы. — Елизавета картинно показала в сторону окна и поднялась. — Пойдемте, сэр Томас. С меня довольно этого балагана. Ты, мастер Кроу, оставайся. Я на тебя полагаюсь.

— Зрите же возлюбленную дочь мою! — повторил переводчик королевское мановение руки, — А я вас покидаю, ибо мое сердце материнское разрывается.

Послы поклонились удаляющейся Елизавете, но оба при этом глядели на тонкую недвижную фигуру у окна.

— Ежели вашим милостям угодно расспросить принцессу, я переведу, — подлетел к послам Кроу.

— Сума ты сошел? — оттолкнул его Писемский. — Как посмею я заговорить с особой, которая может стать нашей государыней? Мне на нее и смотреть-то лъзя только издали. Тебе же, смерду, вовсе не по чину. Поди вон!

Московский дьяк

Обескураженный толмач помедлил, и москвит рывкнул:

— За дверью жди!
Делать нечего, Кроу вышел.

* * *

Первое, что сделали русские, — сняли меховые шапки и распустили пояса на шубах. Обоим было жарко.

Федор Андреевич почесал потный загривок, пытливно глядя на девку с завешенным лицом.

— Что взаправду говорила рыжая кошка, Епифан?

— Девка королеве никто. Подсовывают кого не жалко, — сказал дьяк.

Епифан Неудача, будучи худого рода, выдвинулся в Посольском приказе из-за редкого дара к языкам. Чужие наречия давались ему так же легко, как птице папагал людские голоса. Епифан знал и по-татарски, и по-немецки, и по-польски, и по-шведски. Перед путешествием в англичинскую землю месяц поучился у пленного шотландского наемника — превзошел и булькающую речь далеких островитян.

— Так я и подумал. Беда, Епифан. Что делать будем? Привезем государю невесть-каку-невесту, сидеть нам на колу. Пусты вернемся — тож на тож выйдет. Ты его царское величество знаешь.

Дьяк поежился. Царское величество он знал. Однако на вопрос не ответил, ему было невместно. Решать предстояло Писемскому, старшему чином, годами и опытом.

Федор Андреевич, однако на ложную принцессу больше не смотрел, только на помощника — пытливно. Кустистые брови сдвинулись, в вылинявших от неоткровенной жизни глазах явственно читалось только одно чувство — тревога, но проглядывало и какое-то второе дно.

— Под девуку, надо думать, королевскую грамоту дадут, честь честью пропишут, каких она расцарских кровей, — тихо продолжил старший посол. — Кто там, на Москве, проверит? И как проверять? Соображаешь, к чему я?

Дьяк неуверенно кивнул. Белесые ресницы заморгали.

— Главное, ты бы не донес... — Писемский придвинулся, нависнув над низкорослым, щуплым товарищем. — Как, донесешь аль нет?

Епифан хотел помотать головой, но от страха одеревенела шея.

А Федору Андреевичу бояться было поздно. Самое опасное он уже проговорил.

— Тебя почто Неудачей-то прозвали? Давно хотел спознать, — спросил он про неважное, чтоб дьяк перестал цепенеть.

Уловка сработала, дьяк с облегчением принялся рассказывать:

— В позапрошлый год вышло. Твоей милости на ту пору в Москве не было, ты к польскому королю мириться ездил. Осерчал Иван Васильевич на князя Телятева, кричит: «Руби его, ребята! Кто ему башку с плеч снесет, пожалуйю всю княжью вотчину!». Я ближе всех к князю стоял, и сабля на боку, а замешкался. Васька Грязной раньше доспел, ему и вотчина. А надо мной все потешались, Неудачей прозвали. Так теперь и в грамотах пишут: Епифан Василев сын Неудача.

— Вот дурак, упустил счастье, — сказал на это старший посол. — Ты сейчас-то гляди долю свою не прозявь. И мою заодно. Думай сам: тут или пан, или пропал.

— Не донесу, — решил дьяк. — Вот тебе Божий крест.

И сотворил святое знамение.

Перекрестился и Писемский.

— Ладно. Пошли поглядим что за краля.

Он подошел к англичанке, за всё время ни разу не шевельнувшейся, и без церемоний откинул кисею.

Увидев вблизи два заросших бородою лица — одно щекастое и пожилое, другое — худое и еще не старое, Мэри зажмурилась. Ей хотелось поскорей пробудиться от ужасного сна.

— Тоща, — задумчиво молвил Писемский. — Страховидна. Но кожа белая, он это любит. И овца овцой. Иван Васильевич

на таких распаляется. Марфу Собакину помнишь? — спросил он про одну из прежних царских жен.

— Нет. До меня это было.

— Столько же хилой стати была девка. Он ее за неделю ухаживал. Схоронили. Этой тож надолго не хватит, а потом и концы в землю.

От утешительной мысли Федор Андреевич ободрился.

— Ладно. Пойдем в Москву грамоту писать: доставим-де невесту, английскую великую княжну, в наискором времени...

Прощай, покуда, девка. В дороге тебя пирогами откормим. Может, малость округлишься, — весело молвил он полуобморочной Мэри и, не удосужившись поклониться, пошел к двери.

Дьяк же замешкался. С ним творилось нечто самому ему непонятное. Пальцы судорожно шарили по нарядному серебряному поясу.

— Ты чего? Идем! — поторопил главный посол. — После налюбуйся. Тебе еще ее русскому обычаю учить.

Неудача суетливо повернулся, кинулся догонять. В самых дверях захлопал себя по бокам.

— Пояс обронил!

— Так поди подбери. Вещь царская, за нее спросят.

Парадный наряд — шубы, шапки, украшения, даже сапоги — у послов был казенный, выданный в приказе ради государевой чести.

— Да живей догоняй!

Епифан кинулся за поясом, лежавшим на полу у ног будущей царицы. Та была по-прежнему ни жива, ни мертва. Глаз так и не открыла.

— Оспа, — шепотом сказал ей Неудача по-английски.

Мэри мигнула, глядя на москвитя.

Марфа Собакина.
Реконструкция по черепу

- Что, сударь?
- Вернешься домой — отпиши, что заболела оспой.
- Что, сударь? — повторила она, ничего не понимая.
- За царя не ходи. Он знаешь какой?

Объяснять было некогда. Епифан соорстил рожу: зубы оскалил, глаза вытаращил, по-вурдалачьи зачмокал губами. Получилось страшно — девушка отшатнулась.

— Эй, Неудача? Ты чего застрял? — крикнул от дверей Писемский.

— Иду, боярин!

Заматывая на ходу пояс, дьяк еще раз обернулся:

— Соображай, дура!

— Что, сударь? — пробормотала Мэри и в третий раз.

* * *

Дурой Мэри Хастингс, однако, не была. Назавтра она отписала королеве, что захворала оспяной болезнью и ныне молит Всевышнего не покарать ее недужной смертью или тяжким уродством.

Вместо живой невесты московские послы повезли своему царю писанный с девицы портрет и обещание прислать новый, по которому будет видно, сильно ли обезобразят «княжну Хантинскую» оспины.

А вскорости — воля Божья — грозный царь помер. Мэри избежала участи Марфы Собакиной и мирно дожила свою стародевическую жизнь, вышивая на пяльцах и выращивая розы.

Про Неудачу же рассказывают, что в Смутное время он понравился Лжедмитрию и даже игрывал с ним в шахматы, но и эта удача обернулась для него неудачей. В день кровавого мятежа толпа разорвала беднягу вместе с Самозванцем.

Комментарий

Объясню, почему рассказ у меня получился именно таким.

Триггером стало странное имя младшего посла Неудачи. Что же это был за человек, стал думать я.

Общие очертания биографии думного дворянина Федора Писемского известны, но Епифан Неудача Васильев сын Ховралев (таково полное имя дипломата) кроме эпопеи с английским посольством лишь еще единожды поминается в числе дьяков Разрядного приказа при царе Федоре.

Старинное слово «ховраль» в родовой фамилии дьяка тоже означает «ротозей», «недотепа». То есть получается Неудача Недотепин. Интересно.

И я вдруг увидел живого человека, вечно обреченного на вторые и третьи роли. Выражаясь по-нынешнему, лузера. Притом состоящего на изворотливой посольской службе, где преуспевают только природные ловкачи.

Но в этой истории есть еще один лузер — Мэри Хастингс, предназначенная в жертву Дракону.

Писатель всегда на стороне лузеров. Потому что они психологически сложнее, потому что их жалко, и потому что болеть за тех, кто и так силен, очень скучно.

Так у меня и сложился этюд о том, как циничные хозяева жизни отлично обстряпали выгодное дельце, и всё у них должно было получиться — они же природные победители, но у жалкого неудачника что-то засвербило внутри, он послушался не разума, а сердца, и случилось чудо. Мне как автору это было приятно.

В рассказе, если вы заметили, есть структурная диспропорция. Начало затянуто, потому что диалог о герцоге Анжуйском продолжается дольше необходимого.

Я это сделал по той же самой причине — чтобы мне было приятно. В детстве я очень любил роман Генриха Манна «Молодые годы короля Генриха IV», и Двухно-
сый — персонаж оттуда. Жалко было сразу его отпускать.

Запомните важное правило беллетристики: автор иногда должен себя баловать архитектурными излишествами, если это доставляет ему удовольствие. Писательский кайф (или, как выражался Пушкин, кейф) передастся и читателю. Ну и вообще беллетрист — профессия гедоническая.

Белкинскими оборотами я, как вы заметили, пользовался очень умеренно. Только последнее предложение является парафразом концовки «Выстрела»: *«Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами».*

Урок второй

Прямая речь

Быть попугаем

В рассказе про Ивана Грозного мимоходом поминается царская птица «папагал», передразнивающая людские голоса. Попугай перекачывал сюда из другой моей новеллы «Знак Каина», создавая между двумя текстами некую связь, видимую только посвященным. Этот прием не связан с темой нашего урока, но нет смысла отводить ему отдельное занятие, достаточно будет просто объяснить, зачем это делается.

Беллетрист, в отличие от Писателя, который может создать за всю свою жизнь лишь одну книгу, должен быть плодовит. И желательно многообразен. При этом книги, которые он выпускает, какими бы разными они ни были, должны представлять собой одну вселенную, планеты которой движутся не просто по собственным траекториям, а притягивают и подталкивают друг друга — не обязательно очевидным образом. Человек, прочитавший не одну вашу книгу, а несколько, должен ощущать себя исследователем этого мира, понемногу открывающим для себя его приметы и законы. Выныривают знакомые персонажи, перекрещиваются семейные линии, иногда звучат имена или названия, которые читатель уже слышал.

Беллетрист — это паук, ткущий свою паутину, а читатель — бедная муха-цокотуха, которая по полю пошла и попалась. Но мухе в вашей паутине должно быть уютно. Как дома. Она осваивается, перестает рваться на волю.

И дело не только в читателе. Нити, которые вы перекидываете из книги в книгу, должны быть значимы лично для автора. Например, у меня долгое время были сложные отношения с лентой Мёбиуса. Я пытался понять, где проходит невидимая граница между Инь и Ян и есть ли она вообще. Как безусловное Добро превращается

в Зло? В какой момент? Все мои первые романы были про хороших злодеев, которые, в противоположность Мефистофелю, хотели блага, а творили нечто обратное. Я не обременял этой философской нагрузкой читателя (зачем ему мои тараканы, у него свои есть), но в каждой книжке обязательно мелькало слово «Мёбиус». «Мёбиусы» были расставлены, как бакены для обозначения фарватера.

Того же поля ягода (нет, правильнее сказать, калькируя с английского, «того же пера птица») попугай. Они часто запархивают в мои сочинения. В одном из них попугай даже главный герой и рассказчик.

Попугаи — моя obsessia. Я, например, подписан на интернет-канал «Parrots for Friends». У меня там есть свои фавориты, я слежу за их достижениями.

Я завидую попугаям. Тому, как идеально лучшие из них имитируют любой голос. Для писателя это высший класс.

Учитесь быть попугаями. Без этого авторского умения ваши герои никогда не станут живыми. Это особенно важно для персонажей третьестепенных, эпизодических, потому что у вас нет времени и места что-то про них объяснять. А они ведь тоже люди. Например, если у вас входит слуга с одной-единственной репликой «кушать подано», сделайте его, не знаю, гнусавым, или нервным, или шепелявым. Пусть объявит «куфать подано», и эта маленькая деталь превратит статиста в человека.

Впрочем, как работать с бэкграундом (Шишков, про-сти, не знаю, как перевести) персонажей, мы поговорим на другом занятии. Сейчас остановимся только на их речи.

Диалоги, разговоры, реплики — одновременно самое простое и самое трудное в работе над текстом.

Самое простое — потому что вы как автор не отвечаете за то, что говорит другой человек. Если он глуп, косноязычен, пошл, банален, неприятен, вы не виноваты. Он сказал, вы повторили. Вы попугай.

Самое трудное — потому что прямая речь неописательным образом создает из ничего, из сотрясения воздуха личность, которую читатель должен сразу ощутить и увидеть.

Как это происходит в жизни? Кто-то открывает рот, произносит какие-то слова, и наш внутренний фильтр, основываясь на личном опыте и знаниях о человеческом

роде, моментально помещает данного субъекта в ту или иную категорию. Первое впечатление при этом запросто может быть ошибочным, но это лишь делает людей сюжетно интересней.

Однако в жизни мы руководствуемся не только тем, как субъект говорит. Мы составляем изначальное суждение по его внешнему виду, по поведению.

В литературе эту функцию выполняет авторская речь.

«Нос его был широк и сплюснут, лицо скулистое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку; но лоб его был высок и хорошо сформирован и скрашивал неблагородно развитую нижнюю часть лица», — читаем мы, когда Достоевский знакомит нас с Рогожиным, и уже ждем от персонажа соответственного поведения — наглого, насмешливого, агрессивного, однако ж догадываемся, что высокий лоб себя тоже как-нибудь проявит.

Этак-то всякий может, как говорится в старом анекдоте про ветеринара, пришедшего к врачу (врач спросил: «На что жалуемся?»). Достоевский сформировал наше отношение к Рогожину своим описанием. Мы с вами задачу усложним. Но прежде чем перейти к заданию, расскажу историю, которая послужит нам исходным материалом.

The Tsar в Лондоне

Жаль, конечно, что Иван Грозный, прихватив ближних опричных, не сбежал в Англию. Россия от этого только выиграла бы. Первым русским монархом, посетившим остров, стал Петр Первый, век спустя.

Царь был человек яркий и произвел на туземцев яркое впечатление. Это, собственно, первый россиянин, обративший на себя внимание англичан. Он создал саму матрицу «Русский в Англии»: нечто шумное,

буйное, медведеобразное (и поскорей бы оно уже уехало обратно).

Отправляясь сопровождать Великое Посольство в 1697 году, Петр Алексеевич поначалу не собирался заезжать в Англию. Он думал, что строить корабли его научат и в Голландии, которая располагалась поближе и которую он читил с кукуйских времен, даже голландский язык выучил.

Но на саардамских верфях царю не понравилось, что тамошние мастера строят суда «по неписьменному обычаю», руководствуясь только опытом и интуицией. Зато английские корабли вроде бы создали целую цифирно-чертежную науку. И государь переплыл море, чтобы освоить английскую премудрость.

Венценосного стажера сопровождали четверо придворных, три толмача, повар, поп, шесть трубачей, семьдесят солдат такого же, как Петр, двухметрового роста, четыре карлы и мартышка. Таков был лик, чтобы не сказать имидж России, впервые явленный британцам. (Мартышка, с которой царь был неразлучен, во время его встречи с королем Вильгельмом запрыгнет британскому величеству на голову).

Делегация прибыла в страну 11 января 1698 года и пробыла на английской земле до середины апреля. Петр осмотрел то, что его везде интересовало: верфи, пушечные заводы, обсерваторию, монетный двор, Королевское научное общество, часовую мастерскую — и почему-то Оксфордский университет, что было нетипично. В любом случае университет ему видимо не показался хорошей идеей. На Руси это малополезное для армии и флота учреждение государь по возвращении заводить не стал.

Про петрово житье в Лондоне обычно рассказывают всякие «жареные факты», и я их, конечно, тоже не пропущу, но есть по меньшей мере один свидетель, описавший скандального московитского владыку совсем в другом свете.

Достопочтенный Джилберт Бёрнет, епископ Солсберийский, высокоученый муж и человек во всех смыслах

достойный, имел с царем продолжительную беседу с глазу на глаз (не считая переводчиков). Потом прелат добросовестно всё записал для отчета перед «королем, архиепископом и епископами».

«Он любит механику и имеет задатки не столько государя, сколько корабельного плотника, — докладывает Бёрнет. — Ему очень хочется понять наши законы, однако применять их в Московии он, кажется, не намерен». И цитирует царские слова: «Английская свобода для России негодна... Чтоб править народом, надобно его понимать». При этом Англия царю ужасно понравилась. «Это самое лучшее, самое красивое и самое счастливое место на свете, — сказал он. — Я жил бы счастливей, будь я не русским царем, а английским адмиралом». Мы знаем, что Петр вежливостью не отличался и комплименты говорить не умел, так что сказано было, по-видимому, искренне. Епископу русский показался человеком страстным, грубым и суровым, но безусловно заслуживающим самого серьезного отношения.

Однако отчет святого отца прочли немногие. Большинству же англичан Петр продемонстрировал совсем другой свой облик, хорошо знакомый тогдашним москвичам по гульбищам Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора.

Правда, нужно отдать царю-труженику должное — безобразничал он в свободное от работы время.

В Англии, как и в Голландии, Петр каждый день стучал топором и молотком в Дептфордских королевских доках (это современный восточный Лондон). Он даже поселился не в каком-нибудь дворце или респектабельном квартале, а в непосредственной близости от верфи.

Для царского проживания был снят Сейес-Корт, дом с садом, принадлежавший некоему Джону Ивлину. Там уже жил арендатор, адмирал Джон Бенбоу. Прославленный моряк, гроза мавров и пиратов, в ту пору отправился в дальние моря и, чтоб зря не тратиться, «подсдал» пустующий особняк августейшему гостю.

Бедный домовладелец Джон Ивлин очень скоро об этом горько пожалел. Петру с его патологической

Верфь в Дептфорде

нетерпеливостью было лень ходить через ворота, и он велел проделать дыру в стене, чтоб быстрее попадать на верфь. По вечерам его величество любил отдохнуть — по-своему, по-кукуйски. Сохранился документ огромной трагической силы, в которой Ивлин описывает последствия царского отдыха.

Все шторы, перины и постельное белье изорваны в клочья; полы на трех этажах выломаны; уничтожена вся мебель — не уцелел ни один из пятидесяти стульев; разбито триста (!) стеклянных панелей на окнах; двадцать висевших на стенах картин изрезаны. Больше всего владельца убило то, что зачем-то вытоптан его бережно лелеемый сад — очевидно, Петру не понравились пресловутые английские газоны. В общем, «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник» обошелся с маленьким кусочком британской территории примерно так же, как потом обойдется со всей Россией. (Да, я не люблю Петра Великого и считаю, что он принес стране больше вреда, чем пользы, но это другая тема, не для беллетристики).

Материальный ущерб от всего этого вандализма, подсчитанный с английской тщательностью, составил 305 фунтов 9 шиллингов и 6 пенсов плюс (почему-то

Памятник Петру на месте, где находился Сейес-Корт

отдельно) три фунта за три тачки, которые царь вся Русь лично расколошматил.

За пределами Сейес-Корта Петр тоже не стеснялся.

Он развлекался, устраивая ДТП на Темзе — таранил своей лодкой чужие, пьянствовал по кабакам, делал разные полезные покупки вроде крокодильего чучела, пировал с какой-то женщиной-великаном ростом 2 метра 80 сантиметров, «под протянутою десницей которой царь мог пройти не сгибаясь». Купил «арапку» и «арапчонка», до чего когда-нибудь докопаются жители современного лондонского района Дептфорд и снесут шемякинский памятник рабовладельцу.

Главным собутыльником царя был маркиз Кармартен, такой же выпивоха. Пишут, что эта пара устраивала в пабах соревнования, кто больше выпьет. Заведение, в котором они чаще всего дебоширили, потом называлось «Царь Московии». Улица до сих пор носит имя Маскови-стрит.

Кармартен познакомил собутыльника с семнадцатилетней актрисой Летицией Кросс (сценический псевдоним «Маленький Херувим»), которая задорно плясала

и звонко пела. Девушка поселилась у самодержца в доме, после чего там стало еще веселей.

Юное создание наверняка рассчитывало сказочно разбогатеть — шутка ли: стать фавориткой великого восточного владыки. Но на прощанье получила за свои услуги только 500 гиней, чем была страшно недовольна. В ответ на упреки неблагодарный Петр — он был прижимист на личные траты — сказал Меншикову: «За 500 гиней у меня служат старики с усердием и умом, а эта худо служила своим передом». Подхалим Меншиков поддакнул: «Какова работа, такова и плата» — вместо того, чтоб ответить «Вот бы пусть старики тебе и служили по этой части». За Летицию прямо обидно — она потом станет звездой и будет блистать в театре Друри-Лейн. В Национальной Галерее есть ее портрет в виде Святой Екатерины.

Закончилось петровское гостевание в Англии так же, как в «Бесплодных усилиях любви», где московитским послам говорят: «Посетили — и ступайте». Сначала правительство, устав от жалоб обывателей, стало намекать царю, что пора и честь знать. Поскольку толстокожий

Живу недалеко и часто здесь гуляю. Помню, горжусь

*Портрет Летиции
написан тем же
Готфридом Кнеллером,
который сделал
вышеприведенную
парадную парсуну Петра*

Петр тонких сигналов не улавливал, ему сократили содержание и отобрали предоставленный экипаж. В конце концов королю пришлось напрямую поинтересоваться, когда-де вы, любимый брат, уже перестанете радовать нас своим присутствием?

Лишь после этого царь наконец покинул Англию. Впрочем, кажется, безо всяких обид.

Задание

Основываясь на этой фактуре, нужно написать текст, состоящий *только из прямой речи*. Это называется — правильно — «пьеса».

У драматургии свои законы и приемы, знать которые для выполнения задания необязательно. Стреляющие в финале ружья и эффектные «выходы» нам не понадобятся.

Единственное — очень рекомендую придумать убедительную сценографию, чтобы вы сами увидели разворачивающееся действие. Иначе картинка не оживет.

Как сделать, чтоб она ожила?

Булгаков объясняет: *«А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцветчивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я и пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Играют «Фауста». Вдруг «Фауст» смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вон он выходит из дверей с гитарой в руке. Слышу — напевает. Пишу — напевает».*

Для беллетриста сочинение пьесы подобно бегу в мешке. Твой главный опорно-двигательный аппарат, авторские описания, не работает. Можно пользоваться лишь короткими служебными ремарками («выходит, напевает»). Телегу действия тащат на себе только персонажи, своей прямой речью.

В ней мы и поупражняемся. Прямая речь должна быть такой, чтобы сразу возникала индивидуальность. Человек едва открыл рот, произнес первые слова, а мы уже догадываемся, что это за птица.

Далеко не все писатели, даже великие, хорошо владеют этим искусством. Процитированный выше Достоевский,

например, в учителя нам тут не годится. В речи всех его героев я слышу голос самого Федора Михайловича, иногда даже вижу его: как он взволнованно диктует стенографистке или лихорадочно бормочет себе под нос, разбрызгивая чернила по листу.

Учиться речи, раскрывающей индивидуальность, мы будем у того, у кого учился автор «Театрального романа» — у Гоголя, мастера мгновенно оживлять любых, даже вовсе отсутствующих персонажей. Вспомните письмо, которое читает Городничий. Там поминается какой-то Иван Кириллович, «который очень потолстел и всё играет на скрипке». Бац! И неведомый Иван Кириллович тут же возник перед нашими глазами, подпер пухлую щеку лаковой декой, запиликал.

Еще искусней Николай Васильевич раскрывает своих персонажей через монологи и реплики.

Мы возьмем за образец для подражания пьесу «Игроки». Все основные действующие лица там, как вы помните, — представители одного и того же человеческого подвида: шулеры. Это вам не театр масок, как в «Ревизоре». Но спутать героев невозможно — индивидуальность каждого осязаема.

Дополнительный фокус в том, что идет двойная игра: опытный мошенник Ихарев попадает в сети к еще более ловким прохиндеям, Утешительному, Кугелю и Швахневу, у каждого из которых свое собственное амплуа. То есть им и по роли, первыми же своими репликами, нужно произвести на весьма непростодушную жертву определенное впечатление.

Утешительный сразу обозначает себя «душой-человеком»: «Да, обманывался, обманывался и всегда буду обманываться. А все-таки не могу без откровенности».

Кугель изображает резонера: «Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всяким».

Швахнев — само добродушие: «Зарапортовался! Горяч необыкновенно: еще первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймешь».

Речь первого сбивчива («Нет, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это...»). Второго — лаконична. Третий разливается соловьем.

Прочтите пьесу внимательно, следя за тем, как автор вербально конструирует каждого из персонажей: обоих

слуг (их тоже не путаешь), «благородного отца» Глова, пылкого юношу, наконец главного героя Ихарева с его магической колодой «Аделаидой Ивановной». А потом напишите одноактную пьесу — комедию о приключениях Петра Первого в Англии: плутовскую, сатирическую, бурлескную, кросскультурную — какую угодно. Можете взять кого-то из названных мной исторических личностей или придумать собственных гомункулов. Главное, чтобы каждый говорил своим собственным неповторимым голосом.

Проверить, получилось ли у вас, можно вот как. Прочитайте пьесу вслух перед аудиторией, пусть даже очень маленькой, называя персонаж по имени, лишь когда он появляется в первый раз. Потом читайте только реплики. Если слушатели ни разу не спросят: «Это кто сейчас сказал?» — значит, с задачей вы справились.

Объем драматургического произведения по знакам не считают, поэтому просто следите за тем, чтобы получилось такое же количество страниц, как в первом рассказе, — не больше и не меньше.

А потом посмотрите, что за пьеса сложилась у меня.

Йо-хо-хо, камаринский мужик

Одноактная пьеса

Действующие лица

в порядке важности

**Царь Питер
Адмирал Бенбоу
Домовладелец
Маленький Херувим
Большая Бетси
Арап**

Явление первое

На занавес проецируется вид Дептфорда. Остальная часть сцены затемнена.

Через проход посередине зала в направлении сцены идут, освещенные прожектором, адмирал Бенбоу и Домовладелец. Первый шагает враскачку, дымя трубкой. Второй забегает то справа, то слева.

Домовладелец:

...Ах, сударь, он ведет себя в высшей степени не по-королевски. Позволю себе выразиться еще сильнее: не поджентльменски.

Бенбоу (флегматично):

Йэа?

Домовладелец:

Мой славный дом, обставленный с такой заботой и с таким тщанием, похож на Рим, разграбленный татарами! Ведь русские они и есть татары, вы это знали? Настоящее название их страны Татария, я специально нашел ее на глобусе! Царь Питер — потомок Чингисхана.

Бенбоу:

Йэа?

Домовладелец:

Он хуже Чингисхана! Чингисхан не ломал стулья и не стрелял из пистолета по картинам! Не обдирал обои! И, прошу прощения, не использовал супницу в качестве ночного горшка! А зачем, скажите на милость, было разбивать изразцы на печке? Можете вы мне это объяснить?

Бенбоу:

Йэа. Ваша печка дрянь. Ни черта не греет. Мне тоже хотелось ее расколошматить.

Домовладелец:

Но вы не сделали этого. А он сделал. И сад, мой бедный сад... В чем он-то провинился? В нем будто бушевало стадо пьяных медведей.

Бенбоу (останавливается):

Какого лешего вы меня сюда притащили? Я только что сошел с корабля. Восемь недель не был в пабе. Плевать мне на ваш сад.

Адмирал Бенбоу

Домовладелец:

Как плевать?! Как плевать?! Я сдавал дом вашей милости, а не русскому чудовищу, да не сочтут мои слова знаком непочтения к монархии. Вы обязаны укротить жильца, которого вы сами сюда поселили! И потребовать от него возмещения ущерба!

Бенбоу:

Йэа.

Поворачивается, чтобы уйти.

Домовладелец:

Спасите мой дом! Половину компенсации я отдам вам!
И сокращу арендную плату!

Бенбоу (обернувшись, с интересом):

Йэа?

Домовладелец:

Умоляю вас, сэр! Сам я дальше не пойду. В прошлый раз это скверно кончилось. В меня бросили супницу. Поэтому я и знаю, для чего ее используют... Что вы медлите, сэр? Или вы тоже боитесь царя?

Бенбоу:

Ха! В Африке я навидался царьков и умею с ними обращаться. Значит, половина платы? Ладно. Катитесь отсюда, не путайтесь под ногами.

Домовладелец:

С величайшим удовольствием!

Убегает.

Звучит тревожная музыка. На занавес проецируется фасад дома.

Явление второе

Адмирал приближается к сцене, которая теперь освещается с правой стороны. Там топчется Арап – человек с вымазанным сажей лицом.

Бенбоу:

Ты что за чучело?

Арап (*сдергивая шапку*):

Я, сэр, с вашего позволения, черный мавр, он же арап.

Бенбоу:

Ха! Не видал я мавров! (*Хватает Арапа за шиворот, проводит пальцем по его лицу*). Это чего у тебя? Сажа?

Арап:

Осторожно, сэр. Вы испортите мне цвет лица. Вам-то что за дело, мавр я или не мавр? Его русское величество господин зар... тсар... или как там его платят за арапа тридцать гиней. Тридцать золотых гиней, сэр! Как только они проснутя — а они пока что дрыхнут, — продамся им со всем моим удовольствием.

Бенбоу:

Ага. А после смоешь сажу, и поди тебя найди? Настоящей-то твоей рожи никто не видал.

Арап:

Не выдавайте меня, сэр. Что вам за дело до русских денег?

Бенбоу:

То, что они должны достаться мне, а не всякому жулью. (*Берет Арапа за плечи*). Однажды я привез в Кадис тридцать две засоленных башки мавританских пиратов. Хочешь стать тридцать третьей? (*Арап мотает головой*). Тогда брысь отсюда!

Арап кидается наутек. Адмирал идет к левой части сцены, которая теперь освещается. Там, свесив ноги, сидит Большая Бетси, очень длинная юбка достает до самого пола.

Бенбоу:

Ты тоже хочешь видеть русского царя?

Большая Бетси (*густым басом*):

Нет, это он хочет меня видеть.

Бенбоу:

На что ты ему? Кто ты такая?

Великанша (правда, XIX века)

Большая Бетси:

Я Большая Бетси, великанша из шоу «Мир чудес». К вашим услугам, сэр. Тсар слыхал обо мне и прислал записку. Сама я грамоте не знаю, сэр, но мне прочли. Вот. *(Достает из кармана листок)*. Тут сказано: «Приходи ко мне, женщина-великан. Я дам тебе гинею и погляжу, сколько ты можешь съесть и выпить». Я много могу съесть и выпить, сэр. Больше, чем мне дают. И гинея мне пригодится. Потому и пришла.

Бенбоу:

Еще одна охотница до наших с царем денег. Не очень-то ты похожа на великаншу, девка. А ну встань, когда с тобой джентльмен разговаривает!

Большая Бетси поднимается и оказывается на полметра выше адмирала².

² Под длинной юбкой актрисы нужно будет спрятать подставку.

Бенбоу (*галантно приподняв треуголку*):

Мои глубокие извинения, сударыня. Мне бы тоже было интересно посмотреть, сколько вы можете съесть.

Большая Бетси:

Много, сэр.

Бенбоу:

Что ж вы не заходите в дом, коли вас пригласили?

Большая Бетси:

Там низкий потолок. Боюсь макушку зашибить. Сделайте милость, скажите царю, что я тут.

Бенбоу:

Неприменно скажу. Сударыня...

Он кланяется. Бетси изображает неуклюжий книксен и снова садится. Эта часть стены снова затемняется. Адмирал возвращается в центр и поднимается по лестнке на сцену.

Явление третье

Занавес раздвигается.

Комната, в которой царит чудовищный беспорядок. На полу валяются стулья, некоторые с отломанными ножками. Простреленная картина висит криво. На двух столах стоят и лежат бутылки, грязная посуда, на блюде огромный надкусанный окорок. На кафельной печке угляем накалякана голая баба и порусски приписано «Алексашка курва».

Бенбоу (*оглядывая разгром*):

Как на флагмане алжирского паши после абордажа... (*Синтересом смотрит на изображение бабы. Подбирает уголек, делает груди побольше, подтерев прежние рукавом. Поднимает стул. Садится*). Эй! Есть тут кто? (*Во всю глотку*). Ахой! Адмирал на мостике!

Через некоторое время выходит Маленький Херувим – девица с растрепанными волосами, в одной ночной рубашке.

Маленький Херувим:

Что вы орете, сэр? И так голова трещит. Который час? Вы меня разбудили.

Бенбоу:

Для того я и орал. Ты кто такая?

Маленький Херувим:

Я Маленький Херувим.

Бенбоу:

Ага. А я – святой архангел. Ты шлюха царя Питера?

Маленький Херувим (с достоинством):

Сами вы шлюха, сэр. Я мисс Летиция Кросс, актриса славного театра на Друри-Лейн. Выступаю под именем Маленький Херувим. Вы сами-то кто?

Бенбоу:

Я адмирал Джон Бенбоу. Ты не похожа на актрису. Ты похожа на шлюху.

Маленький Херувим (рассудительно):

Настоящая актриса может сыграть кого угодно, в том числе и шлюху. Был бы хороший гонорар. Что привело вас в наш театр, сэр?

Бенбоу:

Я сдал этот театр твоему драматургу, черт бы его подрал! Хорошее представление вы тут устроили! *(Показывает вокруг).*

Маленький Херувим:

Да, мы вчера немного повеселились. Вам лучше поговорить про это с Питом. *(Поворачивается, звонко кричит).* Pe-ete! Come here³, tyou mat!

³ Пит, иди сюда!

Петр отдыхает после работы на верфи

Бенбоу:

Как мне с ним говорить-то? Он знает по-нашему?

Маленький Херувим:

Только несколько слов, которым научился на верфи и в кабаках. Ничего, я переведу.

Бенбоу (проникнувшись почтением):

Ты понимаешь язык московитов? И можешь на нем говорить?

Маленький Херувим:

Я понимаю мужчин на любом языке. Это вы не умеете понимать женщин, даже когда они говорят с вами по-английски. А чтоб говорить по-русски, довольно знать одну фразу. Она может означать что угодно, зависит от интонации. Не беспокойтесь, адмирал, вы с Питом отлично столкуетесь. (*Кричит*). Pe-ete! Where are you?⁴

Выходит царь Петр. Он полуодет, в руке пустой кувшин.

⁴ Пит, где ты?

Петр:

Летка! Вина нету. Пусто.

Маленький Херувим берет со стола одну бутылку – она пустая. Потом вторую, встряхивает. Наливает вина в кувшин. Петр страдальчески мычит. Пьет. Она сочувственно гладит его по голове.

Маленький Херувим (нежно):

Tvoya mat...

Петр:

Уф, полегчало. (*Только теперь замечает адмирала*). Ты кто? Зачем? Пшел вон.

Маленький Херувим:

He asks who are you and what's your business to come hither uninvited?⁵

Бенбоу:

I gathered that much. Tell him who I am⁶.

Маленький Херувим (царю, укоризненно):

He's an admiral⁷, tvoya mat.

Петр:

Адмирал? (*Недоверчиво глядит сверху вниз на Бенбоу*). Какой это адмирал? Вот у меня адмирал Лефорт – так это адмирал. Бутылку рома зараз выдувает.

Маленький Херувим (адмиралу):

Can you drain a bottle of rum, sir?⁸

Бенбоу:

Of course I can. Why?⁹

⁵ Он спрашивает, кто вы и как смели явиться без зова?

⁶ Я догадался. Объясни ему, кто я.

⁷ Он адмирал.

⁸ Можете вы осушить бутылку рома, сэр?

⁹ Само собой. А что?

Маленький Херувим:

Then do it. It would place you high in Pete's esteem¹⁰.

Находит на столе непечатую бутылку, дает адмиралу.

Бенбоу:

Would be a sin to refuse...¹¹

Нахлобучивает шляпу пониже, чтобы не свалилась. Бьет ладонью по донышку бутылки. Пробка вылетает. Адмирал запрокидывает голову и, громко булькая, пьет. Петр с интересом наблюдает. Адмирал переворачивает бутылку, оттуда не вытекает ни одной капли.

Бенбоу:

That's how we do it on my ships¹².

Петр:

Взаправду адмирал, твою мать! А так можешь?

Лупит кулаком по столу. Ножки подламываются. Тарелки и бутылки с грохотом сыплются на пол. Маленький Херувим хохочет.

Маленький Херувим:

Can you do this he asks?¹³

Бенбоу:

Who couldn't?¹⁴

Подходит ко второму столу, проделывает то же самое.

¹⁰ Так сделайте это. Пит вас будет уважать.

¹¹ Грех отказываться.

¹² Вот так пьют у меня на кораблях.

¹³ Он говорит: а так можете?

¹⁴ Запросто.

Петр:

Настоящий адмирал! (*Обнимает адмирала, троекратно целует*).
Летка, глянь, осталось там что?

Маленький Херувим ползает на четвереньках по полу, находит три неразбитые бутылки. Две отдает мужчинам, одну оставляет себе.

Петр:

На службу ко мне пойдешь? Мне настоящие адмиралы во как нужны.

Бенбоу (*поднимая бутылку*):

Tvoyu mat!

Петр:

Да, давай за матушку, покойницу.

Все трое пьют.

Освещается левая часть стены. Там стоит, выпрямившись во весь свой гигантский рост, Большая Бетси.

Большая Бетси:

Hey, I'm thirsty too. And hungry!¹⁵

Бенбоу подбирает еще одну бутылку и окорок, относит даме.

Бенбоу:

Here you are, my lass. You're more of a woman than them all.
May I be your company?¹⁶

Большая Бетси обхватывает его ручищей, в которой держит окорок. Адмиралу трудно, но он как-то пристраивает ко рту бутылку.

¹⁵ Э, я тоже пить хочу. И есть!

¹⁶ Держи, милая. Ты всех других баб за пояс заткнешь. Позволь составить тебе компанию.

Бенбоу:

Your grace, do you have shanties in that Muscovy of yours?¹⁷

Маленький Херувим:

I think they do. Wait...¹⁸ (*Начинает петь*). Oh ty sukin syn kamarinski muzhik...

Бенбоу:

Naw! *You* wait. (*Зычно запевает, притоптывая в такт*). Fifteen men on the dead man's chest...¹⁹

Большая Бетси (*подхватывает басом*):

Yo-ho-ho, and a bottle of rum!²⁰

Маленький Херувим (*звонко*):

...Drink and the devil had done for the rest²¹.

Yo-ho-ho, and a bottle of rum!

Англичане поют куплет еще раз.

Петр, тоже топая, подхватывает, но поет свое.

Петр:

Ох, ты, сукин сын, камаринский мужик,

Задрал ножки да й на печке лежит.

Лежит, лежит да й попорхивает,

Правой ножкою подергивает.

Обе парочки поют. Песни, английская и русская, сливаются в одну.

Под эту какофонию закрывается занавес.

КОНЕЦ

¹⁷ Ваше величество, а в Московии шэнтиз поют?

¹⁸ Думаю, да. Погодите-ка...

¹⁹ Нет, это ты погоди. «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...»

²⁰ Йо-хо-хо и бутылка рома!

²¹ Пей, и дьявол доведет тебя до конца. Йо-хо-хо и бутылка рома!

Комментарий

Как видите, сочинение получилось незатейливое. Поскольку пьеса коротенькая, все персонажи в ней однородны, и каждый сразу попадает в хорошо знакомое читателю/зрителю клише. Вот скупой Панталоне, вот Грубый Моряк, вот Субретка и так далее. Соответственно своей маске они и разговаривают.

Необычный ход только один: как только появляется русский царь, «дубляж» отключается. Остальные действующие лица начинают говорить по-английски.

Зачем это мне понадобилось?

Чтобы развить тему «русский в Англии». В данном случае это Петр, со всех сторон окруженный диковинными явлениями и непонятными словесами. Мне нужно, чтобы читатель перефокусировался с адмирала на царя. Чтобы в голове включился мем «#Я/Мы Петр». Начав разговаривать на своей тарабарщине, туземцы сразу психологически отдаляются от читателя. То есть прямая речь опять-таки используется для достижения нужного автору эффекта.

Триггером для выбора сюжета у меня стало мелькнувшее в материале имя Джона Бенбоу. Встречался ли адмирал на самом деле с Петром, я не знаю. Кажется, нет. Но это неважно. Важно, что все читали «Остров сокровищ», и Бенбоу для нас почти родственник. А для тех, кто не сразу вспомнил про таверну «Адмирал Бенбоу», где начинаются события любимого романа, в конце звучит песня, которую уж точно все знают.

Еще один «мостик» в другое произведение, уже мое собственное, — имя «Летиция», которое я очень люблю. Мне слышится в нем нечто летящее. (Если помните, в первом рассказе тоже мелькнула Летиция). У меня есть целый роман, героиню которого зовут Летиция, и она, подобно адмиралу, плавает по морям.

В общем, йо-хо-хо и бутылка рома.

Урок третий

Перевоплощение

Про полифонию

Джон Донн сказал: «Никто не остров, замкнутый в себе». И был неправ. В экзистенциальном смысле каждый из нас еще изолированной, чем остров. К острову по крайней мере можно подплыть и увидеть, что на нем происходит. О том, что происходит в другом человеке, можно только с большей или меньшей степенью вероятности догадываться.

Каждый из нас подобен не острову, а субмарине, которая плывет себе под водой, закованная в водонепроницаемую оболочку. Основная жизнь экипажа разворачивается внутри. На окружающий мир он смотрит через иллюминаторы. За ними плавают акулы, мурены и осьминоги. Оптика перископа несовершенна, угол его обзора ограничен. Одним словом, это замкнутое, клаустрофобичное существование, даже если две подлодки плывут куда-то параллельным курсом.

Описывая персонажей, автор должен легко перемещаться из одной «субмарины» в другую, в каждой из них чувствовать себя как дома и создавать такое же ощущение у читателей.

Переключение фокуса создает полифонию. Текст начинает говорить разными голосами. Даже если это произведение с одним главным героем, от лица которого ведется повествование, все остальные персонажи, появляясь в поле зрения, должны быть не пучеглазыми глубоководными тварями, а живыми людьми. Вы как автор обязаны досконально понимать внутреннюю логику их поведения.

Большой роман — это целый хор, и ни одна его партия не должна фальшивить. Достаточно, чтобы какой-нибудь десятый тенор пустил петуха, и публика в зале засвистит, а то и начнет расходиться.

Поскольку у нас произведение коротенькое, мы ограничимся дуэтом — двумя персонажами, которые вроде бы общаются между собой и вроде бы даже вполне понимают друг друга, но у каждого своя мотивация, собственное видение жизни, иная правда — и не совсем верное, а то и совсем неверное представление о партнере. В общем, всё как в жизни.

На предыдущем занятии мы учились создавать портреты героев при помощи прямой речи. Теперь поработаем с авторской. Главное содержание происходящего должно быть не в диалоге, а во внутреннем монологе каждого. Мы поупражнялись в том, как персонажи говорят, теперь поупражняемся в описании того, как они думают и что чувствуют.

Учтите только вот что. Описывая внутренний мир человека, автор перевоплощается в него, но при этом *не перестает быть собой*. Совершенно необязательно скрывать ваше отношение к персонажу. Вы можете его любить, ненавидеть, потешаться над ним, сочувствовать — что угодно. А можете оставаться невидимым, как бы отсутствующим.

Бесстрастно к своим героям обычно относится Чехов. Описания у него как правило безоценочны и ограничиваются констатацией внешних фактов: сколько человеку лет, как он выглядит, каково его социальное положение. Авторское отношение проскальзывает редко, в мелочах. «Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, мыслящая», — говорится о даме, которая Чехову несимпатична, но чувствуется это лишь по неприязненному эпитету «важная». Даже проникая в мысли персонажа, писатель остается доктором — судьей не становится, предоставляет это читателю. Противоположная метода у страстного Федора Михайловича, который никогда не скрывает, нравится ему герой или нет. «Это был господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожною и брюзгливою физиономией», — аттестует он вошедшего, и читателю сразу понятно: приперлась какая-то сволочь.

Тут всё зависит от устанавливаемых отношений между автором и читателем. Подводите вы его к песочнице и говорите: «Гляди, какая хорошая девочка, ну-ка подружись с ней, а этот мальчик бяка, ну его», или же относитесь

к читателю как к большому — пусть сам решает. Обе техники продуктивны.

Историческая фигура, которую я вам представляю, граф Семен Романович Воронцов (1744–1832), подходит и для насмешливого, и для уважительного к себе отношения. Хотя, учитывая сдержанность манер его сиятельства, полагаю, что больше всего ему понравилась бы дистанцированная вежливость.

Как говорится в рекламных слоганах, выбор за вами.

He of the Woronzow Road

В заглавие я вынес пояснение («тот, который Воронцов-роуд»), встретившееся мне в одном лондонском журнале, где упоминался наш протагонист. Богатенькая Воронцовская улица современным лондонцам хорошо известна, а в честь кого она названа мало кто знает. Мемориальную доску там повесили, разумеется, не англичане, а русские.

Семен Воронцов интересен мне по нескольким причинам.

В первую очередь, как обладатель высоко развитого ЧСД (чувства собственного достоинства) — большая редкость для русского человека восемнадцатого столетия, хоть бы даже и знатного вельможи.

Тогдашние аристократы ведь почти сплошь были грибоедовские Максим-Петровичи: «Когда же надо подслужиться, и он сгибался вперегиб». Гонялись за «случаем», раболепствовали, норовили притереться поближе к престолу.

Воронцову же и притираться было не нужно, он подле монархов вырос. Его дядя Михаил Илларионович был канцлером, старший брат со временем займет эту же должность,

наивысшую в империи; одна сестра стала фавориткой императора Петра III, другая — ближайшей подругой Екатерины II.

Но юношу не интересовала придворная карьера. «С самого раннего детства я имел страсть и неодолимый порыв к военному ремеслу», — пишет он в биографической записке. Первый свой неординарный поступок восемнадцатилетний поручик совершил в день переворота, когда Екатерина свергла своего злосчастного супруга. Чуть ли не единственный во всей гвардии юный Воронцов пытался этому помешать, взывая к солдатам, что «лучше умереть честно, верным подданным и воином, чем присоединиться к изменникам». Солдат это предложение не заинтересовало. Мальчишку скрутили и посадили под арест. Потом выпустили — невелика персона, но Семен Романович не пожелал служить в гвардии, убившей императора, которого она присягала охранять, — и ушел с военной службы. «В моей легковоспалимой крови все виденное и претерпенное мною произвело лихорадочное состояние», — рассказывает он. Других таких чистоплюев в России, кажется, не сыскалось.

Но когда началась война с Турцией, он счел своим долгом вернуться в строй. Храбро воевал, получив два «георгия», и особенно отличился в тяжелом сражении при Кагуле, где полк Воронцова своей стойкостью решил судьбу дела.

Много лет спустя один французский дипломат в своих записках о пребывании в Лондоне описывает эпизод, дающий яркую иллюстрацию к воронцовскому характеру. «Однажды за обедом у герцога Нортумберленда зашла речь о славной для России войне с Турцией, и в особенности о сражении при Кагуле, в котором фельдмаршал граф Румянцев явил себя таким великим полководцем. Я спросил графа Воронцова, был ли он в этом деле? Он очень просто и кратко отвечал: «Да, был». Потом французу рассказали, как Воронцов *был при Кагуле*. «Повел атаку против сильных неприятельских укреплений, взял штурмом редут, и турецкая армия ретировалась в беспорядке».

Несмотря на блестящие подвиги, военной карьеры Семен Романович так и не сделал — не понравился

Воронцов — молодой военный

всемогущему Потемкину. «Как я не мог обнаруживать перед ним угодливости, которой никогда не являл никому, то он принял отсутствие низости в моем характере за высокомерие и надменность».

Обидевшись, Воронцов опять снял военный мундир и уехал как можно дальше от петербургских нравов — за границу, на дипломатическую службу. Представитель столь высокопоставленной фамилии мог быть не меньше, чем «полномочным министром». Старший брат Александр, например, получил место посла в Англии будучи от роду всего двадцати одного года.

Сначала Семену Романовичу достается синекура — его отправляют посланником в лучезарную Венецию,

но заниматься там решительно нечем, а серьезному человеку хочется серьезной работы.

Тогда его переводят послом в важнейшую и труднейшую из иностранных столиц — в Лондон. На острове Воронцов проведет всю свою оставшуюся жизнь, сорок семь лет, и войдет в историю как главный российский англоман.

Посол из Семена Романовича получился довольно странный. Он имел собственное суждение о пользах отечества, не всегда совпадавшее с официальной линией Петербурга, и — что удивительно — обычно руководствовался своим мнением, а не присланными инструкциями. Вообще-то дипломатическому представителю независимость характера и твердые убеждения противопоказаны. Он ведь не более чем посланник, то есть посыльный. Его дело — ловко исполнять то, что прикажут.

Не таков был Воронцов. Он не стеснялся осуждать крепостничество и превозносить достоинства парламентской системы, что было весьма нелояльно и непатриотично для подданного самодержавной империи. Позволял себе осуждать раздел Польши, ибо считал оккупацию соседней страны несправедливостью. Более того — случалось, что и в политических демаршах поступал по-своему. Фавориты, Потемкин и Зубов, его ненавидели, Екатерина недолюбливала, и все же Воронцов на своем посту всех их пересидел.

Разгадка в том, что его своеволие неизменно шло России на благо, он всегда оказывался прав. Когда его настойчивых рекомендаций не слушали, выходило хуже. Иногда послу удавалось невозможное. Например, он практически в одиночку предотвратил войну между двумя странами, разрушив планы великого вундеркинда Питта-младшего (тот стал премьер-министром в 24 года). Причем русский посол сделал это совершенно английскими методами. Он сказал главе британского внешнеполитического ведомства: «Я вам объявляю, господин герцог, что я всеми мерами буду стараться, чтоб нация узнала о ваших намерениях,

столь противных ее интересам, и я слишком убежден в здравомыслии Английского народа, чтоб не надеяться, что громкий голос общественного мнения заставит вас отказаться от несправедливого предприятия». Воронцов стал встречаться с членами парламента, рассылать по городам и графствам воззвания, так что в конце концов возникло антивоенное движение, начались «митинги» (Воронцов с удовольствием приводит в своих франкоязычных реляциях это новое слово), и Питту пришлось распускать уже созданный флот.

Новый император Павел, ценя такого посла, пожелал назначить его канцлером — и Воронцов вновь проявил независимость: отказался. Не желал он и поддерживать антианглийский курс сумасбродного самодержца, за что царь отправил его в отставку и отобрал у него большую часть поместий. Что ж, граф остался жить в Лондоне на положении частного лица. Возвращаться в Россию он не собирался, ему нравилась Англия. Александр Первый, взойдя на престол, сразу же восстановил упряма в должности.

*Как было такую возвышенно
не полюбить?*

Другой литературно интересной чертой личности Воронцова является какой-то мистический злой рок в любовной жизни. Этого красавца-аристократа преследовали трагедии. С ранней юности он был влюблен в кузину Анну. «Я обожал женщину, которая доставляла мне полное счастье своею любовью», — пишет он, вспоминая это чувство уже в зрелые годы. Любовь была в духе модной тогда «Новой Элоизы», то есть платоническая и чрезвычайно возвышенная. Но Анна умерла, когда

ей было двадцать пять лет, разбив молодому человеку сердце.

У человеческого сердца, если оно вообще способно к любви, есть одна обнадеживающая особенность. Будучи разбито, оно имеет свойство со временем заживать и наполняться новой любовью. То же произошло с Воронцовым.

Несколько лет спустя он женился на прелестной Екатерине Сенявиной. Увы, она ушла из жизни двадцатитрехлетней, оставив двух маленьких детей. От горя бедный Семен Романович тяжело заболел и чуть не умер сам. «Эта болезнь произвела перемену в моем характере и в моих физических силах: моя живость исчезла, и тело мое с тех пор не может переносить ни зноя, ни холода», — горько пишет он в мемуарах.

Потосковав в одиночестве, вдовец нашел сердечное утешение с некоей англичанкой простого происхождения по имени Мэри Бекблек, однако она (как говорится в дурацком анекдоте, «вы будете очень смеяться») тоже умерла совсем молодой — и тоже оставила годовалого сына-сироту Джорджа. Незаконного отпрыска Воронцов крестил в русской церкви под именем Георгия Семеновича и впоследствии не оставил своим попечением. Мальчик вырастет и станет офицером королевского флота.

Со временем Семен Романович в лондонском обществе стал заметной фигурой, пользуясь всеобщим уважением. На его домашних приемах, не отличавшихся пышностью (граф был не особенно богат), бывали первые люди королевства. Манеры посла были обаятельны, беседа занимательна. Карамзин,

*Екатерина Сенявина. Избранницы
Семена Воронцова одна
пленительней другой*

посетивший Англию в 1790 году, пишет: «Всего чаще обедаю у нашего посла, графа С. Р. В., человека умного, достойного, приветливого, который живет совершенно по-английски, любит англичан и любим ими. Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо русскую историю, литературу и читал мне наизусть лучшие места од Ломоносова. Такой посол не уронит своего двора; за то Питт и Гренвиль [кузен Питта, будущий премьер-министр] очень уважают его». Оставил будущий историк и описание Воронцова: «Наш граф носит всегда синий фрак и маленький кошелек, который отличает его от всех лондонских жителей, потому что здесь никто кошельков не носит».

Кошелек был нужен вот зачем: отправляясь в церковь (а там граф бывал очень часто), он направо и налево раздавал милостыню нищим, причем не мелочь, а серебряные полукроны. Убогие сбегались к нему со всех сторон. Когда их отгоняла полиция, Воронцов ее останавливал, объясняя, что это такой русский обычай. Кстати говоря Воронцов-роуд в Лондоне появилась не в память о дипломатических свершениях российского посла, а в благодарность за его благотворительность: он завещал крупную сумму на строительство богадельни.

У беллетриста, изучающего *с литературными намерениями* историю жизни этого во всех смыслах красивого человека, возникает соблазн умилиться и проследиться — изобразить рыцаря без страха и упрека, ангела во плоти. Но не увлекайтесь сиропом (об этом у нас будет отдельное занятие). Положительный персонаж только выиграет, если вы сделаете его немного нелепым или даже комичным. Семен Романович дает для этого некоторые основания.

Прожив чуть не полвека в Англии и, по его собственным словам, «любя Англицкую нацию», его сиятельство не считал нужным выучить туземный язык, который казался ему плебейским. С равными объяснялся

на французском, слуг в доме держал русских. Как общался со своей Мэри, непонятно. (Кстати, хороший сюжет для рассказа). Пищу граф кушал только русскую, отдавая предпочтение грибному супу и кашам. Неукоснительно соблюдал православные посты. В старости, когда стало трудно ходить, переехал поближе к русской церкви. Это был англоман с разбором: любил хорошее чужое, но и от хорошего своего не отказывался. Есть чему поучиться.

Другая забавная черта Воронцова — ипохондрия. В письмах он постоянно жалуется на болезни. Всё время

Он и в старости был красив

хворает, лечится. В упоминавшейся автобиографии есть пассаж, который начинается со сладострастной фразы: «Перейдем теперь к состоянию моего здоровья» — и далее следует нечто вроде медицинской карты. «Одним словом, я человек истощенный телесно, — резюмирует страдалец, — не что иное, как плохой лимон, из которого выжали небольшое количество сока, в нем бывшее». Это не мешает «плохому лимону» прожить на свете еще три с половиной десятилетия и мирно скончаться в почтенном 88-летнем возрасте.

Кончина графа заслуживает отдельного описания — она тоже, как говорится в одной из биографий, «умилительно-прекрасна».

Старенькому Семену Романовичу ночью не спалось. Не желая беспокоить слуг, он отправился со свечкой на другой этаж, в библиотеку, чтобы отвлечься чтением, и оступился на крутой лестнице.

Литератор просто обязан отблагодарить жертву любви к книгам, вернув его к жизни в художественном тексте.

Задание

На этот раз жанр — психологический этюд. Всё должно быть очень статично. Никто никого не бьет, не режет, не целует и в окно не выкидывает. Действия минимум. Всю коллизию нужно построить на межличностной коммуникации. Покажите внутренний мир участников диалога и то, как два эти айсберга торчат над поверхностью одними только верхушками.

В качестве примера того, как это делается, приведу цитату не из прозы, а из поэзии. Для экономии места — ведь стихи гораздо лаконичнее.

В стихотворении Давида Самойлова «Пестель, Поэт и Анна» беседуют двое (Анна только поет за кадром). При этом каждый думает о своем, и образы создаются не столько за счет произнесенных слов, сколько за счет подслушанных мыслей.

А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».

...А Пушкин думал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»

Одним из ваших героев будет, понятное дело, Семен Романович Воронцов. Второго найдите или придумайте сами²², но это должен быть британец. Коммуникация усложнена различием в национальной ментальности, жизненном опыте и культурных кодах. Хорошо бы еще ввести существенную разницу в возрасте.

В малособытийном рассказе самое трудное — не навевать на читателя скуку. Ведь, в отличие от остросюжетного произведения, в «тупосюжетном» все приключения вербально-психологические. С упором на второй компонент, который требует дополнительного знания. Однажды я слышал, как в кафе за соседним столиком разговаривали две девушки. Одна взволнованно рассказывала: «Я такая ему: «Здрасьте, давно не виделись». Он, сволочь, на меня смотрит и улыбается. Я прямо похолодела. Ну всё, думаю, приехали...». Весь нарратив был в том же духе. Фабулы — ноль. Вторая напряженно слушала, время от времени восклицая: «Да ты чего?! Ну вообще! А он чего?». Вот вам пример удачной работы с эмоционально вовлеченной аудиторией. В литературе такое требует незаурядного мастерства.

В качестве стилистического камертона берем «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна. Это первое удачное произведение западной литературы (у японцев есть «Записки у изголовья»), где внутренний монолог героя важнее описываемых событий, нарочито тривиальных. А еще — для погружения в атмосферу рассудительно-дидактичного, галантного и лукавого восемнадцатого столетия.

Опять скажу: не переборщите с архаичностью и орнаментальностью. Уловите нерв, обаяние стерновского стиля. Вернее сказать, это стиль английского писателя и русского литературного переводчика, феноменально одаренного Адриана Франковского.

²² Советую поискать в записках и письмах самого Воронцова, а также в биографии Д. Рябинина («Русский Архив» за 1876 и 1879 г.г.). Эти тексты доступны в интернете. Из недавних публикаций на сайте Руниверс есть только что вышедшая книга А. Воронцова-Дашкова и М. Микешина «Семен Романович Воронцов».

«Победав и выпив за здоровье французского короля, чтобы убедить себя, что я не питаю к нему никакой неприязни, а, напротив, высоко чту его за человеколюбие, — я почувствовал себя выросшим на целый дюйм благодаря этому примирению».

Франковский умер от голода во время Ленинградской блокады, и, когда помнишь об этом, в изящной, шутливой болтовне легкомысленного джентльмена былых времен начинает слышаться некая щемящая, вневременная нота.

«Человек, который гнушается или боится заходить в темные закоулки, может обладать превосходнейшими качествами и быть способным к сотне вещей; но из него никогда не получится хорошего чувствительного путешественника».

В общем, прежде чем браться за работу, полистайте Стерна. И не бойтесь заходить в темные закоулки человеческих чувств.

Продиж и бумер

Рассказ

— Теперь вопрос санкций по Крыму, — сказал секретарь. — Вы что-нибудь решили?

— А? — спросил премьер-министр, не поворачивая головы. Он стоял перед зеркалом, разглядывая свое лицо, и думал: «Маленькие, колючие глазки, чрезмерно высокий лоб, острый лисий нос. В сущности чрезвычайно неприятная физиономия, первый же взгляд на которую должен был бы вызывать у человека умного недоверие. Хорошо, что люди за редким исключением неумны. Еще лучше, что я себе так не нравлюсь. Однако же это не мешает мне себя любить. Вот формула развития, без коего, согласимся, жизнь лишена смысла: надобно любить себя, но при этом себе не нравиться. Тогда все время будешь понуждать свою персону сделаться лучше, но без саморазрушительной ненависти, а с доброжелательностью и любовью».

Мысль была новая, интересная.

— Крым. Полуостров, который царица Екатерина отобрала у султана, — повторил Тоби. — Билл, хватит витать в облаках!

Оба были очень молоды, дружны еще с Кембриджа и, будучи наедине, обходились без церемоний. В своем ближнем кругу Питт часто говорил, что в королевстве два правительства: одно дефективное, другое эффективное. Первое включало в себя пожилых, тупых министров. Оно заседало. Во втором состояли молодые, быстрые разумом помощники министров. Они решали. «Оставим бумерам Почтение, себе же заберем Решение», — говаривал Питт, в двадцать один год ставший депутатом, в двадцать три года министром, а в двадцать четыре премьером.

Уильям Питт Младший

«Бумерами» он называл всех, кто старше тридцати. Согласно его теории, к этому возрасту в мозгу человека из-за привычки к рутине, притупляющей свежесть и волатильность, накапливаются удушливые газы, а женитьба еще и перенаправляет жизненное электричество из макушки в нижние области тела. Опускаясь вниз, искра попадает в газ и происходит «БУМ!» — взрыв, выжигающий способность оригинально мыслить. Человек становится бумером. Всё, можно сдавать его старьевщику.

Бумеры обижались, ворчали, что Англию неспроста прозвали «старой и доброй», ею не должны управлять школьники-вундеркинды, но проигранная Америке война переменила правила игры. Чтобы сохранить первенство, Англия должна стать молодой и злой. Как Уильям Питт Младший и его волчата.

— Я знаю, что такое Крым, — резко отвечал премьер-министр. — Полуостров в Черном море, расположенный между 44 и 46 градусами северной широты, площадью десять тысяч миль.

— Восхищайте своей знаменитой памятью парламент, не меня, — поморщился секретарь, потирая ноющие виски. Он бурно провел ночь, лег спать только на рассвете и мучился мигренью. Хотелось выпить грогу с пряностями и подремать до послеполудня, но в папке для неотложных okazji осталось еще изрядное количество листков.

— У вас тоже была бы хорошая память, если б вы не истощали ее блудными вожделениями. Еще пять лет такой жизни, и вы сами превратитесь в бумера, попомните мое слово.

«Ты-то ни к кому кроме самого себя блудных вожделений не испытываешь, нарцисс сушеный. Ишь, прилип к зеркалу», — парировал Тоби, но, разумеется, про себя. Он очень хорошо знал, что можно говорить приятелю, а что нет.

Вслух же сказал:

— Вы сами заявили, что наглость России без ответа оставить нельзя, не то они совсем распояшутся. Министры поделились на тех, кто предлагает торговую блокаду, и на тех, кто считает достаточным ввести эмбарго на русский импорт.

— Оба решения нехороши. Блокада выльется в дополнительные расходы по снаряжению боевых кораблей. Эмбарго ударит по бирже, и этим воспользуется оппозиция.

— Что же, откладываем Крым? — с надеждой предложил секретарь. Ему не терпелось перейти к следующей стопке бумаг.

Питт всё гляделся в зеркало. Это не было нарциссизмом, Тоби ошибался. Иногда, при обдумывании трудной проблемы, в глазах того, второго Питта, вдруг вспыхивал огонек, и откуда-то из неведомого зазеркального мира приходило идеально красивое решение. Но не сейчас.

— Откладываем, — со вздохом молвил премьер-министр, отвернувшись от зеркала, но к письменному столу не вернулся. Он всегда размышлял стоя или прохаживаясь, ибо, когда сидишь, кровь приливает к заднице, а стало быть, отливает от головы.

«Нужно отказаться от утреннего портвейна, — печально подумал он. — Портвейн убыстряет работу разума, но остужает флогистон иррационального наития, а это топливо гениальности. Жаль. В жизни так немного радостей».

— Тогда перехожу к следующему вопросу, к докладу генерального инспектора королевских тюрем. Вот докука почище Крыма. И положение становится всё хуже. Нужно что-то решать.

После окончания американской войны в Англию вернулись солдаты, которые теперь короне стали не нужны. Десятки тысяч бездельников, отучившихся от работы, но зато получивших охоту к приключениям, добывали себе пропитание как умели — разбоем и воровством. Отбирали у добропорядочных граждан имущество, а то и самое жизнь, не уважали законы и власть. В частных разговорах с приятелями Питт признавал, что по-человечески отлично понимает подобное поведение, и ежели бы появился на свет пролетарием, то, верно, вел бы себя точно так же, но как премьер-министр обязан обеспечивать существующий порядок и потачки нарушителям не даст.

Полиция исправно работала, суды не волокитствовали с приговорами, и всё это было бы прекрасно, но тюрьмы давным-давно переполнились, и девать осужденных преступников стало некуда. Питту пришла в голову отличная идея. Чем строить новые узилища в тесном городе, где квадратный фут земли обходится в фунт серебра, лучше использовать бесплатную поверхность Темзы, а заодно найдется применение массе обветшавших, гниющих на приколе судов. Их превратили в плавающие казематы, понапихали в трюм преступников, но вскоре заполнились и эти закрома.

Теперь, по отчету инспектора, на его платежном балансе висело содержание пятнадцати тысяч каторжников, которые разносили заразу, оглашали берега реки непристойными воплями и которых, что самое прискорбное, приходилось хоть и скудно, но кормить. А между тем что ни день привозили новых.

Выслушав слезницу главного королевского тюремщика, Питт вновь поворотился к своему отражению.

«Вот вам задачка, сэра. Что делать с пятнадцатью тысячами мерзавцев, которых: а) нельзя отпустить, ибо они снова примутся грабить и красть, дабы не умереть с голоду; б) нельзя всех повесить, ибо где взять столько виселиц; с) не на что кормить, ибо финансы перешли на режим жесткой экономии? Ну же, сэра. Прошу вас явить вашу прославленную гениальность».

Плавучие тюрьмы на Портсмутском рейде

Он учтиво поклонился. Отражение ответило ровно таким же движением.

Секретарь вздохнул, наблюдая эту пантомиму. «Пол-царства за кружку пива», думал он.

Глаза второго Питта сверкнули. Первый Питт тихо рассмеялся.

— Эврика, — сказал он. — Мы уезжаем, Тоби. Велите запрягать карету.

— Куда? — с любопытством спросил секретарь. — К тюремному инспектору?

— Нет. К русскому послу, Semyon Romanovich Woronzow, — объявил вундеркинд, с удовольствием выговаривая несуразное имя. (Это еще что, он помнил наизусть все двадцать титулов и фамилий испанского посла, дона Альваро-Бенхамена-Мария-Луиса-Эрнандо маркиза Касарес-Сидонья, графа Лакорунья-и-Дуэро, барона — нет виконта — Монтихо-Охеда-Эспиноса и прочая, и прочая.) — Отправьте вперед верхового с извещением, что это «питтанс-визит».

Новый премьер-министр ввел в моду новый тон, прозванный остроумцами питтанс-стилем. Юному гению термин пришелся по вкусу. «Pittance» означает «очень мало денег», а это

был главный принцип нового курса: экономия, экономия и еще раз экономия. Никакой пышности, никаких лишних трат. В моду вошли банкеты со скромным угощением в три блюда. Являться туда следовало в повседневном платье, дамам — без брильянтов. Это называлось «питтанс-приемы». В гости теперь ездили с импровизированными «питтанс-визитами», без предупреждения, что освобождало хозяев от расходов на дорогие блюда и чрезвычайно облегчило этикет. Светская молодежь от новой простоты была в восторге, самые отчаянные модницы даже перестали пудрить волосы и отказались от фижм. Негодовали только ретрограды и бумеры, но это в порядке вещей.

Ехать до Марлибона, где по соседству с посольством проживал русский представитель, было не долее четверти часа, но премьер-министр никогда не тратил времени впустую. Он работал даже в карете.

Секретарь излагал ему третью головоломную проблему из папки неотложных оказий.

Дело касалось гигантского острова, а может быть даже материка, недавно открытого капитаном Куком на противоположном краю света, в Южном океане. Новую землю нарекли Австралией и приписали к владениям британской короны, но за каким дьяволом короне нужна эта пустыня размером в триста Англий, никто не знал. Богатств там никаких вроде бы не имелось, туземцы были малочисленны, голы и к работам негодны: в неволе сразу мерли. Значит, ровно никакой пользы, одни расходы. Хоть обратно закрывай. Но так, увы, не бывает. Надо было зачем-то посылать за тридевять земель корабли, строить никому не нужные форты. Попробовали продать французам, незадорого, но в Версале тоже не дураки.

— Адмиралтейство требует сто двадцать тысяч на снаряжение экспедиции, — докладывал Тоби. — Отказать нельзя. Денег взять неоткуда. Да парламент и не даст.

— Жаль, что Кука съели дикари, — мрачно молвил премьер-министр. — Я бы сам его загрыз. — Жалобно вздохнул. — Что же нам с этой чертовой Австралией делать, Тоби?

Кавендиш-сквер

— Не знаю, — отвечал жестокосердный секретарь. — Я не гений, как некоторые. Но если денег не дать, первый лорд адмиралтейства угрожает отставкой. Это обрушит весь кабинет, сами знаете.

Уже подъезжали к Кавендишскому скверу. За поворотом была посольская резиденция.

— Оставайтесь здесь и найдите решение по австралийскому вопросу, — велел Питт, открывая дверцу, когда карета еще не остановилась. — И чтобы к моему возвращению предложение было готово.

Он спрыгнул на ходу, а Тоби сжал свою бедную голову, измученную тряской по булыжной мостовой.

После того как нарочный известил о *visite impromptue* английского главного министра, пришлось переодеваться.

Семен Романович Воронцов имел обыкновение к завтраку выходить в виде, приличном высокому званию посла, каковой олицетворяет свою персону Российской державу, и сидел за длинным столом один, прямой, немножко деревянный, в безупречно завитом парике, бархатном камзоле и крахмальном кружевном галстуке. Разобьет золоченой ложечкой скорлупу на яйцо, разочек черпнет желтое — и не донесет до рта, отложит. Отщипнет кусочек ситного, попьет кофею, вот и вся трапеза. Аппетита по утрам у Семена Романовича никогда не бывало, завтракал он потому что как же не завтракать. Если делать только то, чего хочется, и не делать того, к чему нет аппетита, далеко можно зайти. Да и за что будут получать жалование повар мсье Брике, кухонная прислуга, официант Силантий? Зачем людей обижать? Они работу выполняют исправно. У них своя служба, у их господина — своя.

Посол С. Р. Воронцов

Завтрашний наряд был еще половинным. Готовясь к переходу в кабинет, читать и писать бумаги, Воронцов надевал ленту и ордена, безымянный перст украшал пожалованным царицей перстнем, переобувался в башмаки с золотыми пряжками. Посол, трудящийся на благо империи, подобен священнику, творящему молебен во славу Божию, — тот ведь облачается в золотые ризы, *n'est-ce pas?*

Посему пришлось спешно разоблачаться. Диковинной английской моды на затрапез Семен Романович не одобрял, но с волками жить — по волчьи выть. Коли у них здесь такой завод, что ж поделаешь. Посол при персидском дворе к шаху простоволос является, без парика, и ничего. К китайскому богдыхану, говорят, вовсе надо в чулках захаживать. Нельзя попира́ть местного этикета, это для туземных людей обида.

Лента и ордена отправились на свое место, в стекольный шкаф, камзол сменился на бархатную куртку, в которой Воронцов посещал псарню, с туфель камердинер отстегнул сверкающие пряжки. Еще посол вспомнил, что Питт, принимая у себя гостей, чешет за ухом левретку, и велел запустить в кабинет сибирскую борзую, для охоты уже негодную и доживавшую свой век в доме, на пансионе. Марфа Ивановна была собака почтенная, никакого конфуза от нее произойти не могло. Пришла на ревматических лапах, вежливо вильнула хозяину хвостом и легла, положив седую морду на ковер.

Тут во дворе зацокали копыта, заскрипели колеса. Приехал английский министр. Семен Романович посмотрел из-за шторы, как молокосос чертиком выпрыгивает из кареты, покачал головой. Понятно, когда императрица производит в генералы или одаряет графским титулом молодого аманта — тот, кто делает монархиню счастливой, достоин награды. Но не доверяет же ее величество своим юным миньонам управлять империей! А Питт королю Георгу даже не миньон (хоть про нравы того и другого поговаривают всякое). Дерзкий, пронырливый, самоуверенный продиж²³, с которым надо держать ухо востро.

²³ Prodigе (фр.) — вундеркинд.

Марфа Ивановна в молодости

— К вашему превосходительству английский наиглавный министр господин Виллем Питт.

Дворецкий еще не закончил объявлять, а мальчишка уже вошел. Его щеки были румяны, улыбка превосходственна. «Не следует доверять высоким должностей человеку, у которого опыт не нарисовал на лбу ни единой морщины», подумал Семен Романович, наклоня голову.

«Чопорный, жухлый бумер, — подумал Питт. — На завтрак, должно быть, выпивает стакан крахмалу».

Марфе Ивановне узкий, вертлявый, неприятно стukaющий ногами по полу человек не понравился. Она смежила веки и прижала уши, чтобы не раздражаться. А этот еще подошел, наклонился, бесцеремонно потрепал по загривку.

— Славная псина. Сколько ей? Лет двенадцать?

Борзая приоткрыла один глаз. Это означало: убери свою лапу, невежа. Жалко, нельзя цапнуть.

— Тринадцать, — отвечал посол. Мысли его были в точности таковы, как у Марфы Ивановны: вот ведь невежа, даже прилично войти не умеет.

«Сразу в атаку, чтоб опешил», — сказал себе Питт.

— Я к вам с известием, пока неофициальным, мсье амбасадор. [Разговор, конечно, был на французском]. Вы знаете, я искренний доброжелатель и вашего превосходительства, и Российской империи, однако же у меня связаны руки. Когда парламент вынесет решение, долг правительства — его исполнять. Прошу расценивать мой визит как дружеский жест.

Какая-то каверза, и кажется нешуточная, понял Семен Романович, внутренне насторожившись.

— Весьма тронут и признателен, — поклонился он. — О чем собирается вынести решение парламент?

— Об ответных мерах в связи с нарушенным Россией международным правом. — «Участливая, но в то же время строгая улыбка. Легкое сожаление в движении бровей». — Англия, как и Франция, не могут оставить без внимания захват Крыма. Это было бы чересчур опасным прецедентом.

— Добровольное вхождение в состав России. Не захват, — поправил посол. — Сам хан обратился к ее царскому величеству с петицией о вступлении в подданство, и, когда просьба была удовлетворена, население выразило императрице горячую благодарность.

«А теперь без реверансов, дубиной по башке», решил Питт и улыбку с лица убрал.

— Вы при помощи штыков посадили на ханский трон свою марионетку. Хороша петиция! Что же до благодарного населения, то почему татары толпами убегают в Турцию и на Кавказ? Мне доносят, что деревни и города стоят пустые.

— Освободившиеся земли будут заселены малороссийскими крестьянами, — сказал Воронцов, поднимая подбородок. В голове стучало: «Алярм! Алярм!». Семен Романович велел себе запоминать каждое произнесенное слово, чтобы ничего не упустить в чрезвычайной депеше. Всякий нюанс тут имел значение.

— Но я, мсье главный министр, не понимаю, какое дело правительству его величества до населенности нашей территории. Ибо желает того Европа или нет, но Крым стал российским и таковым навсегда останется.

«Хорошо, очень хорошо».

Хан Шагин-Гирей просит Потемкина принять Крым в русское подданство

— Тогда, увы, будут последствия, — сокрушенно развел руками Питт. Пора было снова переходить на участливый тон. — Парламент требует введения санкций. Как минимум наши порты закроются для русских кораблей и товаров. А наши ястребы — о, дай мне Бог на них терпения — требуют худшего: полной морской блокады на Балтике и в Северном море. Это большая проблема и для вас, и для меня. Вы ведь знаете миролюбивость моих личных взглядов.

«О да, — мрачно подумал Воронцов. — Ты миролюбив, как приготовившаяся ужалить гадюка».

— И безмерно ценю благорасположение вашего превосходительства, — сказал он, нервно постукивая беспряженной туфлей.

Его тревога передалась задремавшей собаке и разбудила ее. Марфе Ивановне снилось, что она, молодая и легкая, несется по зеленому лугу за ушастым зайцем, но сон был некрепкий, старческий. Борзая приподняла голову, оскалила желтые зубы. До тощей лодыжки человека, обижающего хозяина, было лапой подать.

— ...Ума не приложу, как нам выйти из этого кризиса, — вздохнул премьер-министр. — Санкции обернутся ущербом для обеих сторон. В особенности, конечно, для России.

«Будет что-то вымогать взамен, — предположил Семен Романович. — Но что? Послабления для Польши? Тайное соглашение против Франции? Невмешательство в прусские дела по смерти хворого короля Фридриха?».

Питт мысленно считал до ста двадцати. Он собирался держать напряженную паузу две минуты.

— Разве что... — В задумчивости потер ямочку на подбородке. — Хм.

И снова умолк.

— Что такое? — подозрительно спросил Воронцов. «Говори уже, зачем явился! Как несносны люди, почитающие себя умнее и хитрее всех вокруг!».

— По-моему, есть решение, способное превратить обоюдный ущерб во взаимную выгоду! — воскликнул Питт с просветленным взглядом. — Крымский вопрос может разрешиться на пользу и Англии, и России!

— Такое возможно? — искренне удивился посол.

— А вот, посудите сами. — Премьер-министр схватил со стола табакерку. — Это Крым. Россия его, выражаясь недипломатически, *сламзила* (*l'a chîrè*). Однако Европа спустить этого не может и цапнула вас за запястье. — Он левой рукой вцепился в правую и попросил возмущившегося Воронцова: — Ради бога, не прерывайте ход моей мысли! Мало того — вы позволите? — Высыпал табак из шкатулки на лист бумаги. — Мало того, ларчик оказался пуст. Люди-то разбежались и продолжают разбегаться! Кому нужен край без работников? Теперь вам придется за большие деньги перевозить туда крестьян, которые, конечно, не захотят покидать родных мест, тоже пустятся в бега, их придется ловить...

Семен Романович хмурился. Он не поспевал за резвыми мыслями вундеркинда и не одобрял сомнительных метафор.

— Так вот вам способ сбить одним камнем двух птиц! — вскричал Питт. — Вы избавитесь от санкций и заселите Крым безо всяких расходов!

Он ссыпал табак обратно в коробочку и щедрым жестом протянул ее послу.

Воронцов посмотрел на табакерку, но брать табак повредил.

— Я не понимаю вашей аллегории...

— Англия подарит России несколько тысяч крепких, нестарых мужчин! И даже доставит их прямым в Крым! Они поселятся на опустевших землях, будут их обрабатывать! Строить коттеджи, фермы и города! Мы дадим впридачу некоторое количество женщин детородного возраста! — воодушевленно воскликнул премьер-министр, подумав, что в женских тюрьмах тоже негде упасть яблоку, столько там накопилось воровок, мошенниц и попрошаек. — Вообразите дикую азиатскую степь... Или девственные горы, — поправился Питт, не очень твердо зная, каковы природные условия далекого полуострова, который, к тому же, кажется, географически относился не к Азии, но неважно, неважно. — Одним словом, пустыню, заселенную настоящими европейцами. Через несколько поколений край будет не узнать. Там пролягут шоссейные дороги, заколосятся ухоженные нивы, возникнут цветущие селения!

Английский каторжник

«А возглавить переселение я поручу этому болвану лорду Мельбурну, — подумал он, подхваченный волной вдохновения. — По крайней мере перестанет пакостить мне в парламенте. Этот моллюск мечтает прославиться, вот пусть построит в Крыму город Мельбурн».

Марфа Ивановна начала поскуливать. Громкий, высокий голос ее нервировал.

— Плюс к тому мы не станем вводить санкции, — сладчайше улыбнулся премьер-министр. —

Зачем же нам портить жизнь англичанам, даже если они перешли в подданство другого государства? А не будет британских санкций, сами собой отпадут и французские. Каков вам мой проект? Я же говорил: со всех сторон одни выгоды.

Посол молчал. Должно быть, не мог своим пожилым умом охватить всю красоту идеи. Питт терпеливо ждал. Когда человеку за сорок, нужно быть к нему снисходительным.

Семен Романович и в самом деле опешил. Уже сложившийся в голове план реляции канцлеру Безбородко рассыпался.

— Сами доставите? — переспросил Воронцов, пытаясь угадать, в чем тут подвох. Неужто Питт вознамерился сыграть в троянского коня и оттяпать у нас Крым, заселив его англичанами? Навряд ли. При всей своей заносчивости он не может считать нас до такой степени имбецилами. И на что Лондону какой-то полуостров? У них по всем морям островов с архипелагами без счету.

— Но ведь это Гераклов подвиг — уговорить всех этих людей, собрать их в одном месте, посадить на корабли... — говорил он тем временем вслух.

— А они уже собраны и даже рассажены по кораблям, — перебил англичанин. — Нужно только будет отремонтировать эти суда, чтобы они выдержали плаванье. И можете потом их

не возвращать, — закончил он, подумав, что, если часть старых посуды по дороге потонет вместе со своим содержимым, невелика потеря.

Здесь у посла, который, несмотря на почтенные лета, еще не вполне утратил волатильность мозга, открылись глаза.

— Вы хотите сплавить нам — в буквальном смысле сплавить — каторжников из ваших речных тюрем?! — ахнул он. — Тех самых, о которых каждый день пишут газеты?

— Да. И что с того? В Крыму этим людям будет нечего красть и некого грабить, ерго им придется самим добывать хлеб, чтобы не издохнуть от голода. Каковы бы они ни были, но это истинные британцы. Упорство и привычка обустраивать жизнь у них в крови. Вам только надо будет некоторое время подержать у берегов эскадру, чтоб они не занялись пиратством. Море ведь у них тоже в крови.

Теперь про себя считал Воронцов. Потому что посол России никогда не должен терять достоинства — даже если глубоко оскорблен.

На счете «семьдесят восемь» Семен Романович достаточно собою овладел, чтобы заговорить ледяным, а не воспламененным голосом.

— Я читал, что вы пытались сторговаться с царьками африканской Гвинеи об обмене ваших каторжников на ихних негритянцев. Предлагали сначала голову за голову, потом по две белых головы за одну черную. Они вам отказали, так теперь вы решили попробовать по-иному?

Питт поморщился. Он не любил вспоминать ту историю. Идея сама по себе была гениальна. Черных рабов можно было бы переправить на Ямайку и Барбадос, казне вышла бы выгода. А заодно заткнулись бы парламентские краснобаи, осуждающие жестокую эксплуатацию черной расы белой. Вот вам, пожалуйста, равенство: белые англичане станут рабами у африканских лордов.

Вечная беда гения: слишком смелые идеи чересчур опережают свое время.

— Я нахожу в высшей степени странным предположение вашего превосходительства, будто Россия сочтет для себя

возможным рассматривать подобную препозицию, — продолжал рассыпать ледяные узоры посол, да не сдержался, от обиды за поругание отечества перешел на шипение — кричать Воронцов не умел. — Да как вам могло прийти в голову, милостивый государь, что моя страна согласится стать помойкой для иностранных ядовитых отходов? Нам хватает собственного мусора, и мы посылаем его в другую сторону — в Сибирь. Вводите свои санкции, а мы в ответ введем контрсанкции против английских товаров! Продавайте ваши стальные иголки и ваше сукно в других местах!

Пес залаял, брызнув слюной на белый шелковый чулок премьер-министра. «Не знаешь, который из них скорее укусит, — подумал Питт. — Оба старые, безмозглые. Надо будет напрямую обратиться к принцу Потемкину. Все говорят, что решения в России принимает он».

— А станете апеллировать помимо меня прямо в Санкт-Петербург, — прежним, ровным тоном молвил Воронцов, нагнувшись и поглаживая Марфу Ивановну, чтоб успокоилась, — знайте, что государыня непременно запросит моего мнения, и я отвечу то же самое.

— Переубедить вас, я полагаю, невозможно, — вздохнул премьер-министр, сожалеюще глядя на бумера. — Что ж, не стану и пытаться. Позвольте тогда откланяться. Примите заверения в совершеннейшем к вам почтении.

— И в моем еще более того наипачем, — поклонился Воронцов.

«Старый квадратноголовый хрыч», — пробормотал по-английски гость, идя к двери.

— Наглый щенок, — сказал посол по-русски Марфе Ивановне.

Она поняла слово, вздохнула. Перед усталым от долгой жизни взором мелькнула сладостная картина, не столько зрительная, сколько обонятельно-осязательная. Сладкий младенческий запах, копошение мохнатых головок у живота, приятное потягивание в сосцах. Давно это было.

— Эй, Тишка, подавай всегдашнее платье! — кликнул Семен Романович камердинеру. — Да пражки не забудь.

Премьер-министр поднялся в карету мрачнее тучи. Жалко было потраченного времени. Еще больше — блистательной идеи. Как же тяжело жить среди тугодумных болванов, не способных оценить даже собственной выгоды.

Вынул карманное зеркальце, стал осматривать верхнюю часть лица. От разочарования в уголках глаз, кажется, образовались морщинки.

— Придумали? — спросил он. — Насчет Австралии?

— Да.

Тоби был бодрее, чем полчаса назад. Он подсмотрел, как кучер потягивает из фляги, выкупил ее за сикспенс и немного поправил самочувствие.

— И?

— Что если продать ее русским? Им всё мало территорий, так пусть бы купили.

— Глупости, — буркнул Питт. — Русские не знают, что им и с Крымом-то делать.

Глаза в зеркальце вдруг вспыхнули искорками.

— Эврика! — повторил премьер-министр свое самое любимое слово. — Я знаю, как поступить с Австралией! Это будет *наша* Сибирь!

Комментарий

Из всех возможных сюжетов, связанных с Семеном Воронцовым, я выбрал крымский по очевидной причине. Он позволяет актуализировать повествование, перекидывая мостик в современность. Грех было не воспользоваться комичной схожестью ситуаций.

История с проектом заселения английскими каторжниками полуопустевшего Крыма подлинная.

Предложение Питта Младшего всерьез рассматривалось в Петербурге и даже получило одобрение светлейшего князя Потемкина-Таврического, который считал полуостров своим личным проектом. Но упрямый посол Воронцов встал насмерть и разрушил всё дело. «Прилично ли, чтобы в свете думали, что в счастливое и славное царствие Великой Екатерины Россия служит ссылкой Англии?... Здесь же и во всей Европе сведают, какими уродами селится Таврическое царство, где между тем надо будет с трудом охранять старых поселян от сих разбойников, кои, не зная никакого ремесла, ни же хлебопашества, обессилены будучи болезнями от распутной жизни, должны будут по привычке и необходимости питаться старыми ремеслами, то есть воровством и мошенничеством».

Тема молодой шпаны, что сотрет нас с лица земли, для автора-бумера тоже чувствительна. Совершенно очевидно, что он на стороне Семена Романовича и Марфы Ивановны.

Урок четвертый

Хлопоты любви

Тривиальнейшая из коллизий

В хорошей книге — во всяком случае в книге, которая пытается быть хорошей, — ничего случайного быть не должно. Мы даже не будем на это тратить специального урока, потому что суть лаконично сформулирована Чеховым в знаменитой максиме про ружье в первом акте. Даже в учебнике, если это учебник по беллетристике, чеховское правило нужно соблюдать. На первом занятии мимоходом поминалась шекспировская пьеса «Тщетные хлопоты любви», теперь пришло время из этого ружья выстрелить.

Попучимся описывать любовь, потому что в литературе обойтись без нее еще труднее, чем в жизни. Да и незачем. Любовь ведь самое лучшее, что в нас есть. Без нее человек, как известно, медь звенящая или кимвал звучащий.

Я делаю многотомный проект «История российского государства», разделенный на две линии — документальную и беллетристическую. В первой царят горе и насилие: война и чума, тюрьма и сума, угнетение и поругание. Кочегары кидают в топку исторического паровоза живых людей, из трубы валит черный дым, летят кроваво-красные искры. Зато серия исторических романов вся сплошь про любовь, любовь, любовь, потому что без нее проблемный человеческий род совсем ничего бы не стоил. Можно было бы назвать историческую половину «Тысяча лет Резни», а художественную «Тысяча лет Любви».

Те же два главных мотора работают в литературе, двигая фабулу и определяя отношения между персонажами: ненависть и любовь. Для остросюжетного произведения, конечно, проще и удобнее использовать первый из этих моторов — когда герои стремятся друг дружку поубивать. Это электризует повествование. Но учиться работать

с враждой и ненавистью мы не будем. Не из человеколюбия, а потому что такое письмо, в общем, особенной трудности не представляет. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет, пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой (только по законам беллетристики, конечно, это зайчик должен в финале грохнуть охотника, иначе неинтересно).

Несравненно труднее излагать вроде бы тривиальнейшую из коллизий, когда двое, преодолевая препятствия, желают заключить друг друга в объятия, а читатели волнуются: получится у них или нет. Труднее, потому что описывать чувства не так просто, как описывать действия. Если, конечно, автор рассчитывает вызвать у аудитории эмоциональную реакцию.

Задача это очень сложная, потому что взрослая аудитория — дама с прошлым. Она думает, что уже всё знает про любовь, ибо прочла про нее сто книжек и посмотрела тысячу фильмов. Нужны свежие приемы, или нестандартные ситуации, или незатертые слова. Константин Треплев ошибается, когда говорит: «Дело не в старых и не в новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души». То есть, среди писателей, конечно, изредка встречаются бесхитростные соловьи, но трели их, как правило, коротки и нечасты. Приходится ждать, пока из души снова что-нибудь польется. Настоящий беллетрист умеет открывать кран сам.

Если у вас получится описать любовные переживания так, что блазирванный читатель вновь ощутит себя Наташей Ростовой на первом балу, это большой профессиональный успех.

Проникать в чужие головы и души мы уже пробовали, но герои и ситуации, предложенные на первых занятиях, не располагали к описанию нежных чувств. Меня, например, как вы видели, все время вело в противоположную, комикающую сторону.

На сей раз никаких усмешек и подмигиваний. Сочиняем трогательную новеллу про любовь — хотите земную, хотите небесную, но непременно царапающую сердце.

Я дам вам несколько подсказок, когда буду формулировать задание. Пока же хочу предостеречь: не используйте собственный романтический опыт. Беллетристу это

вредно. Ваши герои должны любить так, как естественно для них. Иначе вы превратитесь в Достоевского, у которого в каждом романе выскакивают то Аполлинария Сулова, то Анна Григорьевна Сниткина, только их все время зовут по-разному. У Федора Михайловича можно поучиться очень многому, но не написанию любовной прозы.

Я вам предложу совершенно конкретную пару, довольно подробно опишу характеры и последовательность событий. Станьте этими людьми, не превращайте их в себя.

Разумеется, это будет международная, русско-английская любовь, а как же. Всякий любящий — тот же русский в Англии. Сначала ощущает себя неуверенно в чужом мире, потом постепенно осваивается, делает открытия, наконец начинает чувствовать себя как дома.

Или не начинает — это уж как повезет.

My Bonnie lies over
the ocean²⁴, или
Как синица тихо
за морем жила

Начну с героя. Не из мужского шовинизма, а потому что он — Русский, приехавший к Англии, которую будет олицетворять героиня.

Блестящий морской офицер Павел Чичагов, капитан большого 66-пушечного корабля «Ретвизан», в 1797 году надолго застревает на берегах Альбиона — его судно нуждается в серьезном ремонте. Работы ведутся в Чатэме (это порт недалеко от Лондона), в королевских доках. «Я нанял квартиру в городе, сколь было возможно поближе к эллингу, и явился к начальнику порта... — пишет Чичагов. — Это был флотский капитан, свыше восьмидесяти лет, по имени Проби».

Вообще-то Чарльзу Проби было семьдесят, но русский моряк молод, и ему что семьдесят, что восемьдесят — все едино.

Павел Васильевич оказался в Англии не впервые и неплохо знал язык. Он был отважный капитан и объездил много стран. И первое, и второе для капитана в порядке вещей. Но у Чичагова имелись и другие качества, менее тривиальные. Например, он был храбр не только перед бурями и картечами, но и перед начальством, что осложняло ему существование. Другим гандикапом

иявлялась скрупулезная честность и любовь к порядку, что в российских условиях тоже не способствует успешной карьере. Но Павел Васильевич служил не при дворе, а в море, и чем дальше он обретался от власти предрежащей, тем спокойней ему жилось. Больше всего капитан любил флот и свой корабль, главной его мечтой было сравняться в морском мастерстве с хозяевами океанов британцами. Поэтому, находясь в Англии, он мотал на ус и усердно всему учился.

Жил отважный капитан

Однако этот человек вовсе не был ходячей астрологией. Он имел собственные суждения об общественном благе — числил себя последователем Руссо и стыдился, что его родина позволяет рабство. В одном из частных писем Чичагов называет Россию «страной ужасов, в которой играют бытием и счастьем более тридцати миллионов душ». Впрочем для любовной истории переловые политические взгляды героя несущественны. Красиво любить способны и самые отъявленные ретрограды. Важнее другое необычное для военного качество: он хорошо пел. «Подобно большинству русских, Павел интуитивно понимал музыку, — пишет Джоанна Вудс, автор недавно вышедшей книги об этой англо-русской любовной эпопее. — ...Лодочники на Неве беспрерывно пели, домашние слуги делали свою работу, напевая старинные народные песни, солдаты шли на войну, хором распевая марши». Таким образом наш герой принадлежал к живописной нации невских гондольеров и музицирующих солдат.

Но вернемся к английскому начальнику порта Чарльзу Проби. «Он был вдов уже с давнего времени, — рассказывает далее Чичагов, — семейство его состояло

из двух сыновей, находившихся в отсутствии, и из четырех дочерей, их коих только две были замужем. Общество их было приятно благодаря царившему в нем тону довольства. Девушки были музыкантши, младшая дочь более другой. Так как я очень любил музыку, то гармония послужила к нашему сближению, и я нашел так много соотношений между чувствами и склонностями этой девушки с моими, что с каждым днем более и более привязывался к ней».

«Эта девушка», как вы догадались, и есть наша героиня Элизабет Проби. Ей уже двадцать три года, то есть по тогдашним понятиям она давно заневестилась.

Если Павла Чичагова, вопреки убеждению британской писательницы, трудно назвать типическим русским, то Элизабет была классической дочерью Альбиона — во всяком случае, как англичанок представляют иностранцы: сдержанной, рассудительной, интровертной. Внешность, впрочем, была обманчива. Один из знакомых спустя годы скажет про нее: под ледяной оболочкой сей холонокровной британки угадывался пылающий вулкан. Эта

внутренняя страстность вырывалась на поверхность, когда Элизабет играла на клавикордах. Девушка по-настоящему жила в музыке.

Когда русский пришел в гости и выяснилось, что он не против спеть, Элизабет села к инструменту, готовая аккомпанировать. Спросила, какую вещь угодно исполнить господину капитану (выговорить невообразимую фамилию Tchitchagoff никто в семействе Проби не мог). «Мою любимую», — отвечал моряк и назвал итальянскую мелодию, которую больше всего любила и мисс Проби.

Они запели дуэтом. В эти минуты все, вероятно, и решилось. Согласитесь: девушке 23 лет, со всей накопившейся огненной лавой в груди, странно было бы не влюбиться в мужчину, который выглядит инопланетянином, а на поверку оказывается сладкоголосым ангелом, слышащим внутренний голос твоей души.

Чичагова же, малопривычного к дамскому обществу, поразило, что с Элизабет можно беседовать об интересном: о ветрах, грот-мачтах и шпангоутах (она ведь была дочь капитана и выросла среди моряков).

Но Павел Васильевич, как положено мужчине, в сердечных делах был тупее и, кажется, не сразу сообразил, что влюбился. Ему просто нравилось бывать в гостеприимном доме, разговаривать и музицировать с удивительно приятной барышней. Лишь когда приблизилось расставание, капитан начал о чем-то догадываться. «Наконец, несмотря на все мое предубеждение против женитьбы, я почувствовал действительно, что мне весьма трудно будет расстаться с мисс Елизаветой Проби; я думал даже, что без нее не буду счастлив...», — сообщает он в своих записках с некоторым изумлением.

Зато, сделав это открытие, Чичагов колебаться не стал и ринулся на abordаж. Признался Елизавете Карловне в своих чувствах, ужасно обрадовался неожиданно быстрому и горячему согласию. Тут же отправил капитану Проби письмо с официальным предложением, пояснив, что избранница уже извещена и возражений не имеет.

Чарльз Проби был несказанно фраппирован. Ему, по-видимому, не приходила мысль, что его дочери — вообще любой английской девушке — может взбрести в голову выйти замуж за неангличанина. А уж обитатель «Страны медведей», как тогда называли Россию, должен был казаться старому джентльмену принадлежащим к какому-то иному биологическому виду. Дочь получила суровый реприманд. Русскому капитану было отписано, с ледяной вежливостью, что о браке мисс Проби с иностранцем и иноверцем не может идти и речи. Вести дальнейшую переписку отец дочери запретил.

В ответной эпистоле Чичагов столь же вежливо выразил свое разочарование и попрощался. Скорбь и вздыхая, стал готовиться к отъезду. В общем, смирился с судьбой. Ну что с него взять? Мужчина.

Элизабет повела себя храбрее. Через чичаговскую квартирную хозяйку отправила ему послание. Будучи честной девушкой, не нарушила отцовского запрета. Это было не письмо, а ноты их любимой итальянской песни. В тексте было подчеркнуто одно-единственное слово: *constanza* — «верность», «постоянство».

Чичагов был потрясен. Коли так, то и он будет верен до гроба, говорилось в ответном письме.

Тогда мисс Проби сочла, что долг любви выше дочернего: завязала эпистолярный роман.

С отцом она тоже общалась посредством писем, хоть жили они под одной крышей, — англичанам письменное выяснение отношений дается легче устного. Чарльз осуждал «французские Манеры» и «богопротивные Убеждения» капитана Ч., вероломного «Осквернителя Гостеприимства» (по старомодной орфографии существительные писались с большой буквы), и клялся, что заботится лишь о счастье дочери. Элизабет высказала дерзкое предположение, что счастье возможно обрести «не только на Английском Берегу» — чем, естественно, лишь усугубляла раздражение родителя.

В конце концов он поступил, как старый князь Болконский: взял с нее слово выждать 12 месяцев, уверенный, что за это время блажь пройдет. Элизабет легко согласилась, она была готова ждать хоть вечность.

Год прошел, *constanza* не померкла, и тогда отец взял свое слово обратно. Угрожал запереть дочь под замок, проклясть, лишить наследства. Всё было тщетно.

Элизабет была совершеннолетней и юридически могла выйти замуж за кого пожелает, но нравственное чувство не позволяло ей нанести старику такую обиду.

В конце концов не было счастья, да несчастье помогло. В 1799 году самодур помер, но перед смертью нанес последний удар: велел не отдавать неблагодарной клавикорды, без которых она не могла жить.

Зато Элизабет теперь была свободна, о чем немедленно сообщила суженому.

Мяч перемещается на другую сторону поля, российскую. Там тоже обнаружились препятствия, с национальным колоритом.

Военному для брака с иностранкой требовалось позволение монарха, а на престоле в это время находился полоумный император Павел, который воображал себя суровым, но любящим отцом всех своих подданных. И этот отец был ничуть не милосердней родителя мисс Проби. К тому же он мог покарать не только изыманием клавикордов.

Мытарства жениха начались с того, что в ответ на прошение о браке он получил высочайший реприманд: «В России настолько достаточно девиц, что нет надобности ехать искать их в Англию».

Чичагов обратился за помощью к влиятельной персоне, с которой подружился в Англии, — к послу Воронцову, нашему доброму знакомому. Граф Семен Романович, хорошо знавший по собственному опыту, каково это — лишаться любимой, занялся лоббированием через своего приятеля Ростопчина, царского фаворита. Этот ловкач отлично умел подстраиваться под причудливые настроения императора, он улучил хороший момент, и дело вроде бы устроилось.

Чичагова произвели в контр-адмиралы и откомандировали в эскадру, которая отправлялась в Англию, с позволением жениться. Но у строптивого, непочтительного к начальству Павла Васильевича имелся недоброжелатель в лице президента Адмиралтейств-коллегии графа Кушелева.

Сей лукавый царедворец нашептал подозрительному

Граф Кушелев

монарху, что Чичагов ради женитьбы на иностранке перейдет на службу в британский флот и это будет ужасный позор для русского флага.

Павел требует контр-адмирала к себе, и происходит следующая сцена:

«– Я знаю, что вы якобинец; но я разрушу все ваши идеи! Уволить его в отставку и посадить под арест! – произнес он [царь], обратясь к Кушелеву и к адъютантам. – Возьмите его шпагу! Снимите с него ордена!»

Адмирал выслушивал крики императора совершенно хладнокровно и первый снял с себя регалии, передавая их адъютанту.

– Отослать его в деревню, с запрещением носить военную форму; или нет, снять ее с него теперь же! – продолжал сердиться император».

Чичагов (пока в мундире)

С бедного Чичагова содрали мундир и растерзанным, полуодетым отправили в Петропавловскую крепость. Всё еще кипя от негодования, Павел навестил узника, и тот, кажется, наговорил ему дерзостей, за что был переведен из обычной камеры в подземный каземат.

Ростопчин написал Воронцову в Лондон (естественно, по-французски): «Должен сообщить новости о вашем протеже Tchitchagoff. По своем появлении он произвел скандал, частью по неве-

дению придворных нравов, частью по остроте своего языка. Он произнес перед императором несколько чересчур сильных слов, каковые, между нами говоря, были совершенно неподобающи, в особенности при нынешнем положении дел».

Там, в сыром подземелье, наш герой заболел лихорадкой и, вероятно, сгинул бы, но, по счастью, у Павла с его МДП на смену ярости пришло благодушие.

Он внезапно велел доставить к нему узника, сказал: «Позабудем, что произошло, и останемся друзьями». Вернул адмиральский чин, отпустил в Англию и препятствий семейному счастью больше не чинил. В общем, как говаривали на Руси, батюшка-царь захочет смертью показнит, а захочет помирует.

Слава богу, помиловал.

В Англии влюбленные, наконец, преодолев все препоны, соединились и обвенчались, после чего уплыли в Россию.

Получилось почти как в сказке с хорошим финалом, где после свадьбы муж с женой живут долго — долго и счастливо.

«Почти», потому что они жили вместе счастливо, но, к сожалению, не очень долго. Елизавета Карловна Чичагова родила трех русско-английских дочек, но при родах четвертой скончалась.

Павел Васильевич был безутешен, и это не фигура речи. Он не утешился до конца своей жизни, а ему было суждено провдоветь почти сорок лет.

На гробнице Елизаветы Чичаговой работы знаменитого скульптора Мартоса, была высечена эпитафия:

«My Bliss for ever I have buried here the 24 of July 1811»)²⁵.

От счастья полнеют

²⁵ «Мое счастье навеки схоронил я здесь сего 24 июля 1811 года».

А ниже — четверостишие из поэмы Эдварда Янга «Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии»:

Ах, узы нежные, что тесно с биеньем
сердца сплетены!
Порвавшись, вы его разбили,
вы иссушили душу мне,
Вы жизнь в мученье превратили.
Да право, что это за жизнь?
Покойник — тот, кто друга потерял.

Дальнейшая жизнь у Павла Чичагова действительно сложилась грустно. На следующий год он командовал Третьей армией во время Отечественной войны и остался в истории с репутацией растяпы, который позволил Наполеону улизнуть с Березины. Обвинение было несправедливо, но перед современниками Чичагов, будучи человеком гордым, оправдываться не стал и навсегда покинул Россию.

Когда при Николае I от проживавших в Европе русских потребовали вернуться на родину под угрозой конфискации имущества, Чичагов предпочел принять британское подданство и был лишен своих поместий. К старости он ослеп. Умирая, велел положить на гроб любимое платье жены.

Для его эпитафии отлично подошли бы другие строки из тех же «Ночных дум»:

Как нищ и как богат, как царственен и жалок,
Как сложен, как чудесен человек!²⁶

Во всяком случае у меня эта красивая, грустная история вызывает именно такие мысли.

²⁶ How poor, how rich, how abject, how august,
How complicate, how wonderful is man!

P.S.

В художественной прозе ни в коем случае нельзя без веской причины уводить повествование в сторону, особенно на финальной ноте. Но я сейчас пишу не беллетристику, поэтому могу позволить себе небольшое отступление.

Цитату о встрече Павла с Чичаговым — ту, что дана курсивом и в кавычках, — я взял из биографической статьи, опубликованной в «Русской старине» за 1883 год молодым гвардейским офицером Леонидом Чичаговым, родственником адмирала. Он дослужился до полковника. Овдовев, принял монашество. После революции был митрополитом Ленинградским.

Во время Большого Террора, восьмидесятилетним, был расстрелян. Причислен к священномученикам Русской Православной Церкви.

Но эта судьба больше подойдет для темы «Русский в России».

Задание

Итак, пишем новеллу о любви.

Герои — русский капитан и английская барышня. Характеристики их обрисованы. Факты — то есть препятствия, которые мешают влюбленным соединиться, — тоже известны. Единственное, что нужно придумать — размолвку между влюбленными и последующее примирение, без этого обязательного конфликта уважающих себя любовных повествований не бывает. В общем, пространство авторского маневра весьма ограничено: только описание чувств.

Нужно показать два отношения к любви — архетипически женское и архетипически мужское. Не бойтесь гендерных клише, на стадии обучения работа со стереотипами полезна. А впрочем, если вам захочется изобразить женственного мужчину и мужественную женщину — попробуйте. Вдруг получится?

Главная ваша цель — рассказать о любви так, чтобы читающему стало завидно, ужасно захотелось самому быть любимым и главное любить. Чтобы читатель влюбился в Элизабет, а читательница — в Павла. Будет совсем здорово, если читающий превратится в андрогина: станет попеременно чувствовать себя то любящим и любимым мужчиной, то любящей и любимой женщиной.

Что касается литературной манеры, возьмем на вооружение стиль, который в описываемую эпоху был как раз в моде, — сентиментализм. Он отлично подходит для любовной прозы — если, конечно, автор не собирается описывать физиологическую составляющую страсти. (Русская литература с ее пресловутой целомудренностью, а если хотите — ханжеством, так пока и не научилась эротическим описаниям. Во всяком случае я этой техникой не владею и учить ей не возьмусь).

Лучший образец русского сентиментализма — карамзинская «Бедная Лиза». У меня тут еще и личная привязанность. Мой самый первый роман был римейком истории о том, как Эраст невольно погубил бедную Лизу, а теперь, на склоне лет, я снова тшусь и льшусь быть Николаем Михайловичем Карамзиным — пишу историю государства российского.

«...Там юный монах — с бледным лицом, с томным взором — смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит — и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет — и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его».

«Чувствительная, добрая старушка, видя неутешимость дочери, часто прижимала ее к слабо биющемуся сердцу, называла божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила бога, чтобы он наградил ее за всё то, что она делает для матери».

В общем, перечитайте «Бедную Лизу», но позаимствуйте оттуда не тяжеловесный слог, а настроение. Это не плач, а поминутная готовность к плачу. Автор смотрит на мир глазами, полными слез от душевного трепета.

«Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!», — говорит писатель, но слезы у него так и не сорвутся, лишь в конце чуть дрогнет голос — в этом главный фокус. Разреваться должен читатель.

«Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могилке. Теперь, может быть, они уже примирились!».

Читатель — ну хорошо, читательница — всхлипывает и сморкается. Автор довольно улыбается. (Хотя я, честно говоря, тоже очень расстраиваюсь, когда у моих героев всё складывается печально. Не чужие ведь люди).

Избранные места из переписки г-жи П. и капитана Ч.

Эпистолярная новелла

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Апреля 14 дня 1797 года

Мой самый дорогой Пол. Моя рука вывела эти слова и задрожала. Впервые я называю Вас «мой», «самый дорогой» и просто «Пол». Ведь даже когда Вы объяснились со мною и обратились ко мне по имени, я, будучи засушенной англичанкой, пролепетала в ответ лишь «Я тоже, мистер Чичагов». Ах, ежели бы Вы знали, как храбра я в своем воображении, когда думаю о Вас! С какими нежными словами я к Вам обращаюсь! И, краснея, признаюсь Вам, что одними словами дело не оканчивается. Но остановлюсь здесь, ибо для дальнейшего не пригодна и бумага, хоть на ней я много смелей, чем в жизни.

Надеюсь, мое письмо успеет застать Вас на дозаправке питьевой водой в Схевенингене. Единственное опасение мое в том, что почтовая шхуна не имеет брамселя и при нынешнем норд-весте может опоздать к сроку.

Это отступление о погоде сделано в угождение правилам приличий, ибо меня учили, что погода — один из четырех предметов, дозволенных в письме благовоспитанной леди к джентльмену, а три остальных — божественное, прекрасное, и пожелания здоровья. Мой милый, да сохранит Бог Вашу прекрасную особу в добром здравии.

В моем любимом стихотворении говорится:

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна²⁷.

Хоть я дочь и невеста моряка, но как же я хотела бы, чтобы эти треклятые моря высохли и мы устремились бы навстречу друг другу среди задышающих рыб и севших на мель кораблей. Ну вот, теперь Вы видите, сколь я жестока и себялюбива, а еще я впервые написала слово на букву «т.», которое никогда не решилась бы произнести вслух, и Вы сочтете меня вульгарной.

Неважно, главное не забывайте меня, любите меня.

Ваша (да, да, навсегда Ваша)

Э.П.

P.S.

С главным делом пока, увы, всё по-прежнему. Я жду Пасхи. После праздничной службы отец всегда пребывает в христианском расположении духа. Поговорю с ним вновь.

Капитан Ч. г-же П.

Схевенинген. Майя 1 дня 1797 года

Лизинька, сердечный друг мой, Ваше письмо застигло меня перед самым поднятием якорей. У меня не более десяти минут, чтобы написать ответ и передать его на причал. Как жаль! Я о стольком желал бы Вам поведать! Но придется только о самом главном.

Самое главное, что я сделался не тот, что прежде. Это неожиданное и тревожное превращение, которое мешает мне исправно нести службу. В первый день я всё время думал о Вас, видел Ваше лицо повсюду. Измеряю секстаном высоту Солнца, а на сияющем диске Ваши сияющие черты.

²⁷ Пер. С. Маршака.

Или сижу в кают-компании перед тарелкою бульона. Меня спрашивают: «Отчего вы не едите?». А я вижу в тарелке Ваши черты и не смею коснуться их ложкой. Вечером вышло вовсе нехорошо. Марсовый матрос во время пожарного ученья уронил за борт багор. За это растяпе полагалось полсотни линьков, и я уже хотел было распорядиться, но вдруг увидел в воздухе Вашу нежную улыбку и размягчел сердцем. Ограничился легкой зуботычиной, которая для матросской дубленой морды вроде ласки. Старший помощник мистер Быков, образцовый моряк, после выговорил мне, что я разрушаю дисциплину, и был совершенно прав.

Я наложил на себя взысканье. Запретил себе думать о Вас на протяжении всего дня. Лишь ночью, ложась спать, я снимаю сию рестрикцию, и Вы немедленно оказываетесь рядом. После вахты я бываю столь утомлен, что сразу засыпаю, и Вы перемещаетесь со мною в мир сновидений. Это самое лучшее время суток. Но наутро я вновь превращаюсь в капитана линейного корабля. Рычу команды, бранюсь, наказываю тех, кого должно наказать. Никто и ни за что не догадается, что истинный я — тот, что во сне. Во сне мы с Вами бываем только в трех состояниях. Либо смеемся, либо плачем, либо — но нет, об этом я, пожалуй, не...

Пора заканчивать. Перебеливать времени нет. Прошу прощения за почерк и помарки.

Как поется в нашей любимой песне,

Tuo per sempre

Pavel

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Июня 3 дня 1797 года

Простите меня, милый друг, за это письмо, которое, боюсь, будет полно жалоб и желчных сентенций, но я могу излить накопившуюся горечь только Вам. Я ведь совсем одинока. Даже моя сестра Беатрис говорит, что не желает слушать подобные слова о нашем отце. Я знаю, что, прочитав мое письмо, Вы разразитесь в его адрес словами много более энергичными, какие употребляют моряки. Хотела бы и я их знать!

Судите сами. Нынче я в шестой раз подступилась к отцу с самыми рассудительными речами, приведя новый довод, который, по моему разумению, должен был подействовать. Зная, как вы меня любите, я не могу поверить, что вы решитесь разрушить мою жизнь и мое счастье, говорила я. Это было трудно, ведь у нас в семье не принято произносить вслух слово «любовь», а слово «счастье» почитается чем-то не вполне приличным. Я была кротка, как голубка. Глаза мои увлажнились, чего не случалось с детства. Я ведь дочь моряка, меня учили, что плач это слабость. Но я надеялась пробудить в его сердце жалость. Ведь он любит меня, младшую и позднюю дочь, больше всех своих детей!

«Английская жизнь проста, честна и ясна, как фамилия Проби, — сурово отвечивал он. — Имя же, которое мечтаешь принять ты, похоже на шипение ядовитой змеи. Такова будет и твоя судьба в дикой, варварской стране, где даже нет парламента! Твоя покойная матушка никогда не простит мне, если я обреку тебя на такую долю! Господи, неужто ты хочешь, чтобы тебя называли «миссис...».

И он стал плевать: «Tsch-tsch», не в состоянии выговорить «Чичагов».

Чарльз Проби: уже в молодости видно, что упрямец

Я простила бы оскорбления в свой адрес, но издевательства над Вашей фамилией снести не могла.

— «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет», — сказала я вначале. Но он не понял, он не читал Шекспира.

Тогда я в сердцах воскликнула:

— Я хочу, чтобы меня звали именем человека, которого я люблю, пусть даже я буду «миссис Вельзевул»!

Говорить этого, конечно, не следовало. Отец человек набожный. Он пришел в ужас.

В наказание я заперта на ключ у себя в спальне. Пищу мне приносят, но я ни к чему не прикасаюсь. Боже, не дай мне возненавидеть собственного отца!

Письмо отнесет на почту служанка. За это я пообещала ей свое муслиновое платье — то, в лиловую полоску, которое, как мне показалось, Вам не нравится.

Вы правы: *Tua* звучит лучше, чем холодное *Your*.

Tua Lizinka

Как это написать по-русски?

Капитан Ч. г-же П.

Кронштадт. Июля 13 дня 1797 года

Милый друг Лизинька! Вот мое плавание, длившееся год с лишком, окончилось, и я снова на Родине. Мы оба сильно изменились, я и она. Впрочем, ей произошедшая во мне перемена вряд ли заметна. Эта строгая мать уделяет душевным метаморфозам своих детей мало внимания, следя лишь за тем, чтоб они были послушны и смирно себя вели. Для России я всё тот же капитан Чичагов, она и не догадывается, что в груди, под Георгиевским крестом, теперь поселилась Англия.

Впрочем, Георгиевские кресты теперь запрещены как учрежденные покойной императрицей. Уже полгода страну правит его величество Павел Первый, который желает стереть самое память о прежнем царствовании. Этот принц в обществе был почти неизвестен, он вел существование полуотшельника в своем загородном поместье. Ходили слухи, что его высочество странен и, кажется, даже не совсем в уме, почему трон унаследует не он, а его старший сын Александр. Однако воцарился Павел. Все вокруг только и толкуют, что о причудливости его натуры. Вы сетуете, что английская непривычка к чувствительному разговору затрудняет ваши объяснения с отцом. Поверьте мне, дорогой друг, что русское обыкновение не сдерживать своих эмоций ничуть не лучше. Рассказывают, что царь бывает только в двух состояниях — бурно гневливом, когда все от него прячутся, и щедро-великодушном, когда дворец моментально наполняется толпами. Пребывание близ императора подобно игре на рулетке. Точно так же можно разбогатеть иль всё потерять в один миг.

Царь Павел глазами англичан

Умопомрачительные взлеты и сокрушительные падения случаются чуть не ежедневно. У всемогущего прежде князя Зубова изъяты все пожалованные ему казной поместья, а сам он выслан прочь. Статс-секретарь Грибовский и вовсе помещен под арест. Но, как и во всякой азартной игре, впечатление

на публику производят не разорившиеся, а счастливы. Некто Кутайсов, пленный турок и бывший брдобрей принца, ныне занимает высокую придворную должность гардеробмейстера, и перед ним заискивают министры. Многие мечтают стать Кутайсовыми, летят к манящему огню, как мотыльки на свечу, и сгорают, но это не останавливает других.

Что ж, я намерен держаться от сего светила подальше. Меня плечет иной огонь. Он пылает далеко, за двумя морями, но его сияние единственно согревает мне сердце. Я живу только Вашими письмами, о Луна и Солнце моей души. Умоляю, пишите мне как можно чаще и подробнее.

Tuo Paolo innamorato

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Августа 11 дня 1797 года

Мой драгоценный Паоло, после Вашего отъезда моя жизнь будто остановилась. Я хожу сомнамбулой иль вернее при-мороженной рыбой. Знаете, как только что выловленную сельдь бросают в короб со льдом, а потом вынимают, она отогревается и вновь оживает? Вот я в точности, как такая рыба. Когда Вы вернетесь, я опять затрепещу плавниками и зашевелю хвостом. А пока мне очень холодно, и некуда, не зачем плыть.

Ах, как я глупа со своими сравнениями! Теперь Вы воображаете меня замороженной селедкой, а это не тот образ, в котором я желала бы Вам являться.

Вы просите меня писать как можно подробней, но всякий мой день, как две капли воды, похож на другой. Давайте опишу сегодняшний, и Вы получите картину моего каждодневного существования.

Проснулась я в половине седьмого, по удару склянки. В нашем морском доме так заведено с незапамятных времен. Одевшись, долго сидела у окна и смотрела в сад. Моросил дождь и дул ветер, разнося сорванные листья. Мне не было скучно. Я думала о Вас.

Потом ударили две склянки, и я спустилась к завтраку. После того, как Беатрис переехала к мужу, за столом мы сидим вдвоем

с отцом. Я ему говорю «Доброго вам утра, батюшка». Он поднимает голову от «Морских вестей», кивает мне. Во взгляде тот же всегдашний вопрос: «Всё по-прежнему?». Мои глаза отвечают: «По-прежнему и никак иначе». После этого мы сидим молча. Тишина. Жужжание мухи. Позвякивание ложечек.

Потом я читаю книгу. Сейчас это «*Liasons Dangereux*». Я исправно разрезаю и перелистываю страницы, но не понимаю ни слова, потому что думаю только о Вас.

Три склянки зовут меня на ланч, но я прошу служанку передать, что у меня нет аппетита.

Кончается дождь, и я крутами гуляю по саду. Когда возвращаюсь, с удивлением обнаруживаю, что шляпка и шаль совсем мокрые. То ли накапало с веток, то ли снова полил дождь, а я и не заметила. Я думала о Вас.

Лучше всего мне думается о Вас перед вечером, когда я играю на клавикордах те песни, которые мы исполняли вместе, и те, которые я разучила недавно, чтобы мы спели их потом. Среди них одна, «*Au Clair de la Lune*», очень простая. Там есть такие слова, от которых у меня льются слезы:

Ma chandelle est morte,
Je n'ai plus de feu.
Ouvre-moi ta porte
Pour l'amour de Dieu²⁸.

Прошу Вас, добудьте ноты. Давайте условимся, что, скажем, по воскресеньям, в Ваши одиннадцать часов вечера, мы будем петь ее дуэтом. Пускай его услышат там, на Небе, и сжалятся над нами.

А теперь, когда я выполнила задание и подробно рассказала Вам о своем дне, прошу Вас сделать то же, ничего не опуская. Каждая деталь для меня драгоценна.

Tua Lizinka

²⁸ Ах, свеча погасла,
Больше нет огня.
Отвори мне двери
Ипусти меня.

Капитан Ч. г-же П.

Кронштадт. Сентября 2 дня 1797 года

Возлюбленная повелительница, Ваше желание для меня приказ. Исполняю его с усердием.

Мой день весьма отличен от Вашего. Есть только две сходности. Во-первых, пробуждаюсь я тоже от склянок, ибо ночую на корабле, который опять нуждается в ремонте после того, как «Ретвизан» в мою вахту задел дном о камень на выходе из Ревельской бухты — по Вашей вине, ибо я загрезился угадайте о ком. Теперь надобно крепить отошедшую медную обшивку.

Во-вторых, я тоже о Вас думаю, но по иному артикулу. После ревельского казуса я наказал себя недельным запретом мысленно произносить дорогое мне имя, а сейчас ввел порядок, согласно которому мечтаю о Вас только в награждение за какую-нибудь хорошо исполненную работу либо перенесенное страдание. С корабля я должен был отправиться в кресло зубного лекаря, тянувшего мне щипцами мудрый зуб, и почти не чувствовал боли, ибо позволил себе настоящую сладострастную оргию, в которой вновь переживал единственный наш поцелуй.

Кронштадт

На каттере, следовавшем в Петербург, я тоже думал о Вас, ибо пораненная челюсть чувствительно саднила.

Потом меня ждала аудиенция у нашего Первого Лорда Адмиралтейства. Передавать содержание этого скучного разговора я не стану, ибо нельзя доверять бумаге военные секреты, однако ж беседа была пренеприятной, ибо его сиятельство не может терпеть меня, а я — его. За сорок минут сей корриды, в которой меня всего утыкали бандерильями, я вознаграждал себя сорока минутами мысленной прогулки с Вами по набережной незабываемой реки Медвей.

Вечером я снова был у себя на корабле, в кают-компании, ибо по субботам капитан угощает офицеров пуншем. Этой священной традицией пренебрегать нельзя, даже если у капитана разбитое сердце. По причине этого тяжелого ранения я очень ослабел и постыдно напился. В голубом пламени над чашей мне всё мерещились Ваши голубые глаза. Дошло до того, что я принялся изливать старшему помощнику душу, превознося Ваши несравненные достоинства. Не знаю, как завтра буду смотреть моему сухарю Быкову в глаза. В конце концов я его утомил. Он проворчал: «Ох уж эти влюбленные моряки. На корабле вы всё тоскуете по предмету страсти, а с предметом страсти будете тосковать по кораблю».

Ах, Лизинька, как бы я желал переместиться в состояние, обратное нынешнему: телом находиться с Вами, а мыслями с кораблем!

Сейчас уже ночь. Я весьма нетрезв и то, что я пишу письмо Вам, опьяняет меня еще более.

Ваш пьяный моряк

[.....]

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Октября 11 дня 1798 года

Любимый! Я долго была лишена возможности писать Вам. Вообразите, мой родитель посадил меня под домашний арест. Между нами произошла совершенно не английская, а чрезвычайно

русская сцена, в которой мы оба кричали и плакали. «Вы мне более не дочь!» — объявил он. «В таком случае вы мне больше не отец!», — воскликнула я и была отправлена на гауптвахту. Служанку, которая носила мои письма, сменил отцовский денщик, откровенно честный малый, не польстившийся даже на шиллинг, а больше денег у меня не было.

Это я сейчас описываю Вам случившееся комически, но тогда мне было не до шуток. Я ужасно испугалась. Не отцовского гнева, а самое себя — того, что желаю ему скорой смерти, которая меня освободила бы и отворила врата к счастью. Признаюсь Вам в этом, потому что поклялась всегда и во всем быть с Вами предельно честной. Я бываю злой и скверной, друг мой.

Хуже всего, что это неправда, будто меня держит в неволе деспотизм отца. Я давно совершеннолетняя и с точки зрения закона могу выходить замуж за кого пожелаю. Но стоит мне подумать об этом, и я вижу отца, плачущего над гробом матушки, которую он так сильно любил. Я знаю, что весь тяжелый пламень этой любви он перенес на меня, свою младшую дочь. Я очень похожа на покойницу, все это говорят.

Чатэм

Неужто ж я не понимаю, что Ваша русскость не более чем предлог? Точно так же отец противился бы моему браку с англичанином. Да он, я думаю, даже рад, что я соглашаюсь выйти только за иностранца и иноверца. Это дает бедному старику оправдание в собственных глазах.

Я мучаю отца, любя Вас. И мучаю Вас, жалея отца. Я предаю вас обоих! Что же мне делать? Смилуйся надо мной, Господи!

Tvoya navek Lizinka

Капитан Ч. г-же П.

Санкт-Петербург. Января 12 дня 1799 года

Любезная Лизинька, Вы просили прислать Вам какое-нибудь русское стихотворение, чтобы Вы заучили его наизусть.

Вот мое любимое, которое я шепчу, когда никого нет рядом. О, как умеют поэты беречь наше сердце своею волшебной лирой! Сколь точно находят слова, играющие на струнах души!

Stónet sízyi golubóchek,
Stónet on e den' e noch.
Mílenkyi evó družhóchek
Uletél nadólgo proch.
On uzh bóle ne vorkúyet
E psheníchki ne klyuót,
Vsyo toskúyet, vsyo toskúyet
E tikhónko slyózy lyot²⁹.

Tvoy golubochek

[.....]

²⁹ Далее в письме следует все стихотворение действительного статского советника И. Дмитриева с последующим переводом на английский.

Г-жа П. капитану Ч.

Читэм. Марта 31 дня 1799 года

Я плачу и не могу остановиться. Едва высыхают слезы горя, как подступают слезы счастья, а сразу за ними слезы стыда. Я самая скверная, самая бессердечная из дочерей.

Простите, милый друг, я уже закапала слезами страницу, и чернила расплылись, а я еще не сообщила Вам весть.

Моего дорогого отца больше нет. Сегодня он окончил свой земной путь.

Меня осуждают братья и сестры. Они считают, что я своим упрямством отравила последние годы отца и сократила ему жизнь. Я лишена наследства по его завещанию — Вам достается бесприданница. Наконец, я нравственная преступница, но преступница, которую выпускают на свободу.

Боже, как ужасно и как прекрасно жить на свете.

Больше ничего писать не стану. Вы сами знаете, что нужно делать.

Лизинька

[..... .]

Капитан Ч. г-же П.

Санкт-Петербург. Июня 2 дня 1799 года

Milaya Lizinka, не желал писать Вам о том ранее, чтобы попусту не тревожить, однако теперь могу наконец объяснить промедление, которое доставило Вам столько досады.

Я обманывал Вас. Задержка вышла не из-за болезни батюшки, старого адмирала, который в свои преклонные годы, слава Богу, крепок, как мореный дуб. (Да, я лжец, но лишь из бережения Ваших драгоценных чувств).

Дело в том, что моя апрельская петиция императору с просьбой разрешить женитьбу на англичанке, была мне возвращена с собственноручной его величества припиской. Смысл ее заключался в том, что нечего искать чужестранных невест, когда в России своих девать некуда. Воля государя была выражена столь

твёрдо, что повторное ходатайство исключалось. Ежели бы я был живущий по правилам британец, я бы загоревал при виде запертой двери, и только. Но у нас, русских, помимо парадных дверей есть еще и черный ход, а к нему иногда можно подобрать ключик.

Этим я и занялся, а Вас не стал расстраивать, пока не утасла последняя надежда.

Заветный ключик мне добыл наш доброжелатель м-р W., через которого Вы получали часть моих писем.

Нынче доставлено приглашение во дворец. Мало того, что мне дозволено на Вас жениться (!), но я еще откомандирован в Англию (!!) и произведен в контр-адмиральский чин (!!!). Представьте — из церкви Вы выйдете уже адмиральшей.

Завтра я должен явиться к императору. Свой рассказ о сем торжественном событии отправлю уже со следующей почтой.

Мое превосходительство контр-адмирал Чичагов.

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Июля 11 дня 1799 года

Дорогой друг, вторую неделю подряд от Вас нет почты. Я догадываюсь, что аудиенция по какой-то причине отложена и Вы не хотите мне писать, прежде чем она состоялась. Это ничего. За два года я обучилась искусству терпения.

Молюсь, надеюсь, жду.

Лизинька

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Июля 18 дня 1799 года

Мне был сон, что сегодня почта доставит Ваше письмо с хорошими новостями. С утра я летала, как на крыльях. Но опять ничего нет. Как же долго, как долго!

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Августа 1 дня 1799 года

Опять вторник, и опять ничего! Я уже неделю не могу спать от тревоги. Неужто с Вами что-то случилось, и мои письма уходят в никуда, никому? Эта мысль сводит меня с ума. Сегодня тайком ездила в католическую церковь, потому что там есть икона Божьей Матери и перед нею можно поставить свечу. Поклялась, что откажусь от замужества, лишь бы Вы были живы! И уже знаю, что, ежели произойдет чудо и через неделю или две от Вас придет заветное письмо, я окажусь клятвопреступницей.

Ради Бога — католического, английского, русского — будьте живы!

Капитан Ч. г-же П.

Санкт-Петербург. Августа 1 дня 1799 года

Бесконечно дорогая Лизинька, простите, что долго не писал. Мною владели тяжкие сомнения, и постепенно зрело решение, которое разбивает мое сердце и больно ранит Ваше.

Нам нельзя быть мужем и женой. Ваш покойный отец был тысячу раз прав. Россия не та страна, куда порядочный человек может привезти жену, если любит ее так, как я люблю Вас. Здесь не существует закона, уважения к личности, обороны от произвола высшей власти. Любого дворянина, как бы он ни был чиновен и возвышен, по прихоти монарха, без суда и приговора, могут схватить, кинуть в каменный мешок и уничтожить. Бывает участь и еще худшая: несчастного ссылают в Сибирь, «лишив света», то есть заколачивают в деревянный ящик с оконцем величиной в пол-ладони и так везут несколько месяцев. Человек сгнивает заживо.

Это происходит сплошь и рядом. Люди исчезают, и о них боятся вспоминать. От их семей бегут, как от зачумленных. Такое может случиться и со мной. Что тогда ждет Вас — одинокую в чужой стране, потерянную, ошеломленную? Ведь никто даже ничего Вам не объяснит! Просто однажды Вы окажетесь

Узник Петропавловской крепости

в пустоте и молчании. Ужасная судьба, хуже, чем «лишиться света».

Простите меня за всё. А пуще всего за то, что я имел низость подвергать Вас риску подобной судьбы.

Простите, простите. И прощайте. Свет моей жизни померк.
П.

Г-жа П. капитану Ч.

Чатэм. Августа 15 дня 1799 года

Уважаемый сэр, не буду скрывать, что полученное письмо глубоко меня оскорбило. Оно недостойно той честности и откровенности, какая существует — или существовала — между нами.

Сестра утешает меня, что это обычная история, часто приключающаяся с мужчинами перед венцом, даже есть специальное

название: «паника последней минуты». Пугаясь неотвратности шага, жених в последнюю минуту отменяет свадьбу. Но, зная Вас, я отлично понимаю, что дело не в этом.

Так вот в чем причина Вашего исчезновения! Как же я была слепа, что не догадалась! Вы встретили и полюбили другую. Конечно, это должно было случиться. Так всегда случается. У мужчин в разлуке чувство ослабевает. Вокруг Вас много прекрасных, юных девушек, а я уже немолода, мне двадцать шестой год, и красавицей меня не назовешь. Всё это, увы, слишком понятно, и я Вас несколько не осуждаю. Более всего на этом свете я хочу, чтобы Вы были счастливы, пусть даже не со мной.

Но почему Вы не написали мне правды? Это разбило бы мне сердце, но не нанесло бы столь жестокой обиды! Как Вы могли унижить меня небылицами про то, что кого-то, пускай даже в России, возможно без суда и приговора уморить в тюрьме или заколотить в какой-то ящик? Неужто я дала Вам основания считать меня дурой, которая может поверить в подобные сказки?

Стыдитесь!

А от Вашего слова я, конечно, Вас освобождаю.

Прощайте.

Элизабет Проби

Капитан Ч. г-же П.

Кронштадт. Сентября 9 дня 1799 года

Gospod s toboyu, Lizinka, что за глупости Вы пишете. Да как Вы могли помыслить, что я способен полюбить кого-то другого?!

Ах, пустое. Расскажу при встрече. Как у нас говорят, чему быть, того не миновать. Avos как-нибудь устроится. (Значение важной концепции Avos, без которой жизнь в России была бы невозможна, я тоже объясню Вам при встрече).

Нужно скорей отправлять письмо. В Лондон плывет курьер с дипломатической почтой, который прибудет на неделю раньше нашей эскадры.

Да-да, я отправляюсь в Англию. Но пробывать на берегу, с Вами, смогу очень недолго, навряд ли долее трех дней. За это время

нам нужно дважды обвенчаться, по русскому и по английскому обряду и успеть стать счастливейшими людьми на свете.

Веду себя не как джентльмен, но прошу Вас взять все хлопоты на себя. Вы ведь дочь капитана. Прилагаю червонцы для необходимых расходов. Озаботьтесь заказом самого красивого платья. Мне тоже сшили статский наряд по новейшей моде «инкруайябль», ибо единственное условие государя, чтоб я не женился на англичанке в военном мундире. Это и лучше. В мундире я царский слуга, а во фраке — вольная персона, хоть и ужасно похожая на черную ворону.

Давеча гадал у цыганки. Она напророчила, что французские ядра меня не тронут и бури не потопят, что суженая будет моею, мы проживем жизнь в счастии и ляжем в гроб вместе. Я дал славной ведьме золотой.

Tvoy Paolo

Комментарий

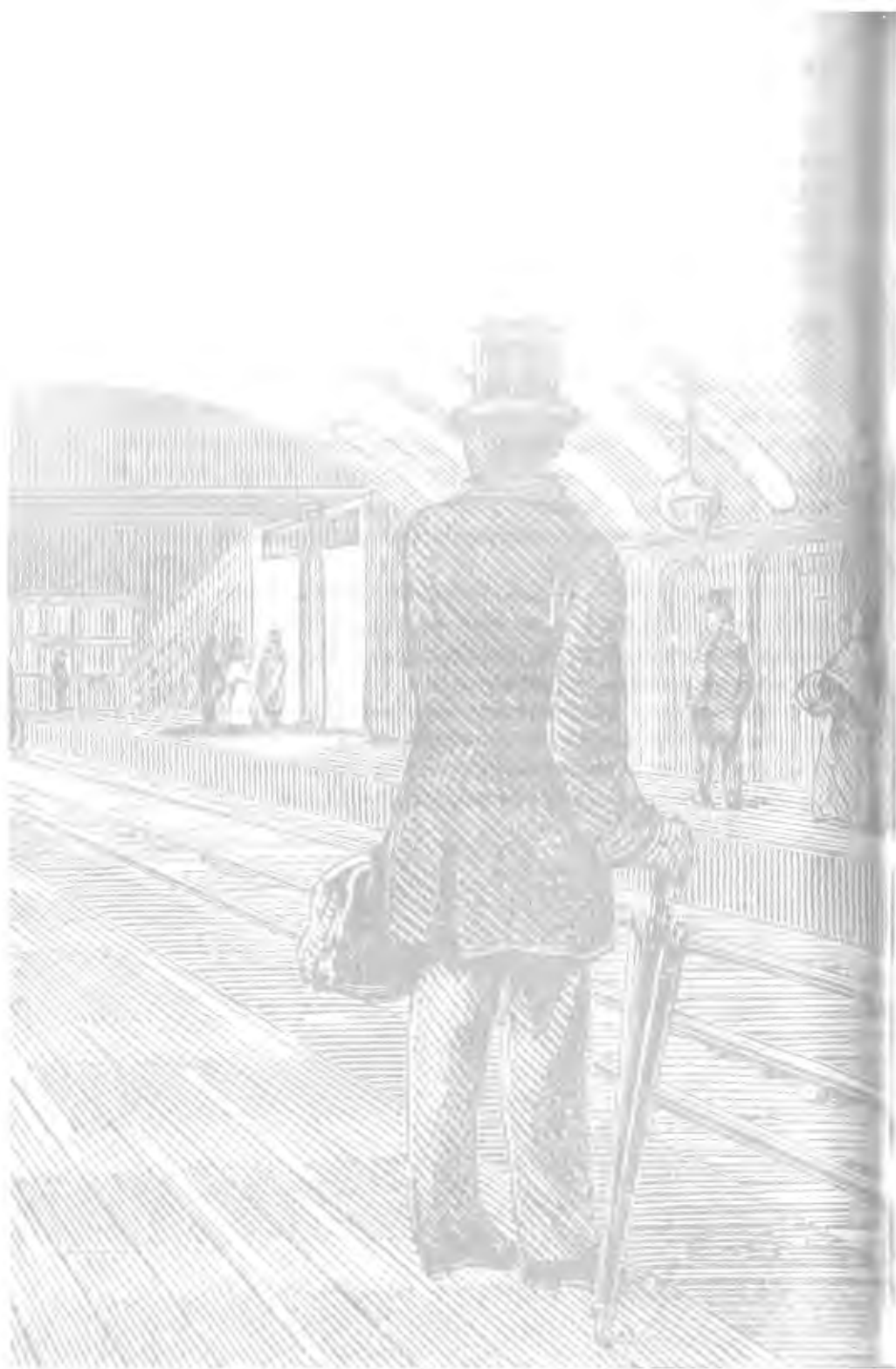
Объясню, почему я выбрал эпистолярную форму.

Тут несколько причин.

Во-первых, потому что этот метод наррации был весьма распространен в беллетристике XVIII века и хорошо передает дух эпохи. («Опасные связи» упомянуты неслучайно — там ведь тоже любовная история, изложенная в переписке).

Во-вторых, любовь — дело интимное. В нем только два участника, третий — лишний. Ну что автору встречать со своими ремарками и вуайеризмом? Пусть голубок и горлица воркуют наедине.

В-третьих, литературное произведение, построенное на одной только любовной коллизии, довольно монотонно. Разбивка на текстовые фрагменты разной длины до некоторой степени компенсирует дефицит действия.

Урок пятый

Симпатия к персонажам

Про белых и пушистых

Почимся управлять читательским отношением к персонажам. Начнем с приятного: как сделать так, чтобы аудитории нравились те, кто должны ей нравиться по вашему замыслу. При этом несущественно, положительный или отрицательный это герой. Иногда авторская задача требует, чтобы читатель проникся искренним расположением к какому-нибудь сукину сыну вроде Печорина или Остапа Бендера.

Это не так просто — внушить любовь или хотя бы приязнь к фантому, сотканному из букв. Нельзя действовать в лоб, как поступают авторы, не доверяющие своему читателю. Посмотрите, например, как облегчает себе задачу Александр Фадеев в «Молодой гвардии», представляя двух положительных героинь: одна «с такими прекрасными, раскрывшимися от внезапно хлынувшего из них сильного света, повлажневшими черными глазами, что сама она походила на эту лилию, отразившуюся в темной воде»; у другой «чуть скуластое и чуть курносенькое, но — очень милостивое свежей своей молодостью и добротой лицо». Вот вам лилия с прекрасными глазами, вот вам свежая, курносенькая доброта — и мне как читателю сразу зевотно.

Правило номер один: не *называйте* персонажа симпатичным — *показывайте* его симпатичным.

Для этого существует несколько способов.

Самый элементарный — презентация через импонирующий поступок. Например, при первом же появлении герой спасает тонущего младенца или, не знаю, переводит старушку через дорогу. Но для уважающего себя беллетриста это игра в поддавки, да и нельзя всех симпатичных персонажей вводить подобным манером — получится утомительно. Старушек не напасешься.

И потом продуктивнее, чтобы читатель полюбил вашего героя «черненьким». Это когда вы сначала показываете его в невыигрышном свете, а затем перебарываете первоначальное впечатление. Подобный прием придает фигуранту трехмерность. Назовем этот маневр «Коровьев». Как делает Булгаков? В экспозиционной главе мы видим отвратительного субъекта: «усишки у него, как куриные перья, глазки маленькие, иронические и полупьяные, а брючки клетчатые, подтянутые настолько, что видны грязные белые носки» — но потом мы проникаемся к этому трикстеру живой симпатией и радуемся каждому его появлению.

Функцию обольщения может исполнять прямая речь. Жених, которого вы хотите сосватать читателям, вовсе не обязан говорить краснó. Слишком сладкое пение скорее вызовет инстинктивное недоверие. Больше располагает к себе обаятельное косноязычие. Искренность тут важнее красноречия. Это как в жизни: спонтанная симпатия или антипатия часто возникает при первых же репликах нового знакомого. Учитесь у Толстого:

«— А много вы нужды увидали, барин? А? — сказал вдруг маленький человек. И такое выражение ласки и простоты было в певучем голосе человека, что Пьер хотел отвечать, но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слезы».

В идеале у вашего читателя при первых звуках голоса положительного героя тоже должна задрожать челюсть. [Только при редакции нужно было убрать второго «человека», это слово тут лишнее — Софья Андреевна недосмотрела].

Далее. Ключ, которым отпираются читательские сердца, — красота. Симпатичный персонаж должен быть красивым. Разумеется, не красавчиком в физическом смысле (это работает только в кино). В литературе запросто можно делать протагониста хоть горбуном Квазимодо — все равно его не видно. Главное, чтобы герой себя красиво вел и — если вы приоткрываете его внутренний мир — красиво мыслил. «Красота» в литературном смысле — понятие очень широкое. Красивы не только романтические и героические поступки; красиво симпатично-смешное, трогательное, веселящее, порождающее

любопытство — одним словом всё, что вызывает позитивную эмоцию. Например, читаем:

«Представьте себе Дон-Кихота в восемнадцать лет, Дон-Кихота без доспехов, без лат и набедренников, в шерстяной куртке, синий цвет которой приобрел оттенок средний между рыжим и небесно-голубым. Продолговатое смуглое лицо; выдающиеся скулы — признак хитрости; челюстные мышцы чрезмерно развиты — неотъемлемый признак, по которому можно сразу определить гасконца».

Ни одного лестного слова, а между тем неизвестный гасконец нам уже нравится. От него исходит аппетитный аромат хитрости и зубастости — запах приключения.

Литературная операция «принуждение к любви» использует те же механизмы, с которых обычно начинается любовь и в жизни. Их два: идентичность или экзотичность. Проникаются симпатией либо к тому, кто очень похож на тебя, либо к тому, кто совершенно не похож, но вызывает любопытство. В первом случае нужно дать доступ к внутреннему миру героя, чтобы читатель подумал: «я вижу мир точно так же — это я!». Во втором — давайте любоваться персонажем через стекло, не нарушайте дистанции. Должна сохраняться некоторая загадочность, непонятность — она и будет притягивать.

Если вам нужно изобразить супермена, геройского героя, железного мачо (тут, конечно, понадобится механизм экзотичности), придайте ему немного хрупкости, уязвимости, ранимости. Можно даже наделить его каким-нибудь неотталкивающим пороком или недостатком — вроде алкоголизма у графа де ля Фер. Неидеальность очеловечивает сверхчеловека, способствует эмпатии.

Полезно также приправить слишком уж прекрасный портрет некоторой авторской насмешливостью или скептичностью в духе: «Что людям вздумалось расслаблять, будто я хороша? Лгут люди, я совсем не хороша». Ваша несправедливость вызовет у читателя желание защитить хорошего человека.

И последнее. Будьте осторожны с авторскими ремарками. Они не должны обнажать вашего отношения к персонажу. Не давите: полюби, полюби его скорей!

Не выполняйте за читателя его работу. Если у Льва Толстого сказано: «зеркало отразило некрасивое, слабое тело и худое лицо» или «улыбка сияла еще светлее на ее прекрасном лице», можете не сомневаться, что в первом случае описывается прекрасная женщина (княжна Марья), а во втором — ужасная (Элен).

Теперь давайте знакомиться с персонажами, в которые нужно влюбить читателя. Все они прекрасны, каждый по-своему.

Прекрасные люди

Действие происходит в 1857 году. Персонажей четверо: трое замечательных мужчин и замечательная женщина. Все русские.

Александр Иванович Герцен, политический эмигрант, писатель и издатель, покинул Россию, в которую никогда уже не вернется, десять лет назад. Последние пять лет живет в Англии, куда приехал из Франции, после тяжелых потрясений, на которые мы сейчас отвлекаться не будем. То была сумбурная, драматическая французская жизнь, в которой главенствовали заботы Малого Мира, мира любовных и семейных отношений, а тут у нас размеренная английская. Теперь единственный смысл герценовского существования — служение Большому Миру, миру идей и общественного блага. Тем более что от личной жизни все равно ничего не осталось, и Александр Иванович уверен, что ее больше не будет. Он считает себя человеком пожилым, в котором страсти навсегда перегорели. Шутка ли — сорок пять лет.

В Большом Море дела идут превосходно. На далекой отчизне после смерти деспота Николая веют ветры гласности, обсуждаются великие реформы. Еще несколько лет назад Герцен со своим альманахом «Полярная звезда» был интересен только кучке диссидентов, а теперь вольному голосу из Лондона внимает вся читающая Россия. Недавно начала выходить газета «Колокол». При том что формально она запрещена, ее читают все, даже министры и сам царь. Иногда Герцен взывает к самодержцу со страниц своего издания

напрямую — и Александр II принимает эти обращения к сведению.

В общем, эпоха эйфории. Одной из примет нового времени было открытие границ, почти наглухо запечатанных при николаевском режиме. «Вообще, в наступившее царствование всё, что силой удерживалось при Николае I, ринулось за границу, как неудержимый поток. Ехали учиться в Германию или Швейцарию, ехали совето-

ваться с докторами в Вену, Париж и Лондон, и наконец ехали потому, что это было теперь дозволено каждому», — пишет в воспоминаниях Наталья Тучкова, с которой мы скоро познакомимся.

Выражаясь современным языком, Александр Иванович для русских внезапно сделался звездой, одной из лондонских достопримечательностей. Многие приезжающие, поглазев на Биг Бен и чудо техники Хрустальный дворец, мечтали посмотреть и на Герцена — чтоб было о чем рассказать по возвращении.

В свое время человек с разбитым сердцем «забился» в Англию, где его никто не знал, чтобы провести остаток жизни в одиночестве. Он писал: «Такого отшельничества я нигде не мог найти, как в Лондоне».

Но отшельничество осталось в прошлом. И дело не только в том, что Герцен превратился в своего рода туристический аттракцион. Год назад к нему приехал и поселился у него дома второй наш герой, Николай Платонович Огарев.

Это очень давний друг, еще с детства. Когда-то юношами они дали на Воробьевых горах трогательную клятву «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу», и оба клятву выполнили, заплатив за свой идеализм арестами, ссылкой, изгнанием.

Огареву сорок три года. Он тоже пишет, помогает товарищу издавать «Колокол», но имени себе не составил.

При полном совпадении политических взглядов друзья очень мало похожи друг на друга. Если Герцен рационален до педантичности, целеустремлен, насмешлив, совершенно не склонен к восторженности — одним словом, *взросл*, то Огарев — большой ребенок. Его все любят, он бесконечно обя-

телен, вечно чем-то горячо увлечен, эмоционален, щедр, беспечен. Раньше был очень богат, но его отобрали как липку, теперь у него нет ни гроша, и он как птичка Божия не свивает долговечного гнезда.

Герцену, который щедр и с чужими людьми, этот сожитель не в тягость, а в радость. Они очень любят и уважают друг друга. Александр Иванович еще и деликатен — подчеркнуто не принимает никаких важных решений без участия друга.

Больше всего жизнь бывшего отшельника, однако, переменилась из-за того, что теперь под той же крышей обитает молодая, привлекательная женщина — спутница его друга Наталья Тучкова. Я называю ее «спутницей», потому что эта барышня, обладающая сильным, независимым характером, стала открыто жить с Огаревым, когда он еще был женат на другой. Любящая пара преодолела тысячу препятствий, чтобы быть вместе. У них здесь, в Англии, своего рода «рай в шалаше».

Но в описываемый момент над элизиумом сгустились тучи, близится гроза. Когда трое живущих вместе людей любят друг друга, любовной энергии накапливается слишком много, и разряд может ударить в непредназначенном направлении. Скоро притяжение между Герценом и Натальей Тучковой станет непреодолимым.

Чтоб удобно разместиться втроем, Герцен снял в тихом пригороде Патни, поблизости от Темзы, чудесный особняк с садом. «В город» отсюда нужно ездить на поезде или на омнибусе, которые с британской пунктуальностью отправляются каждые десять минут. Еще до центра и дальше, до Гринвича, можно плавать на речном пароходике — как впрочем и в наши дни.

Особняк называется Лаурел-хаус, Лавровый Дом.

Тучкова пишет: «Снаружи он скорее походил, под железной крышей, окрашенной в красную краску, на какую-нибудь английскую ферму, чем на городской дом, а со стороны сада весь дом был плотно окутан зеленью, плющ вился снизу доверху по его стенам; перед домом простиралась большая овальная лугovina, а по сторонам ее шли дорожки; везде виднелись кусты сирени и воздушного жасмина и другие; кроме того, была пропасть цветов и даже маленькая цветочная оранжерея». В общем, практически обитель Мастера и Маргариты, только при Маргарите находится муж.

Два сердца воспламенятся, одно будет разбито, крепкая дружба подвергнется тяжелому испытанию — и выдержит его. Наталья Тучкова-Огарева станет Тучковой-Герцен. Драма еще не разразилась, но должна ощущаться в атмосфере повествования, наполнять его электричеством. На поверхности-то пока всё безмятежно, жизнь маленькой веселой коммуны идиллична.

Так обстоят дела, когда в Лондоне появляется еще один русский — всего на несколько дней, проездом.

Это наш главный герой, человек поразительный.

Павел Александрович Бахметев — отпрыск древнего рода, ведущего происхождение от татарского царевича

Наши герои жили неподалеку от этого моста

Бахмета, который в XV веке перешел на службу к московскому государю. На первый взгляд в биографии этого человека нет совершенно ничего примечательного. К 29 годам он никаких особенных деяний не совершил: закончил саратовскую гимназию да некоторое время поучился в земледельческом институте.

Но в гимназии его учителем был Чернышевский, который потом выведет Бахметева в романе «Что делать» под именем Рахметова, а сельскохозяйственным наукам молодой дворянин учился не чтобы управлять в своем поместье, а с Целью.

Про Цель — чуть позже, сначала про Павла Александровича. Он был в точности таким, как герой Чернышевского. Станным, молчаливым, безжалостным к себе. Закалял тело и дух всевозможными испытаниями, готовил себя к служению родине, под каковым тогдашние молодые идеалисты понимали революцию. Однако, побродив по Руси, чтобы лучше узнать простых людей, Бахметев, в отличие от будущих народников, понял, что на родине спать на гвоздях не из-за чего. Революции не будет. Тут-то у него, по-видимости, и возникла иная Цель.

Раз на родине идея коммуны не востребована, можно построить ячейку будущего вольного мира вдали от цивилизации. Почитав книг, Павел Александрович решил, что самая лучшая локация для осуществления этой задачи — Маркизовы острова, где красиво, девственно и свободно.

Аграрному делу он поучился не для диплома, а чтобы приобрести необходимые знания. Когда решил, что узнал довольно, перешел к действию. Обратил в деньги отцовское наследство, выяснил, как добираются до Мар-

Рахметов

кизовых островов (через Новую Зеландию, а туда нужно плыть из Лондона) — и отправился в Англию. «Да, особенный человек был этот господин, экземпляр очень редкой породы», — пишет в романе Чернышевский. Там же описан еще один удивительный поступок рахметовского прототипа.

«Был еще слух, что молодой русский, бывший помещик, явился к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии, немцу, и сказал ему:

«У меня 30000 талеров; мне нужно только 5000; остальные я прошу взять у меня»... Философ, натурально, не взял; но русский будто бы все-таки положил у банкира деньги на его имя и написал ему так: «Деньгами распоряжайтесь, как хотите, хоть бросьте в воду, а мне их уже не можете возвратить, меня вы не отыщете», — и будто бы эти деньги так теперь и лежат у банкира. Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов».

Под немцем-философом имеется в виду — несколько иронически — Герцен с его немецкой фамилией и заморскими поучениями.

Реальный, а не литературный идеалист обратился со своим экзотическим предложением к Герцену, потому что относился к нему с уважением и доверием.

Однажды Александр Иванович получил письмо от незнакомца, который просил о срочной встрече. Срочность объяснялась тем, что через несколько дней этот человек отплывает в Новую Зеландию, но перед расставанием со Старым Светом хочет «сделать для России что-нибудь полезное».

У Бахметева было с собой пятьдесят тысяч франков (а не 30000 талеров). Он рассчитал, что для коммуны столько не нужно, хватит тридцати. Остальные деньги он просил принять на дело «пропаганды», а впрочем — «распоряжайтесь, как хотите». Сомнений в том, что Герцен распорядится капиталом на благо дела, у Павла Александровича не было.

Герцен повел себя безукоризненно. Сначала попытался отговорить фантазера от диковинной затеи. Потом согласился принять деньги исключительно на хранение и в течение десяти лет тратить только проценты — на случай, если Бахметев передумает и вернется. И поставил дополнительное условие: Огарев должен этот договор одобрить и стать вторым его гарантом.

Бахметев поехал в Лаурел-хаус, где состоялась встреча уже в расширенном составе. Не хотел брать расписку — друзья ее всучили чуть не насильно.

Потом Герцен отвез путешественника в банк Ротшильда, положил двадцать тысяч на счет под пять процентов годовых, а тридцать тысяч посоветовал обменять на золото. Бахметев ссыпал кучу монет в какую-то простыню, завязал ее узлом и поплыл на край света, откуда никогда больше не вернулся. Что с ним случилось, удалось ли ему основать коммуну, или он сгинул где-то по дороге — неизвестно. Эта загадка интриговала потом многих исследователей. В 1960-е годы Натан Эйдельман произвел собственное расследование. В частности, установил, что Бахметев скорее всего уплыл на клипере «Акаста», покинувшем Лондон 1 сентября 1857 года (это единственный корабль, отправлявшийся

в это время в Новую Зеландию). Но списка пассажиров добыть не удалось, в Новой Зеландии никаких признаков бахметевского пребывания тоже не обнаружилось. Павел Александрович исчез очень романтично, оставив по себе красивую память, а также вполне материальный след в виде «Бахметевского фонда» — такое название у русских революционеров получил оставленный им капитал. Сумма была не бог весть какая, по нынешним меркам что-то вроде 200 тысяч долларов, но для вечно безденежных «борцов с режимом» это были огромные деньги. Многие пытались получить их у Герцена, но Александр Иванович держал слово и выдавал на «пропаганду» только проценты.

К сожалению, денежная коллизия этой чудесной истории закончилась некрасиво, потому что деньги вообще не очень красивы.

Прошло десять лет. Бахметев растворился в океанских просторах. И явился к Герцену авантюрист от революции Нечаев — тот самый, которого Достоевский

вывел в «Бесах» как Петрушу Верховенского — и наплел сорок сороков про то, какой он важный подпольщик. Герцен не поверил. Тогда Нечаев оплел доверчивого Огарева, и тот выдал прохиндею свою половину. Тут Герцен скончался, и прекраснодушный Николай Платонович отдал Нечаеву всё, что оставалось, хотя сам бедствовал.

После того как любимая жена ушла к лучшему другу, Огарев пережил депрессию, был в запое. От окончательной гибели его уберегла

Петруша Верховенский — Нечаев

английская проститутка Мэри, ставшая его женой и заботившаяся о нем до самой смерти Николая Платоновича. Прямо как в передовых романах того времени,

где благородный мужчина спасал «падшую женщину» — только наоборот, это падшая Мэри спасла Огарева.

Пишут, что он рано состарился, к шестидесяти был уже дряхлым стариком. Хворал, попивал, но до последнего дня жил идеями и интересами свободы. Умер после того, как оступился и сильно расшибся (всегда был нескладен, а тут, наверное, еще и нетрезв). Умер в Гринвиче, на руках у своей Мэри.

«Он переделать мир хотел, чтоб был счастливым каждый, а сам на ниточке висел, ведь был солдат бумажный» — это как раз про Огарева.

Наталья Тучкова единственная из персонажей вернулась в Россию и надолго пережила всех мужчин. Оставила о них воспоминания, за что ей большое спасибо.

Грустно всё это. Красиво, но грустно.

Задание

Нужно написать романтическую новеллу — это чуть ли не единственный жанр, в котором поголовная симпатичность населения не кажется противоестественной. Романтизм — это когда очень красивые люди живут очень красивой жизнью. В общем, стопроцентно наш случай. Даже если революционные демократы вам совсем не нравятся, а их убеждения не кажутся вам красивыми, временно полюбите их, *станьте ими* — мы уже говорили, что писатель должен уметь превращаться в кого угодно.

Пишите так, чтобы у читателя защеколало в носу от приятности и чтобы он на время забыл об ипотеке, а подумал: не бросить ли всё к черту и не уплыть ли в Зурбаган?

Только помните, что переслащивать нельзя. Поэтому в качестве литературного образца мы возьмем не мармеладный стиль главного отечественного романтика Александра Грина, а лукавую насмешливость романа «Что делать», тем более что дух Чернышевского так или иначе витает над сюжетом. Должен сказать, что я люблю это произведение. Мне повезло, что в 9 классе я по лености его не прочитал, ограничившись учебником, и открыл для себя только в зрелом возрасте. Я прямо влюбился в роман — не за проповедуемые в нем нелепости, а за адреналиновость, за обаятельную веру в то, что разум обязательно победит. (На самом деле совсем не факт, но это мы оставим для следующего урока).

Чернышевский стесняется красотой и поэтому над ними ехидничает:

«Порядочные люди стали встречаться между собою. Да и как же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочных людей растет с каждым новым годом? А со временем это будет самым обыкновенным случаем,

а еще со временем и не будет бывать других случаев, потому что все люди будут порядочные люди. Тогда будет очень хорошо».

В авторской насмешливости чувствуется искренняя любовь и надежда, а это красивее любой гладкописи.

Но проблему избыточного сахара одним стилевым снижением в нашем случае не решишь. Двигатель всякого сюжета — конфронтация. Жизнь скучна, когда борьбы нет. А здесь, как в соцреализме, у вас будет очень ограниченное пространство для столкновения: конфликт хорошего с лучшим. Как у Гоголя — милая пикировка «дамы приятной» и «дамы приятной во всех отношениях»: *«Сюда, сюда, вот в этот уголочек! — говорила хозяйка, усаживая гостью в угол дивана. — Вот так! вот так! вот вам и подушка!».*

Выкручивайтесь, как хотите, но скучно быть не должно. Это, впрочем, обязательное условие в задании каждого нашего урока. Скучной может быть только серьезная литература, беллетристика — никогда.

Плыть иль не плыть?

Рассказ

Чудак

В один из последних дней лета 1857 года с дуврского поезда на лондонском вокзале Ватерлоо сошел молодой человек, в котором сразу угадывался иностранец. Сам он, впрочем, пребывал в уверенности, что выглядит истинным британцем, ибо имел на голове жокейский кеп, а на плечах клетчатый плэд. Никто в Лондоне так диковинно не одевался, к тому же и августовский день был очень жарок. Приезжий, однако, приучил себя не обращать внимания на погодные условия. Нынешний свой наряд он приобрел перед отбытием из Петербурга, в лавке старьевщика на Сенном рынке, потому что в намерения путешественника входило, прибыв в Англию, «совершенно раствориться среди туземцев».

Вокзал Ватерлоо

Оглядевшись вокруг и увидев, что никто в толпе не обращает на него ни малейшего внимания (лондонцев ни иностранцами, ни чужаками не удивишь), молодой человек остался очень доволен.

— Отлично, — бодро сказал он сам себе по-русски. — Ну, а где тут у вас извозчики?

На привокзальной площади в ряд стояли кэбы.

— Фар то «Саблоньер-хотель»? — спросил у возницы русский.

Английский язык он изучал самостоятельно, в день по двадцать слов, и знал их много, но произносил по-писаному. Кучер однако понял, что спрашивают про гостиницу «Саблонье» на Лестер-сквер и назвал иностранцу сумасшедшую цену: шиллинг и два пенса.

Молодому человеку это было все равно, извозчиками он принципиально не пользовался. Зачем, коли есть здоровые ноги?

— Фар? — повторил он.

— Very far.

Кэбмен махнул на север, за реку Темзу.

Русский кивнул, взял покрепче свой несолидный багаж — ковровый саквояжец да ситцевый узелок — и зашагал в указанном направлении широким, быстрым шагом.

Точно так же в свое время он обошел чуть не половину Руси, иной раз отмахивая по пятьдесят верст в день. Миля-другая такому ходуку были нипочем.

Но пора представить этого чудака. В заграничном паспорте № 3338, выданном канцелярией саратовского губернатора, он значился как Павел Александрович Бахметев, неслужащий дворянин, возрастом 29 лет. Рассказывать о нем можно долго, поскольку человек он был во многих отношениях удивительный, а можно и коротко. Довольно будет, пожалуй, объяснить, зачем из сотен лондонских отелей он выбрал незначительный «Саблонье». Бахметеву кто-то рассказал, что в этой гостинице, бывая в Англии, останавливается Иван Сергеевич Тургенев. Тому несколько лет, еще гимназистом, Павел Александрович прочитал повесть «Муму», перевернувшую ему душу, после чего твердо и бесповоротно решил посвятить свою жизнь борьбе с рабством. У Бахметева все решения были твердые

и бесповоротные, а склад ума методический. Никакая задача не могла испугать его своей огромностью, но он считал необходимым убедиться, исполнима ли она физически. Несколько лет Павел Александрович «изучал предмет» — с этой-то целью, как уже было сказано, он исходил половину отчизны. Ну а вывод, к которому он пришел, — о нем в свое время.

В гостинице «Саблонье» молодой человек взял самый дешевый номер, под крышей, и первое, что сделал, отправил городской почтой письмо по записанному на бумажке адресу. Потом поглядел в окно на оживленнейшую в Лондоне площадь. Она маняще сияла газовыми огнями (уже наступил вечер),

но соблазны цивилизации Бахметева не привлекали. Он был любознателен, но не любопытен. Разница между двумя этими свойствами, как известно, заключается в том, что любопытный человек интересуется всем подряд, а любознательный — лишь тем, что ему нужно для дела. Город Лондон для бахметевского дела был ни за чем не нужен.

Павел Александрович решил, что лучше выспаться. Спать он мог в любое время суток, а при необходимости мог сутками и вовсе не спать.

Кровать ему не понравилась, особенно матрас. Любой другой постоялец счел бы его комковатым и жестким, но Бахметев привык спать по-другому. Он скинул матрас вместе с простыней и подушкой на пол. Достал из портплекда странный предмет — тонкую подстилку, всю утыканную канцелярскими кнопками, и преспокойно улегся на это пыточное ложе. Кожа у Павла Александровича была дубленая, привычная к подобному обращению.

Минуту спустя аскет крепко спал.

Моральный сибарит

Больше всего на свете Александр Иванович ценил приятность; всяческое страдание и даже просто неудобство его травмировали. Любимое слово у него было «комфорт». Например, желая сказать, что какое-то действие для него неприемлемо, он говорил: «Это для меня будет некомфортно».

Представления о комфортности у этого человека были не вполне дюжинные. Он довольно легко мирился с лишениями и даже опасностями (в его негладкой жизни случалось всякое), но совершенно не выносил душевного разлада, а в это, согласитесь, крайне неприятное состояние Александра Ивановича могло повергнуть что-то вовсе постороннее, о чем нормальный человек и не задумался бы. Скажем, известие о голоде в Калькутте или о массовой порке крестьян в Полтавской губернии, хотя ни в Индии, ни в Малороссии наш Александр Иванович отродясь не бывал. Тем не менее он не возвращал себе комфортности, пока не сделает взнос в пользу голодающих или

не откликнется гневной статьей на полтавское безобразие – такой уж это был моральный сибарит.

По утрам он всегда читал обширную корреспонденцию. Основная ее часть поступала из России. На конвертах часто писали просто «Г-ну Герцену в Лондон». Писем было так много, что почта ее величества научилась их распознавать и отправляла прямиком в Патни, где проживал знаменитый эмигрант.

В большинстве писем рассказывалось о всяких отечественных непотребностях, и Александр Иванович мучился. Это, впрочем, было полезно. Сильные эмоции потом выплескивались в страстную публицистику.

Отложив в сторону листки, где красным цветом, словно кровоточащие раны, выделялись обведенные места, Герцен придвинул другую, маленькую стопку городской почты. Приятное — письмо от Луи Блана, приглашение на пасту от Джузеппе Мадзини, каталог новых поступлений из книжной лавки — пока отложил. Придвинул два конверта, где в качестве отправителей значились незнакомые русские имена. К Александру Ивановичу как самому известному в Англии соотечественнику часто обращались разнообразные просители, нуждавшиеся в помощи, обычно денежной. Отказывать было некомфортно. С давних пор он обложил себя «седмичей» — одну седьмую дохода оставлял на то, чтобы тешить свою моральную изнеженность: помогал тем, кому нельзя не помочь. Делить все поступающие суммы на семь было неудобно, но Александр Иванович любил цифры и дробей не боялся. Он и свое время обложил той же пошлиной: каждый седьмой день, воскресенье, держал у себя открытый дом для эмигрантов. Большинство жили скудно и приходили не только пообщаться между собой, но и просто досыта поесть. Сборы были хозяину в тягость, потому что эмигранты по большей части публика скучная и вздорная, но ведь для многих герценовские воскресенья — единственная отдушина в жизни на чужбине.

Одно русское письмо оказалось от студента, которому не хватало денег на билет домой, в Москву. Александр Иванович положил в конверт два бумажных фунта и сделал соответственную запись в книге учета. В сем месяце «седмичные» средства уже были все исчерпаны, пришлось добавить из тех, что отводились на личные удовольствия. Можно будет, например, купить табак подешевле, ничего ужасного, а еще лучше — курить вместо трех сигар две, оно и для здоровья лучше.

Второе письмо заставило получателя вздохнуть. Некто Бахметев, остановившийся во вполне буржуазной гостинице «Саблонье», то есть очевидно человек со средствами, покушался на нечто более дорогое, чем деньги — на время Александра Ивановича: просил о встрече, причем безотлагательной.

Можно было и проигнорировать, оставить без ответа, но в угловатом, некрасивом почерке, в нескладности стиля

чувствовалась нервная энергия, да и во фразе «весьма обяжете, дело отложения не терпит, ибо имею очень мало времени» была экстренность. Быть может, у человека смертельная болезнь или крайняя необходимость? Не так ли пишут, хватаясь за соломинку самоубийцы? Нормальный человек сказал бы себе: да мне-то что? Но моральное сибаритство — штука нежная.

«Я в любом случае собираюсь в типографию, оттуда и до Лестер-сквер недалеко, — сказал себе Александр Иванович. — Право, оно лучше, чем ежели этот явится сюда и съест весь день».

И на душе у него сразу стало комфортнее.

Странный разговор

Господин Бахметев никак не походил на самоубийцу, и со здоровьем, судя по широким плечам и румяности лица, у него все было преотлично. На вопрос, в чем причина и, главное, неотложность дела, он ничего не ответил — то есть буквально ничего, только смотрел на нежданного гостя своими широко расставленными глазами да помаргивал.

Подождав немного, Александр Иванович начал раздражаться. Ему пришло в голову, что это обыкновенный «tourist», как он называл праздных соотечественников, приезжавших посмотреть на достопримечательности британской столицы, к числу которых относился и знаменитый издатель «Полярной звезды», а теперь еще и «Колокола».

— Послушайте, сударь, ежели вам нечего мне сказать, какого черта вы мне писали? — сурово молвил Герцен, умевший с невежами быть невежливым.

— Я Россию очень люблю. Как и вы, — невпопад ответил Бахметев и запнулся. Он и потом все время запинаясь. Видно было человека, привыкшего более к внутреннему монологу, нежели к диалогам. — Но я ее специально обошел, посмотрел и разъяснил. Там не скоро станет интересно жить такому, как я. Не при моей жизни.

— Такому как вы? — с любопытством переспросил Герцен. — Это какому же?

Молодой человек сделал неопределенный жест.

— Не сумею объяснить. Одни Герасимы. Му-му, му-му, а кажется барыня... — Он сбился. — В общем, мне там не по нраву. Я другое придумал.

Александр Иванович уже не жалел, что приехал. Ему стало любопытно.

— Я хочу построить другое житье. С равными и свободными. И на свободе. На острове где-нибудь, далеко. Чтоб никто не мешал.

— На каком еще острове?

— А вот, — заторопился непонятный субъект, полез в саквояж, достал оттуда сложенную карту, развернул. — На Маркизовом архипелаге. Видите желтые точки в Тихом океане? Я про них в «Плавании Крузенштерна» прочел. Очень хорошее место, кажется. Обоснуюсь, подберу товарищей. И заживем не как все, а как правильно.

Сумасшедший, подумал Александр Иванович, глядя на карту.

— Вы не думайте, что я малахольный какой-нибудь, — будто подслушал Бахметев. — Я всё продумал. Доплыву до Новой Зеландии, запасусь всем необходимым, и потом туда, до острова Нухива. Деньги у меня есть, наследство от покойного отца.

Он показал на узел, лежавший подле саквояжа. Увидев на лице собеседника недоумение, развязал ткань. Внутри лежали бумажные пачки.

— Здесь пятьдесят тысяч франков. Получил в Париже по кредитному письму.

— Прямо так, в узелке и носите? — удивился Герцен. — Впрочем это ваше дело. Я только не возьму в толк, зачем вы посвящаете меня в ваши... интересные планы.

— Затем, что мне так много не нужно. Я всё посчитал. На переезд и коммуны хватит тридцати тысяч. Хочется напоследок сделать что-нибудь для России. Я подумал и решил, что вы лучше знаете, как с пользой потратить двадцать тысяч. Они для меня лишние.

Александр Иванович сразу понял, что это не шутка. По Бахметеву было видно, что шутить он не умеет.

Остров Нухива. Гавань Чичагова

— Какую именно пользу вы имеете в виду?

— Не знаю. Что-нибудь, от чего люди будут хотеть свободы. Вот я сейчас при вас отсчитаю двадцать пачек и более вас задерживать не стану.

Кажется, молодой человек полагал, что всё уже сказано, прибавить нечего.

— Постойте! — вскричал Герцен. — Павел... Александрович, — не сразу вспомнил он отчество. — Это невообразимо! Я не могу принять столь значительной суммы — собственно, никакой суммы — от первого встречного, и со столь неопределенными указаниями... Без свидетелей! Нет, невозможно! — В голову ему пришла спасительная мысль. — Знаете что, приезжайте завтра ко мне домой. Там будет мой близкий друг, почти брат господин Огарев.

— Мне знакомо это имя, — кивнул Павел Александрович. — Он ведь из ссыльных? Значит, достойный человек.

— Весьма достойный. Будет и свидетелем, и поручителем. Бахметев вдруг нахмурился:

— К вам домой? У вас, верно, и жена есть?

— Нет. Я вдовец, — ответил Александр Иванович очень сухим тоном, давая понять, что на эту тему говорить не следует, да и соболезнования будут излишни.

Но чудной собеседник и не подумал соболезновать.

— Это очень хорошо! — с облегчением воскликнул он, но в следующий миг сообразил, что вышло неловко, и сконфузился. — Не в том смысле хорошо, что вы овдовели, а просто я всегда сбиваюсь в присутствии дам.

Герцен расхохотался — очень уж комичный вид был у извиняющегося.

— Не радуйтесь раньше времени. Дама там тоже будет, и дама с характером.

Смятенная душа

Наталья Алексеевна долго собиралась с духом, прежде чем спуститься на первый этаж, в гостиную. В последнее время она все время запаздывала — и к столу, и к выходу, если предстояла прогулка или выезд втроем. Нужно было подготовиться или, как она это называла, «облачиться в доспехи». Что-то они защищали всё хуже, эти доспехи.

Уже укрепившись духом и даже выйдя на лестницу, она вновь застыла на середине.

Снизу донесся веселый голос, сказавший:

— Помилуйте, да на гвоздях-то зачем?

Другой, глуховатый, ответил:

— Это я в житии одного схимника почерпнул, он в пещере на «доске гвоздинной почивал во презрение к плоти». Мало ли какие неудобства будут на острове Нухива. Только я не на гвоздях — на кнопках, какими, знаете, бумагу прищипливают. На гвоздях попробовал. Плохо высыпашься.

— Я думаю! — воскликнул третий собеседник, залившись веселым, детским смехом. — Ах, что же Наташа? Ей бы послушать!

Первый голос был Искандера, второй, должно быть, оригинала Бахметева, третий — Колин, это был муж Натальи

Алексеевны. Услышав свое имя, молодая женщина побледнела, развернулась и стала вновь подниматься, стараясь не скрипеть ступенями.

«Скверная, скверная тварь», — шептала она в смятении.

Смятение поселилось в ее душе две недели назад, с того дня, как они втроем катались по Темзе и неуклюжий Коля (он был на веслах) качнул лодку. Наталья Алексеевна как раз привсталала, чтобы дотянуться до пикниковой корзины, потеряла равновесие и упала прямо на Искандера, а он ее подхватил. Вдруг потемнело в глазах, стиснулось дыхание, по телу прокатилась горячая волна, оно всё обмякло — и Наталья Алексеевна с ужасом поняла, что любит его, любит невыносимо. То есть она, конечно, любила его и прежде — как Колиного ближайшего друга, как прекрасного человека и вообще *Герцена*, но есть любовь и Любовь. Бог весть когда первая переросла во вторую, но маленькое происшествие в лодке открыло Наталье Алексеевне глаза на весь кошмар ее положения.

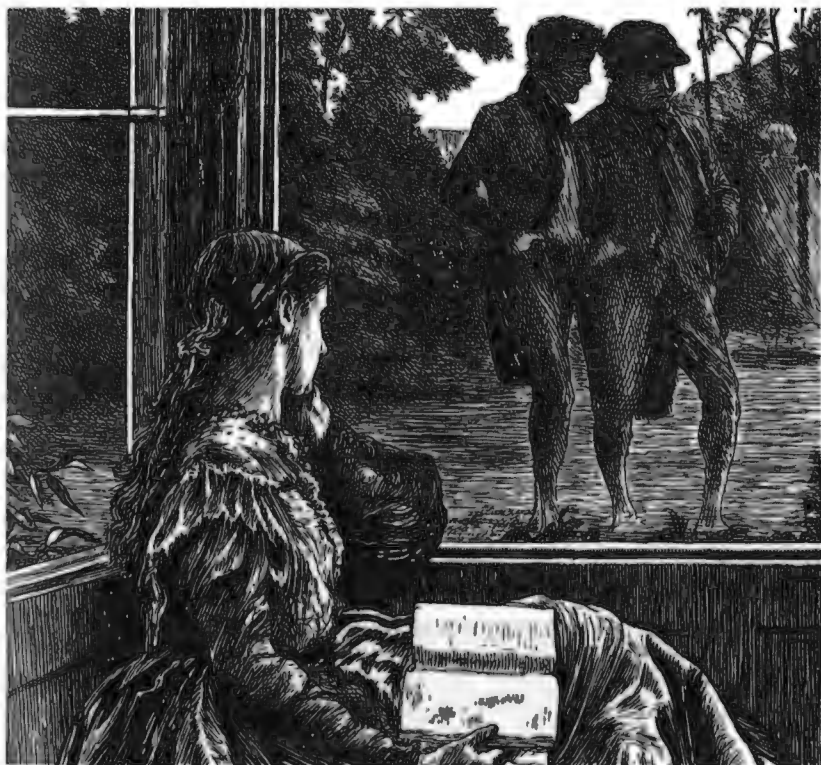
Ежели бы собрать всех живущих на свете мужчин, от Лапландии до Патагонии, Искандер был единственный, кого ни в коем случае нельзя было пускать в сердце. Двойного предательства бедный, славный, ранимый Коля просто не переживет. И главное как это будет пошло! Столько разговоров и мечтаний о России, о прекрасных идеях, о грядущем человечестве, а в итоге тривиальнейший адюльтер? Позор. Позор и гадость.

Хорошо, что мужчины с их всегдашней спасительной слепотой ни о чем не догадывались. Наталья Алексеевна дала себе клятву, что выжжет из души постыдную слабость каленым железом. А не выйдет — можно взять и уехать от них обоих. По крайней мере это будет честно.

Ободренная этой новой мыслью, она наконец взяла себя в руки и сбежала вниз.

— Прошу прощения, — весело сказала она, войдя в гостиную, — зачиталась Флобером. Вот писатель, понимающий женщин!

— Весьма неделикатная ремарка в присутствии другого писателя, — шутливо ответил Искандер.

Мужчины поднялись. Бахметев сжал даме пальцы сильнее нужного, смутился, отдернул руку. Он был некрасивый, но милый. На двоих остальных Наталья Алексеевна нарочно не смотрела.

— Ах, Натали, ты пропустила такой рассказ! — упрекнул муж. — Представляешь, Павел Александрович ходил с бурлаками по Волге. И нанимался в артель грузчиков.

— Зачем же? — спросила она, тронув левую щеку. Та горела, потому что слева, близко, стоял Искандер.

— Надо было понять, прав ли Руссо насчет пользы простого труда для развития личности, — объяснил Бахметев. — Не прав. Тяжкий физический труд унизителен и превращает человека в рабочую скотину. В будущем выполнять его станут машины, и тогда будет возможно равенство. Не раньше.

Разговор был привычный, русский. Наталье Алексеевне стало спокойней.

— А что вы решили с двадцатью тысячами? — спросила она Искандера и даже сумела посмотреть ему в глаза.

— Две вещи. Распоряжаться этими деньгами будем мы с Николаем. Я положу их к Ротшильду сроком на десять лет, под пять процентов. Ежели Павел Александрович передумает, деньги ему вернутся. Эти условия закрепляются распиской.

— Не надо никакой расписки, — забеспокоился Бахметев. — И десяти лет не надо. Просто возьмите и всё.

— На иных основаниях мы не договоримся, — отрезал Искандер. — Придется вам искать других бенефициантов.

«Как поразительно сочетаются в нем доброта и сила», — подумала Наталья Алексеевна и отвернулась.

— Хорошо, — вздохнул увалень. — Коли вы настаиваете, пусть расписка.

Банковская контора Ротшильда в Нью-Йорке (Сити)

— И вот еще что, — подумав, сказал Искандер. — Раз уж мы поедем в ротшильдовскую контору для оформления, я бы посоветовал вам поменять деньги на золото. Курс бумажного франка в связи с грядущими итальянскими событиями ненадежен. Пока вы плывете до Тихого океана, Маленький Наполеон может вовсе утробить свою валюту. Она уже сейчас котируется по ноль девяносто пять.

«Есть ли области знания, в которых он не разбирался бы?» — подумала Наталья Алексеевна, садясь подле мужа. Она была очень счастлива и очень несчастна.

Баррикада и канава

По пути в Гринвич сначала разговаривали о Наталье Алексеевне. Огарев тревожился за здоровье жены. В последнее время у нее участились мигрени, приступы меланхолии, она то приходила в ажитацию, то лила беспричинные слезы. Перепады ее настроения были непредсказуемы. Взять хоть сегодня. Сама ведь сказала: «Поедьте все вместе провожать чудака в плавание» — а в последний миг перед выходом вдруг: нет, езжайте без меня.

— У женщин бывают разные выкрутасы. Они не такие, как мы, — сказал на это Искандер, глядя на мутную воду Темзы, по которой шлепал колесами городской пароходик. — Причуды Натальи Алексеевны это, брат, пустяки.

И вздохнул, вспомнив собственную покойницу супругу.

Николай Платонович всплеснул руками, пораженный внезапной мыслью.

— Послушай! А не беременна ли она? Вот была бы штука! Мы уж отчаялись.

У Александра Ивановича на высоком лбу сдвинулись брови.

— Очень возможно, — с некоторой сухостью сказал он и поменял тему: — Я вот думаю, какая потеря для России, что люди вроде Бахметева уезжают из нее за тридцать земель, за химерой, только б быть подальше. А ведь они понадобятся, когда грянет буря. Именно такие: сильные, способные спать

на гвоздях. Их ведь, Бахметевых, на свете немного. В обычные времена они и не особенно нужны. Но наступает година испытаний, и без таких паладинов революция захлебнется. Павел Александрович на своих Маркизовых островах о ней и не узнает.

— Ничего, зато есть мы с тобой. Я, например, тотчас же вернусь в Россию, как только там появятся баррикады! — Николай Платонович воинственно взмахнул кулаком в сторону приближающейся гринвичской пристани. Уже было видно мачты клипера, на котором Бахметев отправится в Новую Зеландию.

— Воображаю тебя на баррикаде, — улыбнулся Герцен. — С твоей ловкостью ты сверзнешься оттуда и свернешь себе шею.

Его друг беспечно пожал плечами:

— Мне цыганка нагадала, что я помру, споткнувшись на ровном месте. Лучше уж свернуть шею на русской баррикаде, чем на английской мостовой, — и махнул рукой на крыши тихого лондонского предместья.

Четверть часа спустя, уже на причале дальнего плавания, подле готового к отбытию трехмачтового барка «Акаста», оба пытались уговорить Бахметева образумиться, приводя и вышепомянутый аргумент, и всякие другие, не менее убедительные.

Павел Александрович выслушал не перебивая. Еще и немного подождал, когда Герцен с Огаревым уже умолкли — не скажут ли что-нибудь еще. Потом объяснил:

— В России интересно еще нескоро будет, а я ждать не могу. И так уже немолод, мне тридцатый год. Хочется потратить жизнь на дело, а не на разговоры.

И больше ничего не прибавил.

В руках у него по-прежнему были только саквояж и узелок, но только теперь тяжелый.

— У вас что там, золотые монеты? — недоверчиво спросил Герцен. — Все полторы тысячи наполеондоров?

Бахметев кивнул.

— В саквояже места нет.

— Господи, да они же звякают! Вас ограбят и убьют! Купили бы сумку с замком!

Трехмачтовый барк

— Жалко тратить деньги. Они принадлежат будущей коммуне. А ограбить меня трудно, я сильный, — ответил Павел Александрович.

На палубе ударил колокол. Немногочисленные пассажиры стали прощаться с провожающими.

— Свидимся ли? — отчего-то волнуясь, спросил Александр Иванович. — Если там не сложится, возвращайтесь. Ваши деньги вас ждут. И напишите из Веллингтона.

— Я возвращаться не умею. И писать тоже не привык.

— Ну так я вам напишу, до востребования. Есть же там какой-нибудь почтамт.

— Не дойдет. Я поменял имя. Англия не Россия, тут верят на слово и документа не спрашивают. Просто назвался по-другому — записали. Прощайте, господа. Должно быть, вы последние русские, кого я вижу.

Пожал обоим руку, для чего пришлось опустить звонкий узелок на доски, и пошел вверх по трапу, даже не оглянувшись.

Он и потом, когда корабль отчалил и стал удаляться, не вышел помахать рукой.

Глядя вслед «Акасте», которую тащил в сторону моря пыхтящий буксир, Николай Платонович спросил:

— Слушай, а у тебя бывает, что тоже хочется уплыть куда-нибудь далеко-далеко, в иную жизнь, из которой нельзя, да и незачем вернуться?

Александр Иванович усмехнулся.

— «Плыть иль не плыть? Вот в чем вопрос. Что благороднее: сносить ли гром и стрелы враждующей судьбы, или восстать на море бед и кончить их борьбою?». Ты про это спрашиваешь? Конечно, бывает. Всем иногда хочется уплыть в иную жизнь и не оглянуться. Но штука в том, что хочешь ты этого или нет, все равно однажды уплывешь, никуда не денешься. Так к чему торопыжничать?

Комментарий

Один из возможных способов выхода из трудной фабульной ситуации — той самой бесконфликтности, о которой я предупреждал вас в задании, — перевод нарративного двигателя с событийного топлива на атмосферное.

Ничего особенного не происходит, вся занимательность возложена на персонажей. Каждый из них, даже едва намеченный Огарев, добавляет свою краску на этот импрессионистский холст.

Другой использованный здесь прием я называю «эффект хокку». Он возможен лишь в том случае, если вы уверены, что аудитория обладает неким дополнительным знанием. Вы нажимаете на скрытые рычаги, побуждающие читателя произвести некую мыслительную работу и испытать нужные вам чувства. Самый элементарный пример — мое любимое трехстишие поэтессы О-Тиё (я в свое время вокруг него сочинил толстенный роман «Алмазная колесница»): «Мой ловец стрекоз,/ О как же далеко ты/ Нынче забежал!». (Чтобы оценить смысл, нужно знать, что хокку написано на смерть трехлетнего сына).

Так же и здесь. Я воспользовался тем, что из подготовительного материала читатель знает

- о том, что Наталья Алексеевна не выжжет любви каленым железом;

- о том, что бедный Огарев свернет себе шею в этом самом Гринвиче, на который небрежно махнул рукой;

- о том, что Бахметев бесследно исчезнет.

Урок шестой

Антипатия к персонажам

О, люди, отродья крокодилов!

Теперь давайте посмотрим, как работать с несимпатичными персонажами. Беллетрист должен одинаково хорошо управляться и с пряником, и с кнутом.

Начну с грустного факта. В литературе, в отличие от жизни, отрицательные персонажи интересней положительных. И для читателей, и для автора. Мне нравится объяснять себе это тем, что для человечества норма — Добро, а Зло — аномалия; девиации вызывают больше любопытства как всякое отклонение от стандарта, да и вообще они намного разнообразней. Ложь изобретательней правды, предательство психологически затейливей верности, у трусости более живая фантазия, чем у храбрости, зыбкость характера и непредсказуемость поведения драматичнее цельности и надежности. Увы, увы, увы.

Неприязнь, тем более ненависть, более острое чувство, чем приязнь и любовь. От любви не убивают (во всяком случае очень редко).

Ну и, конечно, Нехорошость гораздо лучше двигает сюжет, даже в текстах для младенцев: придет серенький волчок и ухватит за бочок.

Вводя в произведение антигероя, вы запускаете механизм интриги. Самой точной метафорой подобного действия можно считать знаменитое хокку Басё:

Вот старый пруд.
Бултыхнулась лягушка.
Ах! Запела вода.

Вы кидаете в сонный пруд еще не развернувшегося сюжета холодное, слизистое земноводное, и тишина нарушается всплеском, бегут волны. Началась жизнь.

Именно как к лягушке и надо относиться к нехорошему персонажу. Ни в коем случае не пытайтесь избразить его с симпатией. Многие писатели, в том числе великие, пытались усложнить авторскую и читательскую задачу, описывая какого-нибудь бяку с родительской любовью — как Господь Бог, сокрушающийся о заблудшем чаде. Это не работает. Эффект будет всегда один и тот же: читатель полюбит героя, которого по авторскому же замыслу должен осуждать. Потому что любовь на то и любовь, чтобы прощать слабости и даже злодеяния. Вспомним того же Печорина, объективно говоря, совершенного злодея, или никчемного бездельника Онегина, который ни за что ни про что убил славного восемнадцатилетнего парня и поехал себе путешествовать по заграницам. Не плодите Печориных, не морочьте читателей. Вы в ответе за тех, кого приручаете.

Вы обязаны досконально понимать внутреннее устройство отрицательного персонажа — но ни в коем случае не «входить в его положение». Ваше отношение может быть или брезгливым, или отстраненно-исследовательским, как у ученого-натуралиста, который ведет наблюдение за мечущей икру лягушкой.

Приведу примеры интродукции неприятных людей из классики.

Вот Лев Толстой описывает ненавистного ему Бонапарта:

«Вся его потолстевшая, короткая фигура с широкими толстыми плечами и невольно выставленным вперед животом и грудью имела тот представительный, осанистый вид, который имеют в холе живущие сорокалетние люди».

Никакой моральной оценки, никакого осуждения — лишь общая импрессия чего-то отталкивающего: надутый, противоестественный, холеный коротышка, и притом толстый, толстый! Про толщину повторено аж дважды, и понятно почему. Автору нужно деромантизировать чрезвычайно романтизированную фигуру Наполеона, а в пузатости ничего романтического нет.

Вот у Достоевского портрет Петруши Верховенского:

«Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его

высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие».

Как и в предыдущем фрагменте, автор заостряет наше внимание на одном слове, повторяя его трижды: «вострый», «востренький». Оно звучит противнее, чем нейтральное «острый» и к тому же ассоциируется не столько с худобой, сколько с пронзливостью.

Полюбуйтесь на диккенсовского Урию Гипа. У него и тело, «извивающееся, как змея», и «лицо мертвеца», и «ноздри вместо глаз». Писатель не оставляет читателю ни малейших шансов проникнуться расположением к этому молодому человеку.

Однако мы с вами живем и пишем в двадцать первом веке. Читатели теперь взрослее и, пожалуй, обидятся, если вы будете так явно предупреждать их «фу, кака!». Нужно не лупить топором по голове, а слегка скрести ногтем по стеклу. Этого вполне достаточно. И, разумеется, не жмите на физические недостатки. Оно и неполиткорректно, и непродуктивно — мы ведь не кино показываем.

Итак, каков ваш инструментарий?

Во-первых, ненавязчивая фиксация на второстепенных деталях: поведении, мимике, одежде, жестикуляции. Подумайте, чтостораживает при первом взгляде на человека, про которого пока ничего не известно. Этим и руководствуйтесь.

Во-вторых, это может быть прямая речь. Неприятный человек и говорит неприятно, употребляя противные слова или обороты. Либо же он, наоборот, изъясняется чересчур приятно (что тоже неприятно).

В-третьих, внутренний мир фигуранта — если вы даете читателю возможность туда заглянуть. Несимпатичный герой несимпатично смотрит на окружающий мир и окружающих людей. Все вокруг видятся ему скверными или подозрительными. Хуже, чем на самом деле. Как говорится, некрасота — во взгляде смотрящего.

В-четвертых, интонация, с которой вы описываете человека. С ней, пожалуйста, осторожней. Вы не прокурор, вы — судья, который обязан следить, чтобы у присяжных не возникло ощущение предвзятости.

Ну и наконец, разумеется, нехорошего персонажа разоблачают нехорошие поступки. Собственно, можно

обойтись только этим — и воздаст читатель кому-то по деяниям его.

Придумать сюжет, в котором действуют злодеи или преступники, да описать их в соответствующем духе нетрудно. Мы пойдем более сложным путем. Мы поучимся *делать* персонажей отрицательными. Возьмем героев предыдущей новеллы, которые нам только что очень нравились, и превратим белое в черное. Для этого придется поменять авторские линзы. В сущности на каждого человека можно взглянуть с любовью и с отвращением, по-доброму и по-злему, даже дать совершенно разную трактовку одним и тем же поступкам. Вот в этом мы и поупражняемся.

Для чистоты эксперимента нужно было бы еще и воспроизвести точно ту же ситуацию: к Герцену приезжает Бахметев, но все участники этой истории жуткие негодяи. (Полагаю, что в донесении какого-нибудь агента Третьего отделения, шпионившего за эмигрантами, именно так всё это и было бы подано). Но подобное упражнение было бы чересчур технологичным. Внесем небольшие изменения.

Возьмем происшествие ситуативно весьма сходное, но все-таки другое. И заменим одного из четырех персонажей.

Итак, действующие лица: Александр Герцен, Николай Огарев, Наталья Тучкова плюс Интересный Гость из России.

Нехорошие люди

Пушкинское осуждение жадной на разоблачения публики, которая «в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего», к литераторам не относится. Замеряя глубину исследуемого омута, писатель не конфузится, если обнаруживает под прозрачной водой гнилую корягу. Персонажи, в которых понамешано всякой всячины, художественно интересней.

Всё зависит от задачи, которую ставит перед собой автор.

По шерстке героев мы погладили, теперь — произведем противоположную манипуляцию.

Даже в самом достойном человеке, если как следует покопаться (и если сильно его не любить), можно отыскать что-нибудь нехорошее и даже противное.

Допустим, вам трудно представить себя шпионом Третьего отделения. Ну так вообразите себя современным репортером какого-нибудь помоечного таблоида или телеканала, получившим задание от начальства собрать компромат на оппозиционеров. Всё хорошее про них вам неинтересно, только плохое. И даже обязательно, чтоб это было правдой — хватит правдоподобия.

Вне всякого сомнения наши герои не ангелы.

Начнем с Герцена.

Мы уже знаем, что он увел у лучшего друга жену. Этот поступок выглядит совсем уж некрасивым, если учесть, что Огарев в это время был финансово полностью зависим от своего старого товарища и даже не сразу смог переехать из дома, превратившегося для него

Карикатуры на передовые журналы. Обратите внимание, что главный шут здесь Некрасов (с лирой на заднице), а также на валяющегося прохиндея, который уволок «деньги подписчиков»

в ад. Просто представьте себе эту жизнь втроем — как Наталья Алексеевна перемещается ночевать из одной спальни в другую. (Эх, жалко передачи «Пусть говорят» в те времена не было!).

Если уж речь зашла о финансах, то в этом смысле Герцен тоже уязвим. Современники упрекали его в совершенно неинтеллигентской меркантильности. Александр Иванович знал, что денежка счет любит. «На домашние расходы выдавал жене определенную сумму и строго замечал ей, если к первому числу оказывался недостаток», — рассказывает его знакомая еще доэмигрантского периода.

В замечательно интересной статье Михаила Гелфера «Герцен и деньги» описан примечательный эпизод из 1846 года, когда после смерти отца Александр Иванович получил большое наследство. Он собрал приятелей и объявил им: «Теперь я имею безбедное состояние и прошу вас всех, друзей моих, твердо рассчитывать на мою помощь. Каждый из вас найдет у меня

для себя пятьсот рублей, но не больше». Грановский обиделся и воскликнул: «Это низко! Я первый никогда не попрошу у тебя, хотя бы умирал с голоду!».

Быть свободным и независимым легко, если ты богат. А Герцен оставался состоятельным человеком и в эмиграции. Бичуя николаевский режим, он мог не опасаться, что его лишат доходов с родины, потому что, будучи человеком прагматичным, принял меры предосторожности, очень ловкие. Он передал права на свои российские авуары — за определенную комиссию — банкирскому дому Ротшильда. Когда осерчавший на беглого критикана царь приказал конфисковать эти средства, российскому правительству пришлось иметь дело с Ротшильдом. Тот пригрозил санкциями — отказом во внешних займах. В результате Герцен получил свои деньги и очень рационально их инвестировал. (То есть на самом деле ничего плохого в этом нет — наоборот, молодец, но вполне можно обыграть контраст между возвышенными декларациями и неромантическим хитроумием светлоликого Искандера). Михаил Гефтер пишет также, что, наблюдая за гражданской войной в Америке, «революционный демократ и ярый сторонник отмены крепостного права ничем не выражал сочувствия Северу» — потому что вложил часть средств в американские акции, а они обвалились.

Радея за несчастных крестьян, Герцен жил в Лондоне барином — с хорошим поваром и несколькими слугами. Это читателям тоже не понравится. Они любят, чтоб русский писатель был бедным.

Теперь давайте расправимся с Натальей Тучковой. Эту милую женщину вполне можно изобразить эмоциональной вампиршей и любительницей драматических ситуаций.

Впрочем, она действительно относилась к разряду дам, которым обязательно нужно мучиться и мучить окружающих. Наталья Алексеевна без конца выясняла отношения, страдала, ссорилась и мирилась — в общем, ощущала полноту жизни только в атмосфере

взвинченности. Огарев писал ей: «Умоляю тебя, Натали, опомнись. Ты отравляешь хорошие жизни кругом себя». Герцен, пожив с нею, пришел к тому же выводу: «Ты любишь быть несчастной и недостаточно любишь, чтоб другие были счастливы».

Сегодня такую особу, пожалуй, назвали бы «токсичной».

В нашем рассказе она может выглядеть как-то так:

Переходим к Огареву.

Славного Николая Платоновича не любить трудно, но мы попробуем.

К чему бы в нем придраться?

Ну, во-первых, что это, спрашивается, от него жены сбегали одна за другой? Сначала Мария Львовна, обобравшая его до нитки, потом Наталья Алексеевна, разбившая ему сердце? Что за дефект такой? (Возможны варианты).

Во-вторых, кто он вообще был такой? В энциклопедии написано: «революционер, публицист, поэт».

А в чем, собственно, его революционность? В издании «Колокола»? Но это заслуга Герцена. Да и не революционный это был орган, скорее леволлиберальный.

Огаревская публицистика тяжеловесна и, в отличие от герценовской, не впечатляет глубиной и тем более остротой. «Уничтожение помещичьего права началось благодаря благородным стремлениям Александра II», — на таком примерно уровне.

Поэзия у Огарева чрезвычайно возвышенная, но недаровитая. Многословная, напыщенная, налегающая на глагольные рифмы, временами комичная:

Ко мне мой дядя ездить стал;
Его я вправду уважал.
Свободы был бы он оратор
В иной, не рабской стороне;
У нас он только был сенатор,
Был враг душевной кривизне.

Если относиться к Николаю Платоновичу без снисходительности (а это как раз наш случай), тут не без графомании.

Складывая все эти кирпичики, получаем образ слабого, никчемного, так и не повзрослевшего барчука вроде Сержа Войницева из «Неоконченной пьесы для механического пианино» — того, который собирался подарить мужикам-косарям свои старые фраки. Тоже ведь идеалист, благороднейшей души человек.

Теперь пора представить нового героя, очередную ласточку с Родины. В прошлом уроке он только поминался, теперь появится во плоти.

Николай Гаврилович Чернышевский — светлая личность, революционный демократ, пламенный мечтатель, которому репрессивная машина сломала жизнь, отправив на каторгу и сведя в преждевременную могилу.

Кидать в такого человека камень было бы очень трудно, если б не двое сиятельных предшественников, уже исполнивших эту неприятную работу.

Один — современник и личный знакомый нашей жертвы, молодой писатель граф Толстой, разозлившийся на Чернышевского за некую литературно-критическую статью. Лев Николаевич был человеком сильных мнений и если кого-то не любил, то в выражениях не стеснялся. Он пишет Некрасову: «...Срам с этим клоповоняющим господином. Так и слышишь его то-ненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся еще более от того, что говорить он не умеет и голос скверный». При чем тут клопы, непонятно, но образ сильный.

Второй наш помощник — Владимир Набоков, вернее его герой Годунов-Чердынцев, пишущий книгу о Чернышевском. Этот предтеча революции, выкинувшей протагониста на чужбину, вызывает у автора лютую антипатию. Четвертая глава романа «Дар» — настоящий пасквиль на Николая Гавриловича. В ход идет глумление и над его неказистой внешностью, и над привычками, и над личной жизнью, а более всего над ненавистным автору вульгарным материализмом. Пародируя доктрину Чернышевского, Набоков или Чердынцев, неважно, пишет: «Ведь бедность порождает порок; ведь Христу следовало сперва каждого обути и увенчать цветами, а уж потом проповедывать нравственность. Христос второй прежде всего покончит с нуждой вещественной (тут поможет изобретенная нами машина)».

Вообще-то по части упрощенного утопизма Чернышевский не без греха. Самые слабые страницы романа «Что делать» — слащавое описание счастливого будущего, где коммунары дружно поют, танцуют и всё вокруг из драгоценного самоновейшего металла алюминия. Мы-то, бывшие дети коммунистической России, эти песни и пляски видели и даже исполняли, алюминиевыми ложками по алюминиевым мискам стучали.

Кстати говоря, это знание дает вам отличную причину для антипатии к нашим героям — идеологическую.

В предыдущей новелле мы с вами договорились сочувствовать борцам за свободу. Теперь давайте

побудем государственниками и даже монархистами. Сожжем всё, чему поклонялись, и поклонимся всему, что сжигали. В литературе — запросто. Помните: могу кошкой, могу мышкой?

Ведь кто такие эти люди в контексте истории? Разрушители государства. И мы знаем, что не они, так вдохновленные ими последователи в конце концов своего добьются. Пускай неидеальная, но худо-бедно пригодная для жизни самодержавная империя рухнет, и на шестой части земной тверди начнется вакханалия кровопролития, террора и такой несвободы, по сравнению с которой царская деспотия была детским садом.

А с чего всё началось, помните? Декабристы разбудили Герцена, Герцен разбудил революционеров-разночинцев — и пошло-поехало.

«Кто виноват?» спрашивает Герцен в своем романе. «Да вы-с, вы и убили-с», — ответит наша новелла. А Чернышевскому на его «что делать?» сурово сдвинет брови: «Вывести на чистую воду тебя, злодея».

Осталось рассказать про историческую встречу, состоявшуюся через два года после явления Бахметева — то есть летом 1859 года.

Предыстория такова. В эту пору в России первая эйфория, вызванная александровской «оттепелью», закончилась. «Передовое» общество поделилось на умеренных — либералов и на радикалов — будущих революционеров. Первые ориентировались на герценовский «Колокол», вторые — на «Современник», где тон задавали молодые, задиристые публицисты Чернышевский с Добролюбовым. И вот в «Современнике» выходит статья, обрушивающаяся на либералов за «отсталость, робость и бессилие». Герцен отвечает резкой отповедью в «Колоколе». В лагере «разумного, доброго, вечного» намечается раскол. Встревоженный Чернышевский немедленно отправляется в Лондон — наводить мосты с патриархом отечественного свободомыслия.

Они встречаются в Фулэме (западный Лондон), куда Герцен переехал с Тучковой и где продолжает бывать Огарев, понявший и простивший. Присутствовал ли

*Напряженная сцена: Чернышевский у Герцена.
Рис. Ю. Казмичева*

Николай Платонович при историческом свидании, неизвестно — у нас пускай присутствует. Наталья Алексеевна-то точно была. Она пишет в воспоминаниях: «Чернышевский был среднего роста; лицо его было некрасиво, черты неправильны, но выражение лица, эта особенная красота некрасивых, было замечательно, исполнено кроткой задумчивости, в которой светились самоотвержение и покорность судьбе». Тут, правда, нужно учитывать, что мемуары писались позднее, когда Чернышевский уже находился на каторге и отзываться о нем недобро было бы неприлично. «Самоотвержение и покорность судьбе» в молодом, самоуверенном журналисте 1859 года «светиться» никак не могли.

О содержании разговоров непосредственные участники потом оставили разноречивые и весьма смутные свидетельства, поэтому тут — полная воля вашему авторскому воображению. Известно лишь, что собеседники друг другу категорически не понравились, что разговор получился резким и закончился на нервной ноте.

Сотрудник «Современника» М. Антонович рассказывает — несомненно со слов самого Николая Гавриловича: «Чернышевский сейчас же встал и немедленно стал прощаться с Герценом, который пытался его остановить, но он сказал, что ему некогда, что он спешит и ему надобно скоро уезжать, и он ушел немедленно».

Впоследствии Чернышевский говорил, что наделал в своей жизни много глупостей, но самой колоссальной из них была поездка к Герцену.

Ну вот. Сюжетная рамка и действующие лица вам известны. Несимпатичные враги России встречаются, чтобы затеять козни против отечества, но переруливаются между собой. Можете назвать новеллу «Пауки в банке».

Задание

На предыдущем занятии у нас была проблема с конфликтом: когда хорошее сражается с «еще более лучшим», это скучно. Здесь такого затруднения не возникнет. Несимпатичные персонажи по части конфронтации молодцы, ведь ими движет не любовь, а разные ее сюжетно продуктивные противоположности. (У слова «любовь», как известно, не один антоним, а несколько: «ненависть», «отвращение», «безразличие»).

Но возникает другая сложность. Нехорошему герою не хочется сочувствовать и тем более не хочется с ним идентифицироваться, а это наносит удар по главному волшебству литературы — временному перевоплощению читателя в другого человека.

И тем не менее талантливо написанный текст успешно проделывает с бедной аудиторией эту болезненную операцию. Вот почему так дискомфортно (нарочно употребляю это неприятное слово) читать «Мелкого беса» или «Парфюмера».

Вы как автор обязаны втиснуть своего читателя в змеиную кожу негодяя, предателя или преступника. Это, как говорится, задача непростая, но интересная.

Отрицательные персонажи, как и положительные, могут быть скучными и нескучными. Первые — интеллектуально убоги, мелки, насквозь понятны. Их внутренний механизм всегда один и тот же: что мне хорошо, то и прекрасно. Вслед за Конфуцием я называю их «сяожэнями», «мелкими людьми». «Сяожэни» вам тоже понадобятся, это серая скотинка армии Зла, его нижние чины, основной контингент. В повседневном существовании жизнь отравляют именно «сяожэни».

Но в литературном смысле гораздо отрадней работать с Демонами — масштабными, яркими злодеями. Это люди, наделенные талантом Зла и при этом подчас не ограничивающиеся сугубо шкурной мотивировкой, — им нужна власть над чужими судьбами или душами. Демоны опасны, но за ними очень интересно наблюдать — в литературе, разумеется.

Несмотря на ограниченность заданного объема, давайте попробуем изобразить обе разновидности. Назначим Герцена с Чернышевским «демонами», а Огарева с Тучковой «сяожэнями». (Попросив у их прототипов прощения. Они все, включая Наталью Алексеевну, сами были писатели, поэтому, уверен, отнесутся к нашему опыту без обиды. И потом мы ведь, в отличие от автора «Дара», не со зла, а понарошку).

В жанровом отношении пускай это будет пикареска, плутовская проза. Но не лукаво-веселая, не «Двенадцать стульев», а неприятная, в духе «Села Степанчиково» или «Ибикуса». Фома Опискин — классический «демон», хоть и локального масштаба; Семен Невзоров — классический «сяожэнь».

Давайте возьмем «Похождения Невзорова, или Ибикус» и в качестве стилистического камертона. Алексею Николаевичу Толстому отлично давалось колючее, желчное письмо, выставлявшее персонажей в неприглядном свете. Положительные герои у этого автора обычно несколько трафаретны, но пакостники такие убедительные, что залюбуешься:

«Семен Иванович, — нужно предупредить читателя, — служил в транспортной конторе. Рост средний, лицо миловидное, грудь узкая, лобик наморщенный. Носит длинные волосы и часто встряхивает ими. Ни блондин, ни шатен, а так — со второго двора, с Мещанской улицы».

А вот настоящий гимн «сяожэньства»:

«Жить, жить! Он ясно видел себя в сереньком костюме с иголочки, на руке — трость с серебряным крючком, он подходит к чистильщику сапог и ставит ногу на ящичек, сверкающий южным солнцем. Гуляют роскошные женщины. Так бы и зарыться в эту толпу. И всюду — окорока, колбасы, белые калачи, бутылки со спиртом».

Почитайте «Ибикус», пропитайтесь ядом мизантропии — и бог поможет вам, друзья мои.

Джабраил и Херцен

Рассказ

Глава первая, в которой описывается лихой кавалерийский налет

Трясаясь по булыжнику в нелепой английской двуколке, Джабраил немзыкально насвистывал кавалерийский марш и вертел головой во все стороны. Никогда и нигде не мог усидеть спокойно даже минуты. Потому что движение — жизнь, а статичность — смерть.

«Джабраил» было шутивное прозвище, которое друзья ему дали по отчеству «Гаврилович». Хорошее прозвище. Христианский архангел Гавриил постен и глуп со своей лилией в деснице, зато мусульманский Джабраил — колосс, который ногами стоит на земле, а головой возвышается над облаками. Так и надобно жить на свете.

Еще остроносому, остролицему, остроглазому егозе нравилось воображать себя Робеспьером. У него и в кабинете висел портрет великого Максимилиана — малоизвестный, в очках. Тот тоже, представьте, был близорук. Близорукость остроте взгляда нисколько не мешает — наоборот. Когда не отвлекаешься на несущественные детали, лучше прозираешь главное.

Припев «В сабли, в сабли всех жондистов³⁰!» Джабраил пропел вслух, заменив одно слово. Получилось еще лучше: «В сабли, в сабли жирондистов!».

³⁰ Жондисты — польские повстанцы, сторонники Жонда.

«Жирондистами» он называл межеумочных либералов, в святилище которых сейчас и направлялся, чтобы решить дело лихим кавалерийским налетом — взять неприятеля врасплох, пока эмигрантская братия не донесла до Херцена, что в Лондон прибыл Чернышевский.

Он всегда называл предводителя жирондистов на немецкий манер, не «Герцен», а «Херцен». Во-первых, потому что за сто лет чужеземной жизни тот совершенно обиностранился и невредно было это подчеркнуть, а во-вторых, хеканье заставляло вспомнить отличную эпиграмму: «Нынче хер цена басням Герцена».

Сойдя с поезда, оставил вещи в привокзальной гостинице, взял горбатый кэб — и по записанному адресу марш-марш. Просто сунул важному что твой Тургенев извозчику — в цилиндре! — листочек с адресом: черт-знает-как-читаемое «Park House, Percy Cross, Fulham». Тот кивнул, повез. Ладно, будут и наши ваньки грамотными, дайте срок. Еще и станут полезные книжки читать, поджидая сегода.

Всё это Джабраил планировал сделать сам, в неотдаленном грядущем: написать полезные книжки, выучить ванек грамоте и прочее необходимое для Общественного Здоровья. Оно, Общественное Здоровье, сияло в лазоревой вышине,

лучезарное, но достижимое. Туда, наверх, вела лестница, состоявшая из тысячи ступенек. Упорный, целеустремленный, знающий себе цену человек по ней обязательно поднимется. Топ-топ, прыг-скок, шагок за шагом. Сегодня предстояло сделать еще один, за тем и кавалерийская атака.

Лондона погруженный в свои быстро несущиеся мысли Джабраил пока не рассмотрел. Это было запланировано на завтра. Вертя головой, дома и площади видел неотчетливо. Готовился к рубке.

Коляска вдруг остановилась.

— Хирьюар, — сказал Тургенев, обернувшись, и показал кнутом на каменную стену, над которой зеленели кущи. — Парк-хаус.

«Dr. Alexander Herzen», было выгравировано на медной табличке, украшавшей крепкую дубовую калитку. Здесь же сверкал солидный бюргерский колокольчик.

На всякий случай визитер толкнул калитку — и довольно рассмеялся. Она была незаперта. Должно быть, обывателям блаженного Альбиона не приходит в голову, что кто-то может незваным войти в ихний «мойдом-моюкрепость».

Оказавшись в небольшом аккуратном саду и увидев барский дом, увитый пошлейшим плющом, Джабраил перешел с военной музыки на народную — тихонько пропел:

— «Вы хлебали щи — не утёрлись, вы не ждали нас, а мы припёрлись».

Но главные чудеса были впереди.

Из дверей выскочил негритянский человек, что-то спросил, да замахал рукой, как на курицу. Ого! Важно обитает херр Херцен — прямо Анна Иоанновна с арапчонком.

— Я Чернышевский, — сказал Джабраил африканцу. — Доложи, братец.

Тот не понял, залопотал.

— Чер-ны-шевский. Так и скажи. Хозяин поймет.

Выглянула горничная в белейшем фартучке. Потом другая, в кружевной наколке. Все изумленно пялились на чужого. По-русски ни бельмеса не понимали.

— Визитёр де Руси, — сказал тогда Джабраил на французском. — Трезампорган.

В Фулэме

В окно высунулась жирная рожа в поварском колпаке.

— Vous vous êtes trompé de jour, monsieur, — недовольно пробурчала рожа. — On accueille sans invitation les dimanches³¹.

Чистый Версаль, подумал Джабраил, предвкушая, как будет живописать сей кордебалет в редакции. Еще подумалось: не на мои ли деньги тут шикуют? И без того узкие глаза совсем сощурились.

— Франсуа, Жорж, кескиспас? — послышался женский голос с несомненным русским акцентом. На порог вышла особа в папилютках под шелковым платком, с круглыми глазами и сухой мордочкой, несколько напоминающая воблу.

А вот и Мария-Антуанетта, сказал себе нарушитель спокойствия и приподнял шляпу.

— Чернышевский. Прошу прощения, что не предварил. Я только с поезда, и сразу к дорогому Александру Ивановичу.

³¹ Вы ошиблись днем, сударь. Мы принимаем без приглашения по воскресеньям.

Очевидно не расслышав имени, вобла сердито воскликнула:

— Что за бесцеремонность! Мы принимаем соотечественников по воскресеньям! Обед с часу до трех пополудни!

— Мы в журнале «Современник», разумеется, слышали о знаменитых герценовских «воскресеньях» и даже писали о них. Я — Чернышевский, Николай Гаврилович, — отчетливо повторил Джабраил и с удовольствием зарегистрировал ужас, мелькнувший в глазах хозяйки. — Вы, я полагаю, госпожа Херцен? Могу я увидеть вашего супруга?

— Я не госпожа Херцен, я Наталья Алексеевна Тучкова, мы с Александром живем гражданским браком, — гордо ответила Мария-Антуанетта, схватилась за папильотку и покраснела. — Очень рада, но... — Беспомощно оглянулась назад. — Но Искандер об это время принимает травяную ванну. Ах, да что же я вас держу у порога. Прошу, прошу, поговорим внутри.

— Ничего, я подожду, пока он выйдет, — весело сказал Джабраил, поднимаясь в дом. — Ежели вы мне дадите последний номер «Колокола», я буду вполне счастлив.

— Сейчас, сейчас, — металась Тучкова, всё не могущая прийти в себя. — Я скажу ему. Вы располагайтесь.

Он сел в кресло, оглядел гостиную, наморщил нос. Страдалец за народ жил даже роскошней Некрасова, но тот известный куркуль, а светоносный Искандер слывет у россиян бессеребренником. В Петербурге в приличном доме нынче бронзы-хрустали по кладовкам попрятали, а тут они напоказ выставлены.

Ждать пришлось долго, Джабраил весь искрутился. Он охотно поизучал бы комнату, но в дверной щели то и дело посверкивали глаза. Должно быть, прислуга любопытствовала, кто это произвел такой переполох.

Наконец мадам явилась — уже без папильоток, в накинутаой на голову мантилье (тоже еще испанка).

— Александр Иванович просит извинения, что не выйдет к вам. По предписанию доктора после ванны он должен лежать в покое. Однако ж вы можете коротко перемолвиться с ним через дверь.

— Понимаю, возраст требует попечения о здоровье, — почти поклонился Джабраил. — Через дверь так через дверь.

Поздоровался с великим человеком, как в султанском гареме — через непроницаемую взором препону.

Изнутри донеслось, с московским аканьем, с барской протяжцей:

— А я с вами, Николай Гаврилч, и здаро-оваться не стану. Предлагаю считать сей наш ранконтр не имевшим места. Такой дарагой гость, а я плаваю, будто сардель в бульоне. Приезжайте-ка вдругорядь, да по-настоящему. Тогда и потолкуем, душевно и сердешно.

— Когда же? — спросил Джабраил. — Могу быть у вас завтра рано утром.

— Нет-нет, я должен уехать на пару дней в Бирмингам, для закупки бумаги. Вы сами человек журнальный и понимаете важность этого дела. Приезжайте-ка в субботу, в полдень.

Гость ушел в холодном бешенстве.

Во-первых, кавалерийский рейд не удался. Поговорить о деле не получилось. А во-вторых, его, Чернышевского, будто какого-то просителя, заставили дожидаться аудиенции! Бумага, видишь ли, важнее встречи с острейшим пером России, специально прибывшим из-за тридевяти земель!

О, подлая надменность либеральной сволочи! В статьях да на словах все они демократы, друзья народа, но каждый, каждый сноб и лорнетист. Того же Тургенева или графа Толстого, поди, сразу принял бы.

Глава вторая, в которой происходит военный совет

Однако если бы Николай Гаврилович видел переполох, поднявшийся в доме после его отбытия, то убедился бы, что «кавалерийский налет» был не вполне безуспешен.

Хозяин Парк-хауса пребывал в необычном состоянии нервической ошарашенности.

Какое унижение! Сидеть мокрому, голому, залепленному целебной тиной и сохранять учтивость, слушая визгливый, по-волжски окающий голосишко из-за двери. Что за варварская

дикость — нагрязнуть без объявления! Это у них в Саратове так дьячок к пономарю на рюмку водки является.

Потрясение было еще сильнее из-за того, что, лежа в пахучей жиже, как раз думал про него, Чернышевского, — как часто в последние месяцы. И когда Натали объявила, что предмет тревожных мыслей тут, во плоти, захотелось перекреститься. Вот уж воистину *think of the devil*³²!

О Чернышевском приходилось думать часто, потому что в России было нехорошо.

Вообразите: еще недавно, год или два назад, ты сиял с недосягаемой яркостью, как Луна на полном небе. Вокруг светились звезды и звездочки, зная свое место. И вот одна из них, крикливо-огненная, стала расти, словно опухоль, заслонила своим наглым блеском половину горизонта. Имя второго светила было «Чернышевский», и многие, о сколь многие, повернулись в ту сторону. А зачем, спрашивается, нужны две Луны? Слава богу, на Земле живем, не на Марсе.

Больней всего, конечно, предательство молодежи. Давно ли засыпали восторженными письмами, просили совета и наставления. Теперь их кумир — глумливый писака из «Современника». Спрос на «Колокол» падает. Пришлось снова сократить тираж.

Ах, легко покорить дуру-публику безответственным критиканством, принимаемым за смелость! И легко быть смелым в нынешние травоядные времена. Попробовал бы он при царе Николае, как мы!

И потом, бичевать мерзости власти мы все умеем. А в чем твоя программа? Что ты, собственно, предлагаешь?

Это Александр Иванович кипятился, всё не мог успокоиться уже после ухода гостя, который был много хуже татарина.

Сердита была и Наталья Алексеевна.

Боже, какое впечатление произвела она на самого важного (после Искандера, конечно) деятеля передовой России! В затрапезном платишке, в старушечьем платке

³² Подумай о дьяволе (— и он тут как тут).

и в *папилютках*! А как неумно себя вела, как постыдно заговорила! Упрекнула борца за свободу в бесцеремонности, да еще велела приходить в воскресенье, со всеми мизераблями! Ужасно, ужасно...

Первым взял себя в руки Александр Иванович.

— Проведем военный совет по поводу субботы. В Бирмингем я, конечно, не поеду. Нужно хорошенько подготовиться. Выяснить у наших, зачем и с чем он заявился.

Он потер чело, похожий на Кутузова в канун Бородинской битвы.

— Так. Первое: прислуге дать выходной. Иначе он потом раззвонит на весь Петербург, что...

— Видел он уже их, — простонала Наталья Алексеевна. — На Жоржа так и вылутился. Ославит тебя рабовладельцем.

— Скажу, что раз в неделю у нас день уборки, приглашаем наемных работников, — решил проблему полководец. — Второе. Этот пасквильант в России будет перевернуть и передергивать, выставляя себя в выигрышном, а меня в жалком свете. Поэтому внимательно смотри, слушай, запоминай. Записывать не надо — много чести, но гляди пристально. Пускай помнит, что при разговоре был свидетель. Третье. Обедать не нужно, а то Франсуа своими гастрономическими кунштюками произведет неправильное впечатление. Пожалуй, подай нам чаю. И без шоколадов. Печенье, шортбреды — скромно.

— «Слушай, запоминай, подай»? — возмутилась Наталья Алексеевна. — По-твоему, женщины только на это и годны?

— Ты права, — кивнул Александр Иванович. — Он не преминет потом воткнуть шпильку. У Герцена, который ратует за равноправие полов, жена в прислугах. Сделаем чай по-английски. Каждый будет наливать из чайника сам. Но в беседу все же не встревай. Чтоб не вышло, как тогда с Тургеневым.

— Это низко — всё время напоминать мне одно и то же. — Глаза Натальи Алексеевны моментально наполнились слезами, была у них такая интересная особенность. — Подумаешь, немного увлеклась. Он, между прочим, слушал меня с большим интересом.

Тут ей пришла в голову идея, от которой слезы столь же мгновенно высохли.

— Нужно обязательно позвать Николая. Он смертельно обидится, если ты его не пригласишь на встречу с таким гостем.

— *С таким гостем?* — фыркнул Александр Иванович. — Не хватало еще выстроиться всем личным составом, как на высочайшем смотре. Этот ферт и так о себе гигантского мнения. Нет, Огарева не надо. Еще ляпнет что-нибудь.

Спорить она не стала, но решила поступить по-своему. Дама в окружении трех мужчин будет смотреться ком-иль-фо. Говорят, Чернышевский увлекается французской революцией. Вот и будет ему салон мадам Ролан, где интереснейшие мужчины эпохи вращались вокруг еще более интересной женщины.

— Как скажешь, друг мой, — кротко молвила Наталья Алексеевна, чувствуя уже не досаду, а приятное волнение.

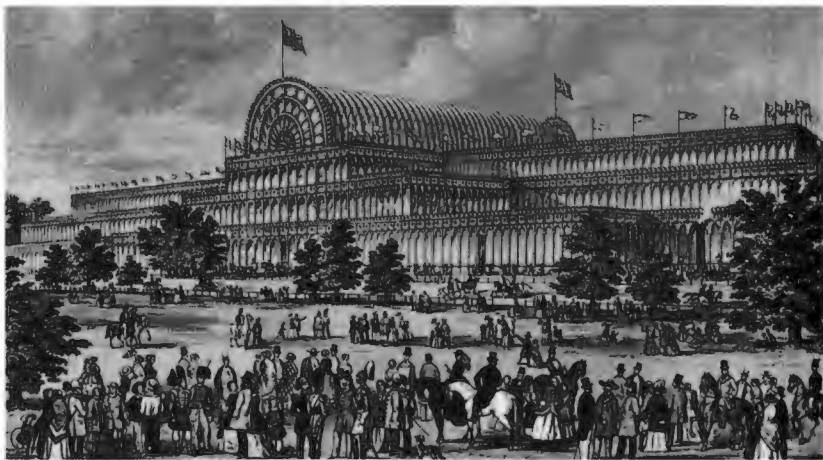
Глава третья, в которой Лондон взвешивают

Дельный человек не умеет сидеть без дела и к времени относится как к оборотному капиталу — попусту не тратит. Потому вынужденная двухдневная пауза была потрачена с пользой — на анализирование Англии, верней города Лондона, ибо на осмотр прочих частей острова досуга не имелось.

Ум у Джабраила был быстрый, заключения — точными и окончательными, последующей ревизии не подлежащими.

Город Лондон был взвешен и найден легким. Превыше всего ценя материальную видимость, Николай Гаврилович с большим уважением относился к архитектуре — разумеется, не в смысле красоты, а в смысле целесообразности.

В архитектурном отношении британская столица никуда не годилась. Два самых примечательных сооружения были абсолютно бессмысленны: круглоголовый храм святого Павла, посвященный религиозной химере, и часовая башня Большой Вениамин, вообще ни за чем не нужная. Порадовал только Хрустальный дворец, превосходный каркас из железа и стекла, выстроенный для Всемирной выставки.

На него Джабраил смотрел долго, представляя себе многоэтажные жилые дома будущего, где вся жизнь ячеек общества, ныне именуемых «семьями», будет видна за прозрачными стенами, ибо никаких шторок-занавесок, конечно же, не понадобится — честным и счастливым людям скрывать нечего. Это сейчас все шу-шу-шу, да тайком, да в потемках, а станет совсем иначе. Открытая Россия — вот что будет. Дружная, живущая одним духом, одной волей, одной целью. Доверяющая своим лучшим людям, которые и научат, и поведут, и вразумят.

Лучшие люди уже начали понемногу вокруг Николая Гавриловича собираться, золотник к золотнику. Легкие, прочные, не подверженные коррозии, блестящие, будто выкованные из драгоценного алюминия. Такие же, как сам Джабраил. Ну, почти такие же.

А хваленый британский парламент разочаровал. Там мухи дохли на лету. Когда в России зародится народовластие, наш русский парламент будет вроде конвента: с пламенными речами, бурными страстями, стычками, а понадобится — и с головами на пиках. «Гора» бурлит, кричит, клокочет, Жиронда кудахчет, в «болоте» квакают лягушки, а посередине сидит молчаливый Максимилиан, на тонких губах тень улыбки, на носу темные очки, и все смотрят, ждут — что скажет, и скажет ли.

Всё это будет. Обязательно.

Глава четвертая, подробная, потому что историческая

Настоящая встреча, историческая, началась с исторической же сцены. На пороге дома издатель «Колокола» широко простер объятья, и ведущий автор «Современника» в них шагнул. Два поколения российских борцов за свободу символически соединились.

«Старик Державин нас заметил и в гроб сходя благословил?», — с неудовольствием подумал Герцен. Чернышевский выглядел почти юношей — личико гладкое, как щенячье брюхо.

«Современный человек у звонаря с древней колокольни», — думал Джабраил, глядя в близкую, настороженно улыбающуюся бородатую физиономию. Вслух же сказал, весело:

— Мы с вами будто двухглавая гидра революции. Куда ихнему двухглавому орлу против нас?

— Не революции, а эволюции, — сразу же обозначил принципиальное разногласие Герцен, и оба с облегчением отодвинулись, но все еще дружественно держали друг друга за локти. — Революция — средство крайнее. К нему прибегают, когда эволюция невозможна.

— Уж от вас услышать такое я не ожидал, — мягко укорил визави. — Ладно от наших либералов, которые боятся околоточного, но от героя глухих времен, прошедшего через горнило ссылки?

Херр Херцен, всё «горнило» которого исчерпывалось чиновничьей службой в тихой провинции, иронии не уловил и приосанился.

— Да, вам сейчас много легче, и слава богу. Власти готовы идти на уступки. Так зачем же их озлоблять? Надобно взять у них всё, что они готовы дать, а потом видно будет.

Ему хотелось вернуть что-нибудь лихое, молодежное, демократическое, в духе «Современника». Очень кстати вспомнилась народная proverbbe. Даже две.

— Поучимся у свиньи, — тонко улыбнулся он. — Пусть нам сначала дадут место у стола, а нижние конечности на него мы водрузим потом. Пospешишь — выйдет шиш.

— Помилуйте, — засмеялся Джабраил. — Где барину тягаться с поповским сыном по части плебейских присказок?

Да разразился целым фейерверком поговорок. Все их Александр Иванович слышал впервые.

— Кто медленно шагает, тот быстро отстает. Медлить — дело не избыть. Еду к обеду — к ужину приеду. Кто явится — без порток останется. Матрена колебалась — так девкой и осталась.

Тут вышла прятавшаяся в прихожей Наталья Алексеевна. Эффектно — с засученными рукавами, перепачканными землей руками, в стратегически скромном платье «симплиситэ», с немного растрепанными волосами.

— Ах, это вы! — воскликнула она. — Я совсем забыла, что вам назначено. Что ж ты, Искандер, не напомнил? Заработалась на огороде. У меня принцип: всё, что можно произвести собственным трудом, делаю сама. Выращиваю, шью, стираю.

И сразу поставила себя предводительницей — увела застрявших на крыльце мужчин в гостиную.

Блюда, чашки, вазочки запорхали над скатертью, ложечки-ножички звонко разлеглись по местам, а самовар Наталья Алексеевна грациозно раздула сафьяновым сапожком. Одним словом, «во всякой одежде красива, ко всякой работе ловка».

Поговорили о крестьянской реформе, о видах на конституцию, о прекрасной России будущего. Немного поспорили о том, следует ли считать крестьянскую общину проявлением стихийной расположенности русского народа к коммунизму либо тормозом развития свободной инициативы. Но до столкновения не дошло. Собеседники были дипломатичны, резкостей избегали и всячески выказывали взаимную симпатию. Договорились прекратить публичную пикировку между «Современником» и «Колоколом» — незачем радовать своими раздорами реакцию. Дружно поругали Бакунина, который обоим не нравился, — это еще больше утеплilo атмосферу.

Наталья Алексеевна в разговоре не участвовала, но тонко улыбалась и иногда качала головой. Подбородком опиралась на кисть, из-за чего широкий рукав опустился, снова выигрышно обнажив локоть. Рука была точеная.

Леди и два джентльмена пьют чай

«Дед размягчился, пора», — сказал себе Джабраил и приступил к делу.

— Я знаю, у вас был мой ученик по саратовской гимназии, дорогой мой товарищ Павлуша Бахметев. Горячей, чистой души человек. Сколько с ним было говорено о революции, о социализме!

Герцен нахмурился, догадываясь, куда выворачивает разговор.

— Перед отъездом он написал мне, что желает оставить деньги, предназначенные на общее дело, за границей — чтобы Третье отделение не наложило на них свою лапу. Хранителем этого капитала будет человек, в честности которого можно не сомневаться. Пусть деньги будут у него до тех пор, пока не наступит решительный момент борьбы. Тогда вы, Николай Гаврилович, написал он, будете знать, на что пустить эти средства. И вот этот момент наступил. Крестьяне зашевелились. До них дошли слухи, что обещанное освобождение будет надувательством. Они не получают ни долгожданной свободы, ни земли. Нужно немедленно создавать подпольную типографию, печатать прокламации, рассылать агитаторов. Мы все

искренне признательны вам, дорогой Александр Иванович, за то что вы сохранили Бахметевский фонд в неприкосновенности. — Тут в глазах говорившего промелькнуло некоторое беспокойство: сохранил ли? — Пришло время передать эти деньги на общее дело. Вот зачем я приехал.

Морщина на герценовском лбу стала глубже. Отдать двадцать тысяч франков этому проныре, чтобы он еще пуще гадил «Колоколу»? Об этом не могло быть и речи.

Александр Иванович свыкся с ролью хранителя Бахметевского фонда. Оно было хорошо и с репутационной точки зрения, и в смысле общественного влияния. Ежегодный процент, тысячу франков, он раздавал по небольшой толике разным полезным людям, выбирая самых говорливых и писучих. Из-за этого в передовых кругах создалось преувеличенное

Отдай!

представление о размерах фонда. Говорили, что там чуть ли не миллионы, и Александр Иванович этих слухов не опровергал. Чем крупнее фонд, тем крупнее его хранитель. Вот и кумир питерских крикунов примчался мести хвостом.

— Могу ли я взглянуть на письмо Бахметева, в котором он доверяет получение капитала именно вам? Мне он ничего подобного не говорил.

— Помилуйте! — рассмеялся Чернышевский. — Сразу видно, что вы давно не живете в России! Кто же у нас хранит такие документы? Найдут при обыске — это сразу крепость, а то и Сибирь. Александр Иванович, дорогой, не думаете же вы, что я стану вас обманывать? Моя репутация, кажется, известна. Право слово, что ж вы, как Кашей, над золотом чахнете, когда для дела нужно?

— Что вы, разве о недоверии речь? — махнул рукой Герцен, покоробленный чахнувшим Кашеем. — Поверьте, я бы с облегчением избавился от этой обузы и передал деньги столь достойному человеку. Письмо с указанием Бахметева необходимо мне для банка. Если бы воля распорядителя была там выражена ясно и твердо, возможно, это позволило бы преодолеть условие договора.

— Какое условие?

— На котором настоял Павел Александрович. Что в течение десяти лет капитал должен оставаться неприкосновенным.

— Могу ли я взглянуть на договор? — с той же интонацией и почти в тех же словах повторил недавно прозвучавший вопрос Николай Гаврилович. Лоб у него тоже собрался морщинами, только не вертикальными, как у Герцена, а горизонтальными.

— Конечно. Здесь Англия. Важные документы не уничтожают.

Пока Александр Иванович ходил за бумагой, Наталья Алексеевна попробовала увлечь гостя разговором о женской эмансипации, но тот не увлекся. Он нервно и зло барабанил костлявыми пальцами по столу. Веджвудская чашка подпрыгивала на блюде.

Верхнюю часть листа, где сумма, Герцен словно бы ненароком прикрыл ладонью, и внутренне улыбнулся, видя, как у прощелыги вытянулась лисья мордочка. Договор был на французском.

Джабраил рассвирепел, прочитав пункт о десяти годах. Получилось, что весь вояж был проделан впустую.

Коли так, захотелось по крайней мере сказать английскому индюку пару ласковых слов. Сдерживаться теперь было не для чего.

Николай Гаврилович наморщил аккуратный носик, как всегда перед особенно едкой атакой на оппонента, но не торопился, прикидывая, как побольнее *вмазать*.

Тут как раз явился Огарев, который перед тем минут двадцать протоптался перед калиткой, нетерпеливо дожидаясь назначенного Натальей Алексеевной времени. Вошел он как свой человек, без стука.

— Искандер, погляди, что пишут в сегодняшней «Таймс»! — взмахнул он специально прихваченной газетой и расширил глаза, будто в изумлении. — Господи, никак... Господин Чернышевский? Вы?! В Лондоне?! Безмерно, безмерно рад! Слежу, читаю, восхищаюсь! Огарев. Николай Платонович Огарев. Быть может, слышали?

Герцен скривился, обреченно произнес:

— Вот, Николай, видишь, какой внезапный гость...

Огарев не слушал, кинулся к знаменитому человеку с объятьями.

Джабраил приподнялся, но обниматься не стал — протянул ладонь дощечкой, будто установил дистанцию.

— Весьма рад.

А на вопрос, слышал ли он про Огарева, отвечать не стал.

— Мы вот с господином Херценом про российскую ситуацию беседуем, — мягко, на кошачьих подушечках, приступил к карательной акции Николай Гаврилович. — Ваш шеф того мнения, что мы много глупостей делаем, по нашей незрелости.

— Саша мне не шеф, — обиделся Николай Платонович. — Мы соиздатели, с равными полномочиями.

Но Джабраил уже повернулся к «Херцену», перейдя вовсе на мурлыканье:

— Вы, Александр Иванович, имеете великие заслуги перед отечеством. У вас авторитет, имя, почти всенародное признание. Возвращайтесь же в Россию. Станьте нашим вождем, нашим знаменем накануне великой битвы. Ведите нас в бой.

Он будет жестоким и, может быть, даже кровавым, но с таким командующим ничто не страшно.

Александр Иванович молчал. Переезжать из увитого плющом Парк-хауса в страну рабов, страну господ ему не хотелось.

— Я полагаю, что пером могу сделать для России больше, нежели витийством на собраниях и площадях. Прежде всего я писатель, — с достоинством молвил он.

— Ну а коли у вас кишка тонка пожаловать в гости к Третьему отделению, так сидите в своем Лондоне и не учите нас, как нам бороться! — перешел с мурлыканья на шипение Николай Гаврилович. — Житья нет от вас, кабинетных храбрецов! Не желаете рисковать свободой, жизнью, даже благополучием, так знайте свое место! Оно не на сцене истории, а в зрительном зале, в мягких креслах!

Александр Иванович решил, что человеку его калибра участвовать в перебранке подобного уровня не к лицу, и сжал губы. Он не собирался произнести более ни одного слова. Но Коля, увы, был Коля.

— Как вы можете такое говорить? — пролепетал он. — Я не рисковал благополучием? Да знаете ли вы, что, едва вступив в права наследства, я отпустил на волю своих крепостных и безвозмездно отдал им усадьбу со всем имуществом!

— С всеми роялями, шифоньерками и бонбоньерками? — оскалился Джабраил. — Полагаю, вы могли себе позволить подобный жест. Мне сказывали, у вас и без поместья осталось не то триста, не то пятьсот тысяч.

— Которые ваш приятель Некрасов у Николая Платоновича мошеннически отсудил! — не выдержал епитимьи молчания Александр Иванович.

— И правильно сделал, — бросил Джабраил. Ему стало скучно.

— Превосходный чай, сударыня, — поклонился он Тучковой и вышел.

Худшего оскорбления нанести ей было невозможно. Чай?!

Она вскочила, отшвырнув салфетку, и вышла.

Друзья подошли к окну, провожая взглядом узкую, дергающую фигуру.

— Саша, кажется, мы породили монстра, — убитым голосом проговорил Огарев. — Ведь если он дорвется до власти, наши головы полетят в корзину!

— Не дорвется, — спокойно ответил умный Александр Иванович. — Наверху не дураки сидят. До чего этот пролаз дорвется, так это до Сибири. А мы отсюда станем пламенно бороться за его освобождение.

Комментарий

В начале курса я говорил о том, что главное в произведении — актуальность для автора. Проза, которой вы надеетесь пробудить живое чувство в читателе — неважно, доброе или злое — должна вызывать не менее живую реакцию у вас самого. Вы пишете, потому что вам это нужно. Чем острее нужда, тем заряженной текст.

Моя авторская задача в данном случае заключалась в том, чтобы посмотреть на себя и свое окружение саркастическим взглядом. Периодически необходимо это делать. И глумлюсь я здесь не над Герценом, а над собой.

«Что за злобная чушь! — скажет, дочитав, читатель. — Герцен и Чернышевский были совсем не такими!».

«Что за злобная чушь! — скажет, дописав, автор. — Я и мои товарищи совсем не такие! Или, по крайней мере, не должны быть такими».

И будет автору польза.

Урок седьмой

Действенный анализ

Проходных персонажей не бывает

На втором занятии мы говорили о том, что даже персонаж, едва мелькающий в тексте, должен произнести свое «кушать подано» так, чтобы перед читателем, пускай на миг, возник живой человек.

Это как в жизни. У нас нет ни времени, ни возможности узнать что-либо о большинстве людей, которые каждый день проходят мимо, но по ним видно, что они не статисты, что они *настоящие*. Так же должно быть и в литературном произведении.

Оживить героя, занимающего в книге много места, легко. Вы можете про него рассказать, показать поступки, дать ему высказаться, даже подслушать мысли. Самое трудное — оживить миманс. Но если у писателя это не получается, волшебный эффект переноса в другую реальность не возникает.

Сравните две пьесы из школьной программы: «Горе от ума» и «Ревизор». У Грибоедова герой со всех сторон окружен какими-то масками театра. Но — не людьми, а ходячими функциями. У Гоголя же даже Бобчинский с Добчинским существуют собственной жизнью, остающейся за рамками повествования, но явственно ощутимой. При том что это почти близнецы, одного с другими не спутаешь: «Не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете! Вы пришепetyваете, у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом». (Разумеется, Грибоедов расчеловечивает несимпатичный ему московский бомонд специально — ему и нужно показать живого человека в окружении мертвенной толпы «нескладных умников, лукавых простяков, старух зловещих, стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором»).

Но в театральном спектакле текстуально невнятную Софью или плоского Фамусова вытянет игра хороших артистов. Вам же придется труднее, чем Грибоедову. Режиссер и актеры вам на помощь не придут. Поэтому пишите не по-грибоедовски, а по-гоголевски.

Я неслучайно завел разговор о театре. Правильному обращению с эпизодическими действующими лицами мы поучимся у Станиславского. Как вы помните, его система подготовки спектакля предполагает «застольный период»: актеры сидят за столом и вживаются в свои роли, анализируют действия персонажей.

Точно таким же «действенным анализом» всегда занимаюсь и я. Любое произведение для меня начинается с файла «Персоналии». Я должен знать всё про людей, которые даже мельком появляются в создаваемом мною мире: характер, биографию, мотивировку поступков. Если звучит имя, оно не может быть случайным. И придумать его нельзя, его нужно угадать. Окликнешь персонаж чужим именем — он не отзовется. Как угадывать правильное имя, я не знаю и научить вас этому не смогу. Обычно я определяю имя на слух: бормочу разные варианты, пока не щелкнет. Иногда мне не хватает терпения, и тогда персонаж не оживает. Это авторский провал, от которого у меня потом остается чувство вины. К сожалению, в любой из моих книг кроме людей, которые для меня вполне живые, есть тени, всего лишь исполняющие положенную им функцию.

Когда-то, в самом начале писательства, я пробовал двигаться от обратного. Не от персонажа к имени, а наоборот. Я гулял по старинному кладбищу, читал надписи на памятниках, и некоторые имена вдруг превращались в лица. Дальше можно было попробовать представить, что это за человек и какая у него была жизнь. Иногда завязывалась какая-нибудь увлекательная история. Однажды из надписи на могиле в Новоиерусалимском монастыре даже возник двухтомный роман.

Впрочем, я отвлекся от темы занятия.

Итак, наша задача — населить художественный текст живыми людьми. Мы возьмем жанр, в котором проходные, неразъясненные персонажи в принципе невозможны. Но о жанре — в разделе «Задание». Сначала опишу фактуру, с которой нам предстоит работать.

«На сем месте погребен конной гвардии вахмистр Дмитрий Александрович Карпов на седьмом году возраста своего веселившимся успехам его в учении родительским сердцам горестное навлекший воспоминание преждевременною 16 марта 1795 года своею кончиною». (У меня конной гвардии вахмистр не умрет, потому что литература добрее жизни.)

Большая Игра

На протяжении почти всего девятнадцатого века Россия и Англия очень не любили друг друга. Один раз, в 1850-е годы, дело дошло до большой войны, но и в мирные времена две страны относились друг к другу с враждебностью. Британская пресса любила изображать российских правителей жуткими и в то же время комичными чудищами.

Русские газеты карикатур на королеву Викторию не рисовали — цензура не позволила бы ронять

*Это Александр II —
разумеется, в виде
медведя*

престиж монархической власти, даже недружественной, но постоянно писали о том, как нам «гадит англичанка».

На самом деле хороши были обе империи. Они никак не могли поделить зоны влияния в Азии и вели себя там совершенно одинаково: захватывали чужие земли. Русские двигались от севера к югу, британцы — с юга, из Индии, на север. Интересы держав столкнулись на линии Персия — Средняя Азия. Агенты Лондона и Петербурга запугивали, подкупали, интриговали, затевали заговоры, убийства и восстания, провоцировали военные конфликты с местными царьками — и очень ревниво следили за успехами противоположной стороны.

Это колониальное соперничество красиво называлось «Большая Игра». На кону, как уже сказано, было господство в Азии. Оба игрока без стеснения мухлевали и шулерствовали. Россия постоянно выпускала дипломатические ноты, уверявшие весь мир, что она более не захватит ни единого дюйма, — и зацапывала

Александр III и его полицейское государство

всё новые и новые куски. Британия выставляла себя защитницей бедных азиатов — и раз за разом пыталась завоевать Афганистан (в то время еще не знали, что это задача совершенно невыполнимая).

Подчас игроки прибегали к совсем уж неджентльменским средствам. Английские агенты в Персии поучаствовали в разжигании антирусского мятежа, когда толпа разорвала на части посольство Грибоедова. Несколько лет спустя в Бухаре — кажется, тоже не без российских интриг — схватили и предали смерти двух британских офицеров: полковника Стоддарда и капитана Конноли. (Последний, кстати говоря, и ввел в употребление термин «Большая Игра», еще не зная, что станет в ней разменной монетой).

Длился этот марафон десятилетиями и дошел до кульминации в середине 1880-х годов, когда между передовыми отрядами колонизаторов, двигавшимися к сердцу Азии с двух сторон, уже начались перестрелки.

В этот момент и должно происходить действие нашего рассказа — только не на Памире, а в фешенебельном

лондонском районе Белгравия, где находилось российское посольство.

У тогдашних англичан оно считалось — да, вероятно, и на самом деле являлось — гнездом русского шпионажа. Страсти были накалены, взаимная подозрительность дошла до предела — в общем, сложилась примерно такая же ситуация, как в наши дни.

Вот фон, с которым вам предстоит работать. Если бы вы должны были писать по-английски, вам пришлось бы нелегко — понадобилось бы соперничать с великими предшественниками. У Редьярда Киплинга в романе «Ким» красочно описан эпизод Большой Игры, где доблестный герой обводит вокруг пальца нехороших русских шпионов. У Джозефа Конрада в романе «Тайный агент» фигурирует и некое зловещее иностранное посольство, плетущее в Лондоне чудовищную паутину. Страна, правда, не названа, но ее представителя зовут «мистер Владимир». Действие обоих произведений происходит как раз в нужное нам время.

Большие русские писатели, на ваше счастье, темой британского злодейства никогда не вдохновлялись. Только у Тынянова в «Смерти Вазир-Мухтара» мелькает мутный доктор Макниль (имеется в виду британский агент John McNeill, фигура историческая), но автору конспирология явно неинтересна.

В общем, поле свободно.

Описывая реалии 1880-х годов, учтите, что Британия тогда считалась форпостом технического прогресса. Там уже стали появляться улицы с электрическими фонарями. Приезжих поражало, что вечером может быть светло, как днем.

В приличных домах трезвонили телефонные аппараты, а в 1886 году появляется первый уличный автомат.

В Лондоне к этому времени уже двадцать лет работало метро и даже велось строительство первой электризированной дистанции. В час пик, когда клерки ехали из пригородов на работу в Сити, возникала давка — в британской столице проживало пять миллионов человек, впятеро больше, чем в тогдашней российской.

Электрик-Авеню в лондонском Брикстоне

Вызываем «скорую помощь»

Ну а самое главное, конечно, что Шерлок Холмс уже живет на Бейкер-стрит и применяет на практике свой дедуктивный метод.

В лондонском метро

Задание

Как вы, вероятно, уже догадались, мы будем писать детектив. Это самый технически сложный жанр беллетристики. Особенно детектив герметичный, то есть с ограниченным количеством подозреваемых. Очень непросто до самого финала водить аудиторию за нос, манипулируя несколькими наперстками, за каждым из которых бдительно наблюдают.

Детективное произведение интерактивно — в том смысле, что читатель не пассивно впитывает художественную информацию, а вступает с автором в состязание, пытаясь разгадать предложенную загадку. Если это произошло раньше времени, писатель проиграл.

Задача делается еще трудней, когда вы пишете короткий детектив. Каждое предложение, каждое слово, каждую деталь нужно использовать с толком, но при этом ни в коем случае не должно возникнуть ощущение сугубой функциональности.

Последовательность работы здесь следующая.

В основе всякого хорошего детектива лежит некий фокус. Например, все думают, что преступник — человек, а это обезьяна («Убийство на улице Морг»). Или автор выводит преступника из шеренги подозреваемых, вроде бы убивая его, а на самом деле душегуб живехонек (роман «Десять негритят», который теперь по-политкорректному называется «И никого не стало»).

После того как фокус придуман, набираем штат персонажей. Все они должны быть живыми. Тут придется соблюсти баланс между динамичностью и психологичностью. Чем больше места вы тратите на «оживление» действующих лиц, тем медленнее развивается действие. Еще труднее совместить осязаемость героев с неожиданной

развязкой — потому что чем лучше мы понимаем человека, тем меньше он способен нас удивить.

Агата Кристи всю ставку делает на непредсказуемость финала и не слишком заботится о выпуклости «актеров второго плана», поэтому они обычно несколько картонны. Не будьте, как Агата Кристи. Тема нашего урока не «идеальный детектив», а теплокровные и живородящие персонажи.

Составьте «библию» (киносценарный термин) всех действующих лиц: портрет, характер, краткая биография, внутренняя логика поведения. Многое из этого для текста не понадобится. Неважно. Читатели, легкокрылые чайки, увидят только надводную часть айсберга, но вы — море, вам видно и часть, сокрытую от взоров.

Я всегда прибавляю к описанию еще и иллюстрацию — чтоб видеть персонажа. Это у меня называется «кастинг». Чаще всего я действительно прикидываю, кто из актеров (не обязательно современных) мог бы сыграть эту роль, но иногда краду лицо у исторического деятеля, у медийной персоны или просто у какого-нибудь знакомого.

В нашем рассказе должно быть не меньше шести персонажей. Можно и больше, но шесть — минимум. И еще одно условие. Пусть кто-то один за всё время не произнесет ни единого слова, но при этом человек все равно должен быть живым.

Когда вы уже придумали детективный фокус и познакомились с действующими лицами, приступайте к письму. Сюжетная каденция вам известна: экспозиция — преступление — развитие (оно же расследование) — кульминация — развязка.

На всё про всё у вас авторский лист. Если получится уместить загадку и разгадку в меньший объем, можете прибавить себе баллы: каждая сэкономленная страница — плюс один балл. В детективном рассказе лаконичность — высшее щегольство.

Если будет возможность, прочтите написанный рассказ вслух перед аудиторией, пусть даже маленькой — как было с пьесой. Дайте каждому из слушателей бумажку. Когда дойдете до середины, попросите всех написать имя предполагаемого преступника. Повторяйте этот вопрос после каждой следующей страницы — вплоть до развязки. Потом проверьте, кто и на каком этапе угадал

злодея. Это поможет вам оценить, насколько рассказ удался в детективном отношении.

Есть детективы, привлекательные не столько сюрпризом в финале, сколько своей атмосферой, интересно-стью персонажей. Скажем, Конан Дойлю по части фабулы за Агатой Кристи не угнаться, зато сэра Артура, в отличие от дамы Агаты, можно перечитывать, даже зная, кто убийца. Я, например, периодически это делаю.

Поэтому за образец литературного стиля мы возьмем «Записки о Шерлоке Холмсе».

Слог Конан Дойля энергичен, но сдержан. Авторские описания скупы, ничего лишнего.

«— Интересно, что он там высматривает? — спросил я, показывая на дюжего, просто одетого человека, который медленно шагал по другой стороне улицы, вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт — очевидно, это был посыльный.

— Кто, этот отставной флотский сержант? — сказал Шерлок Холмс.

В диалогах и отступлениях может содержаться и философия, но всегда редуцированная иронической улыбкой:

«Мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаешься».

Особенное очарование тексту придают диалоги, в которых отлично считывается личность (это мы уже проходили):

«— У меня есть щенок-бульдог, — сказал я, — и я не выношу никакого шума, потому что у меня расстроены нервы, я могу проваливаться в постели полдня и вообще невероятно ленив. Когда я здоров, у меня появляется еще ряд пороков, но сейчас эти самые главные.

— А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? — с беспокойством спросил он».

В общем, прежде чем начать, как следует пропитайтесь викторианским духом. Его формула: здравомыслие, андерстейтмент и скепсис.

Инцидент в Чешэм–Хаусе

Рассказ

Инспектор шумно высморкался в клетчатый платок и потом долго его сворачивал, прежде чем спрятать обратно в карман. Никогда в жизни окружающие с таким вниманием не следили за тем, как старина Лестрейд прочищает свой нос. Уж во всяком случае не столь возвышенные особы, сардонически подумал сыщик.

Сам-то он на них пока не смотрел — только вниз. У опытейшего сотрудника Скотленд-Ярда существовала рутинная процедура, которой он придерживался при расследовании всякого убийства. Сначала осмотреть труп и всё, что находится на ближайшей периферии в пять футов; затем обследовать место преступления; и лишь на третьем этапе сосредоточиться на подозреваемых и свидетелях (очень часто это одни и те же люди).

Покойник был преважный: *шаржэдафэр* русского посольства. Что означает французское слово, инспектор представлял неявственно, а спрашивать не захотел, чтобы не составить у господина комиссара невыгодного о себе впечатления. В кабинет начальника всей столичной полиции Лестрейда вызвали впервые за четверть века службы.

Сэр Эдмунд сказал:

— Немедленно отправляйтесь на Чешэм-плейс, в русское посольство. Если вы читаете газеты, то должны знать, что мы на грани войны с Россией. Премьер-министр Гладстон запросил у парламента экстренный бюджет. И вдруг убит русский *шаржэдафэр* Shcherbatoff! Не сами ли они его прикончили, чтоб дать повод к началу военных действий? С русских станется, это

Чешэм-хаус

коварная нация. Выясните обстоятельства инцидента и доложите. Я буду ждать. Ступайте!

Газеты инспектор, конечно, читал, но только криминальную хронику, спортивные новости и статьи по садоводству, поэтому о международном конфликте услышал впервые. Наверное, убитый — крупная шишка, коли из-за него может разразиться война.

Человек с непонятной должностью и непроизносимой фамилией лежал перед Лестрейдом на паркете, раскинув руки, и пялился стеклянными глазами в потолок. Физиономия мятая, брыластая, рот разинут. На белой крахмальной груди эмалевый крест, через плечо красная лента, на ней орденская звезда. Судя по сверканию — бриллиантовая. (Стало быть, не ограбление, иначе сперли бы). Вокруг плешивой головы лужа крови. Инспектор взял мертвеца за виски, приподнял. На макушке пролом. Шмякнули чем-то тяжелым. Собственно, ясно чем — орудие преступления валялось рядом. Мраморный бюст какого-то генерала с бакенбардами.

Что тут у нас еще?

Около левой руки канделябр. Сломанная пополам свеча. От удара об пол — понятно. В правой руке пустой бокал, и тут же пролившаяся желтоватая влага. Поди вино, не пиво же.

Более вокруг трупа ничего примечательного не имелось.

Сыщик перешел ко второй стадии, стал исследовать помещение. Дом-то, Чешэм-хаус, он осмотрел еще с улицы, прежде чем войти в ярко освещенную арку с колоннами. Здание было помпезное, даже по меркам Белгравии, где известно какие особы обитают: министры, лорды, послы.

Поднялся на третий этаж за надутым что твой адмирал лакеем по широкой мраморной лестнице, где сплошь зеркала да белые статуи, прошел завешанным картинами коридором до высокой двери.

В просторном кабинете топтались несколько человек, кто-то всхлипывал. Следуя своей методе, Лестрейд ни на кого смотреть не стал, лишь спросил, где труп. Ему показали на приоткрытую дверь в дальнем углу.

Представившись по всей форме: «инспектор отдела криминальных расследований Лондонской городской полиции Грегори Лестрейд», он строго сказал:

— Всех свидетелей прошу собраться у входа, но пока не позвоу не заходить.

Итак, место преступления. Ну-ка, ну-ка.

Небольшое помещение, примерно триста квадратных футов. У стены несгораемый шкаф.

Лестрейд подошел, протянул руку.

Сзади донесся голос:

— Не имеете права! В сейфе секретная дипломатическая корреспонденция.

Говорил некто черно-белый, с легким акцентом. Один из тех, кого сыщик видел в кабинете и пока еще не изучил.

— Я только проверить, заперта ли дверца.

Заперта.

По бокам от сейфа две колонны, высотой с человеческий рост. На той, что слева, мраморная голова какой-то суровой дамы. Постамент правой колонны пуст, но понятно, что бюст, которым мистеру Щ. проломили башку, снят оттуда.

Щеку инспектора обдуло холодком. Он обернулся, увидел покачивающуюся штору.

А вот это интересно. Окно-то открыто.

Подошел, через лупу осмотрел подоконник, раму. Усмехнулся.

Преступник открыл окно, чтобы подумали, будто кто-то про- ник в помещение снаружи и потом тем же путем скрылся. Расчет на дураков. От ботинка всегда остаются следы: крошечные частицы грязи, царапинки на краске. Никто на подоконник не влезал. Нет, это «внутренняя работа». Русского джентльмена уколошил кто-то здешний.

Теперь настало время занялся людьми.

— Вы кто? — спросил Лестрейд черно-белого, что стоял в дверях.

Лощеный молодой человек с превосходным пробором и аккуратными, будто нарисованными усиками, представился:

— Khrapovitsky, секретарь его превосходительства. — И почти- тельно поклонился в сторону покойника, но предварительно зажмурился.

— Ну. Как это произошло?

Секретарь с такой же невозможной, как у его начальника, фамилией, по-прежнему стараясь не смотреть на ужасное зрелище, стал рассказывать:

— Был прием по случаю устройства в нашей миссии электрического освещения...

Лестрейд посмотрел на сияющую огнями люстру и подумал, что столь яркий свет очень хорош, когда нужно изучить место преступления, но жить гораздо приятней при мягком свете газовых ламп, а еще лучше со свечами, как в старые добрые времена.

— ...В отсутствие посла — его отозвали в Петербург для консультаций в связи с кризисом — гостей принимал мой патрон, временный поверенный в делах.

А, вот что такое «шаржэчего-то», догадался инспектор. Кивнул: продолжайте.

— Прием происходил внизу, в бельэтаже. Примерно в половине девятого представитель Форин-офиса мистер Уиллоутби попросил мистера Щербатова уделить ему несколько минут для

конфиденциальной беседы. Они поднялись сюда, в кабинет. Я, разумеется, последовал за начальником. Через минуту-другую к нам присоединилась госпожа Щербатова. Ее сопровождал дворецкий Хьюз. Больше в кабинете никого не было, когда... когда это произошло.

Секретарь передернулся, скосив-таки глаза на мертвеца.

— Все перечисленные лица здесь? — спросил инспектор. — Пусть войдут. Но к телу не приближаться.

Жена убитого была не первой молодости, но вполне еще сочная, отменно ухоженная особа.

— Мои соболезнования, мэм, — слегка поклонился Лестрейд, внимательно изучая распухшее от слез лицо. — Позвольте узнать, по какой надобности вы поднялись к мужу в кабинет?

Дамочка хотела ответить, но только всхлипнула и жалобно посмотрела на мистера Кх. Тот успокаивающе погладил ее по руке. Так-так-так, сказал себе инспектор, отметив этот жест, не вполне уместный для секретаря. Хотя черт их знает, русских, что у них уместно, а что нет.

— *Ne bespokoites, Evelina Karlovna, ya sam ob'yasnys s okolotoshnym*, — слишком нежно для подчиненного провоцировал русский какую-то абракадабру.

— Попрошу свидетелей говорить только по-английски! — сдвинул брови Лестрейд.

— Госпожа Щербатова пришла сказать супругу, что электрический свет в салоне начал помигивать. Ее как хозяйку это обеспокоило, — сказал секретарь. — Поэтому она привела дворецкого, чтобы тот получил от его превосходительства указания.

Дворецкий Хьюз склонил голову, как бы подтверждая эти слова. Батлер как батлер: каменная физиономия, кустистые бакенбарды, поджатые губы. На него Лестрейд посмотрел мельком и не заинтересовался. Во всяком случае как фигурантом. Если б с груди покойника пропала алмазная звезда — иное дело, тогда нужно было бы подозревать прислугу.

Повернулся к последнему свидетелю — господину из министерства иностранных дел. (Насколько все-таки у англичан проще имена: Хьюз, Уиллоуби).

Батлер из хорошего дома

Мистер Уиллоуби держался в стороне от остальных, полуотвернувшись. Это был очень молодой, но чрезвычайно солидный джентльмен с ледяным выражением лица и презрительно опущенными углами рта. Он стоял, сложив руки на груди, высокий и прямой, как колонна на Трафальгарской площади. Даже несколько оттопыренные уши не нарушали общего впечатления неприступной суровости. Представителя почтенного министерства, коли он такой строгий, Лестрейд решил пока не трогать.

— Что было дальше? — спросил он секретаря.

— Мы находились в кабинете впятером — его превосходительство, мадам, я, дворецкий и этот господин... — Русский метнул на мистера Уиллоуби испепеляющий взгляд. — Вдруг погас свет. «Этого я и боялась!» — воскликнула госпожа Щербатова. Потом все молчали, потому что разговаривать в темноте не совсем прилично. Через минуты две или три электричество опять включилось. Его превосходительства в кабинете не было. Я догадался, что он удалился сюда — согласно инструкции...

— А что у вас здесь? — спросил Лестрейд. — И о какой такой инструкции вы говорите?

— Это секретная комната при кабинете. Здесь, как я уже говорил, хранятся самые конфиденциальные документы.

При любых непредвиденных обстоятельствах — вроде случившегося затемнения — следует обеспечить неприкосновенность бумаг. Его превосходительство, конечно же, решил проявить надлежащую осторожность. Тем более поскольку здесь находился посторонний, — снова враждебный взгляд на британца.

Мистер Уиллоуби довольно громко хмыкнул, но не шелонулся.

— Как раз сегодня поступила очень важная депеша, которую ни в коем случае не должны были увидеть чужие глаза, — продолжил русский. — Кое-кто не остановился бы ни перед чем, чтоб узнать ее содержание.

Это он про нас, англичан, догадался инспектор и нахмурился.

— А вы проверили, не украли из сейфа эту самую депешу? — спросил он.

— Ее незачем красть. Довольно было прочитать. На это хватило бы нескольких мгновений... Когда снова загорелся свет, я заглянул сюда и увидел его превосходительство на полу, недвижимым.

Миссис Ш. тихо заплакала, склонив голову к плечу секретаря. Тот нервно поежился. Ты, голубчик, что-то скрываешь, подумал сыщик. Ишь, глазки забежали. Ох, прав сэр Эдмунд, тут дело нечисто. Наверняка провокация. Сами своего убили, а на нас сваливают!

— Как мог кто-то открыть сейф в кромешной темноте, да еще прочитать бумагу? — усмехнулся инспектор. — Не считайте сыщика Скотленд-Ярда идиотом.

У русского сверкнули глаза.

— Это вы нас не считайте идиотами! Тут не нужно быть сыщиком! И так всё ясно!

— Что же вам ясно?

— Свет погас неслучайно! Всё было рассчитано! Преступник проник в секретную комнату. При себе он имел фонарик, а код замка ему откуда-то был известен. О, мы знаем, как ловко работают британские шпионы! Но негодяй не ожидал, что в темную комнату войдет мой начальник, и в панике совершил убийство, использовав первое, что попало под руку!

К сожалению, версия звучала вполне правдоподобно. Лестрейд поднял с пола бюст. Нос мраморного генерала был испачкан кровью — должно быть, этим местом беднягу *шаржэ* и шмякнули по черепу.

— Кто этот джентльмен с бульдожьей физиономией? — спросил инспектор, рассматривая скульптуру.

— Как вы смеете! — ахнул русский дипломат. — Это его величество российский император Александр Третий! А на второй колонне ее величество императрица Мария Федоровна.

— Так кто же, по-вашему, нанес удар? — обреченно спросил Лестрейд.

И получил ожидаемый ответ.

— Он, кто же еще! — Обвиняющий перст ткнул в представителя Форин-офиса. — Этот человек впервые появился в нашем посольстве! Приглашение было послано директору европейского департамента лорду Чемсфилду, а явился какой-то Уиллоутби. Уверен, что он служит вовсе не в министерстве иностранных дел, а в военной разведке!

— Какие глупости, — презрительно обронил мистер Уиллоутби. — Я пришел вместо господина директора, потому что ему нездоровится.

— Проверим, — удрученно пробормотал Лестрейд.

— Нет уж, проверять будем мы! — объявил русский. — И расследование проведем тоже мы. Согласно законам дипломатии посольство является российской территорией.

Инспектор иронически ухмыльнулся:

— А, так у вас в штате есть полицейский?

— Нет. Но в Лондоне по счастью сейчас находится лучший российский сыщик господин Фандорин. За ним уже послали, мы ждем его с минуты на минуту. Он вам, сударь, подыгрывать не станет!

Последняя реплика была адресована мистеру Уиллоутби. Тот поднял подбородок и процедил:

— Я джентльмен и не позволю допрашивать себя какому-то русскому полисмену.

— Господин Фандорин тоже джентльмен, в большей степени, чем вы, — прошипел русский.

А Лестрейд тоскливо подумал: еще один джентльмен-сыщик на мою голову. Как будто своих мало.

— Я в ваших дипломатических законах не разбираюсь, — проворчал он. — Мне-то что прикажете делать?

— Найти ф-фонарик, — слышался сзади голос, слегка заикнувшийся на слове «torchlight».

Все обернулись к двери.

Там стоял стройный господин в черном смокинге. Лицо его было молодо, но на висках романтически серебрилась седина. Лестрейд сразу мысленно окрестил его Красавчиком.

— Я здесь уже довольно д-давно. Не хотел прерывать вашу беседу. Заодно ознакомился с обстоятельствами дела. Ф-Фандорин. Эраст Фандорин.

Поклонился сначала даме, потом остальным. Передал дворецкому тросточку и цилиндр.

— Меня вызвали с заседания Королевского криминалистического общества, где я делал доклад о типологии социопатических п-преступлений. Позвольте узнать ваши имена.

Все назвались — кроме дворецкого, про которого вдова сказала просто: «Это Хьюз».

— Вы спросили, что вам делать, инспектор. Если господин Храповицкий прав, у мистера Уиллоугби при себе должен быть ф-фонарик.

— У вас есть фонарик, сэр? — спросил Лестрейд.

— Какие глупости, — оскорбленно отвечал Уиллоугби.

— Видите, у этого джентльмена нет фонарика, — сказал Лестрейд русскому горе-сыщику, очень довольный.

— А почему у мистера Уиллоугби оттопырен к-карман? Что там у вас?

Секретарь убитого быстро шагнул к чиновнику Форин-офиса и — вопиющая бесцеремонность! — хлопнул его по карману фрака.

— Ага! Фонарик! Он солгал!

— Что вы себе позволяете, сэр?! — возопил Уиллоугби, покраснев. — Я не говорил, что у меня нет фонарика! Я сказал «какие глупости». Потому что у всякого лондонца, который собирается вернуться домой в темноте, при себе есть фонарик.

— Это правда, — подтвердил Лестрейд. — Иначе запросто вяпаешься в собачье дерьмо. Прошу прощения, мэм.

Он предъявил собственный фонарик — американский, на пружинной тяге.

— Erast Petrovich, oni zaodno! Vechnoe britanskoe besstydstvo! Sdelaite chto-nibud! — опять перешел на тарабарщину секретарь.

— Извольте говорить на нормальном языке! — рявкнул Лестрейд. — Что он вам сказал, сэр? Требую перевести!

— Вы ничего не можете здесь требовать! Здесь российская юрисдикция! — закричал на него мистер Кх.

— Какие глупости! — парировал Уиллоутби. — В момент совершения преступления экстерриториальность закончилась. Первенство имеют британские законы.

— Господа, господа, умоляю вас! Здесь же покойник. Ведите себя пристойно! — с неожиданной твердостью воскликнула миссис Щ. Она уже не плакала и не дрожала. Быстрота, с которой свежеиспеченная вдова взяла себя в руки, сделала бы честь и англичанке.

— Дорогой Мишель [это она обратилась к секретарю], я устала. Можете принести мне стул? Ничего, если я буду сидеть?

Спрошено было не у Лестрейда, а у Красавчика, что инспектору не понравилось. Нужно было восстановить командную цепочку — показать, кто тут главный.

— Так что вам сказал по-русски господин секретарь? — грозно потребовал он ответа у конкурента.

— Попросил меня не терять времени п-попусту. Что ж, полагаю, расследование будет быстрым.

— В самом деле? — язвительно улыбнулся Лестрейд. — Я слышан о русской быстроте.

Это ему кстати вспомнились куплеты времен Крымской войны:

Быстро русский царь скакал
На войну.
Но быстрее удирал
Ну и ну!

Он подмигнул батлеру, потому что русские иронию оценить не могли, а мистер Уиллоугби по молодости лет песенку вряд ли знал. Хьюз улыбнулся половиной лица, которая была ближе к инспектору; вторая половина, которую могли увидеть русские, осталась неподвижной. Парень был не дурак, по глазам видно. Впрочем, дураки в батлеры не попадают.

Красавчик повел себя, будто заправский сыщик. Вынул складную лупу, нагнулся над трупом, быстро задвигал головой, будто пойнтер, принюхивающийся к следу.

Потрогал щеку покойника.

— Что скажете про это п-пятнышко?

Лестрейд тоже достал увеличительное стекло. Ну да, маленькая красная отметина.

Пожал плечами:

— Сыпь какая-то. Кожа у покойника жухлая, нечистая, сами видите.

— Это ожог.

Красавчик склонился над вином, вытекшим из бокала.

— А это что у нас?

Обмакнул палец, лизнул, поморщился.

— Странная смесь. «Шабли» урожая семьдесят второго года, перемешанное с мочой бульдога.

— Ах, это, должно быть, мой Арчи, — сказала миссис Щ. Она держала секретаря за руку, тот напряженно переминался с ноги на ногу. — Ему только полтора месяца, он еще не выдрессирован.

— Лужа размазана, видите длинную п-полосу? — продолжал изучать следы Красавчик.

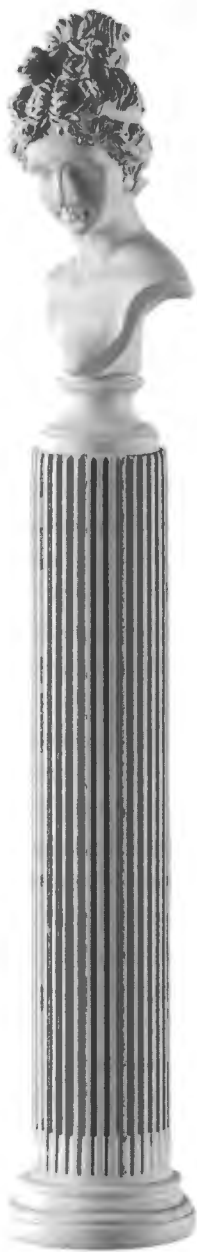
— Это, наверно, секретарь наступил, когда вошел, — предположил Лестрейд.

— Нет. Тогда к выходу вели бы мокрые отпечатки...

Шустрый мистер Фандорин уже был у окна.

— Тут никто не влезал, не вылезал, — поспешил сообщить Лестрейд. Он переживал, что проглядел ожог на щеке, — хотя черт знает, имело ли это какое-то отношение к делу.

— Это п-понятно. — Фандорин обернулся, еще раз окинул взглядом всю небольшую комнату и сам себе кивнул. — Вообще всё п-понятно.

*Колонна с бюстом
выглядела примерно так*

Стало тихо.

— Кто же... убил моего мужа? — спросила миссис Щ, поднявшись со стула. Ее рука вцепилась в запястье мистера Кх. Должно быть сильно — тот pokrивился.

Уиллоуби настороженно смотрел на заику, очевидно приготовившись к новым обвинениям. Дворецкий слегка щурился.

Прямого ответа на вопрос не последовало.

— Произошло следующее, — сказал Фандорин, возвращаясь к двери. — Когда в кабинете погас свет, господин Щербатов вошел сюда, поставил вино, зажег свечу, снова взял бокал, приблизился к сейфу. — Свои слова Красавчик сопровождал демонстрацией — подошел к несгораемому шкафу с воображаемым подсвечником в руке. — В этот момент от порыва ветра распахнулось окно. Дунул сквозняк. Свечу покойный держал высоко, подле лица. Огонек к-качнулся, опалил ему щеку — на ней остался след ожога. От неожиданности и боли господин Щербатов отшатнулся, попал ногой в лужицу, оставленную щенком, поскользнулся. Пытаясь сохранить равновесие, задел плечом колонну, и бюст обрушился ему на макушку. Так что, если в точности ответить на ваш вопрос, мадам, господина Щербатова убил государь император.

— Не может быть! — вскричал Лестрейд, разозленный таким апломбом. — Не так-то просто сшибить с постамента скульптуру! По-вашему, стало быть, всё случилось вот так?

Он быстро подошел ко второй колонне и с силой толкнул ее плечом, насмешливо глядя на русского.

Самоуверенная рожа нахала было последнее, что увидел Лестрейд, прежде чем мир с ужасным грохотом провалился в тартарары.

— Именно так, — подтвердил Эраст Петрович, озадаченно глядя на распростертое тело.

Каменная голова ее величества тюкнула инспектора точеным датским носом прямо в темя. Теперь они лежали рядом, щека к щеке — заслуженный сыщик Скотленд-Ярда и государыня императрица.

Из послужного списка инспектора Отдела криминальных расследований Лондонской городской полиции Г. Лестрейда.
... В ходе следствия по поводу скоропостижной кончины русского поверенного в делах г-на ШчербатOFF получил травму головы. По заключению врача, от смерти или тяжелого увечья инспектора спасла только феноменальная массивность костей черепа. За успешное разрешение инцидента, чреватого серьезными политическими последствиями, м-р Лестрейд был отмечен в приказе и награжден денежной премией в размере пяти фунтов стерлингов и десяти шиллингов.

Комментарий

Как видите, я уложился меньше чем в лист. Детектив получился незамысловатый, но от короткой новеллы сложной интриги ожидать и не приходится.

История показана глазами сыщика, потому что герметичный детектив обычно выстраивается по схеме «подозреваются все кроме следователя» (бог судья Агате Кристи за «Убийство Роджера Акройда», где преступником оказывается помощник Эркюля Пуаро, он же нарратор). Лестрейд и читатель заодно. Все остальные — чужие и подозрительные. До тех пор, разумеется, пока не появился Эраст Фандорин.

Прилагаю заранее составленный список действующих лиц, чтобы показать, как велась подготовительная работа к этому короткому, немудрящему тексту.

Лестрейд

Эксплуатируем литературный багаж читателя. Берем классического персонажа, который в представлении не нуждается. Своего почти ничего не прибавляем.

В оригинале портрет инспектора таков: «щуплый человечек с изжелта-бледной крысьей физиономией и острыми черными глазками».

Из «Этюда в багровых тонах», действие которого происходит в 1880 году, известно, что Лестрейд служит в полиции уже 20 лет. Значит, возраст — лет сорок пять. Правда,

имя инспектора у Конан-Дойля не названо, только инициал С. Пускай будет мой тезка — Грегори.

Из сорока двух актеров, сыгравших Лестрейда в экранизациях, для рассказа лучше всего подойдет Фрэнк Финли.

ДЕЙСТВЕННЫЙ
АНАЛИЗ

Эвелина Карловна Щербатова

Молодящаяся блондинка под сорок — для той эпохи критический женский возраст. Остзейская немка несколько фарфоровой наружности. Золотые кудряшки, пухлое лицо, голубые глаза немного навывкате. Внутренний трепет и надлом — типаж «жены

Гуськова» из фильма «Гараж» (Светлана Немольева).

Была выдана замуж за человека, который ее на пятнадцать лет старше. Влюблена в секретаря Храповицкого. Ничего неподобающего пока не произошло, но между ними существует эмоциональное напряжение. В середине рассказа потрясенной смертью мужа Щербатовой вдруг приходит в голову революционная мысль: а не к лучшему ли это? Ведь теперь она свободна!

Михаил Аполлонович Храповицкий (Мишель)

28 лет. Молодой карьерист. Тип Молчалина. Выглядит как Джек Чесни из «Здравствуйте, я ваша тетя» (Олег Шкловский).

Из-за Кушкинского кризиса посланник российской империи барон Стааль временно отозван в Петербург. У Храповицкого, секретаря второго человека в посольстве, возникла надежда, что его шефа назначат послом (такое бывает, когда страна хочет продемонстрировать понижение статуса дипломатических отношений). Поэтому внезапная смерть Щербатова для молодого человека страшный удар.

Нервирует его и поведение мадам Щербатовой. Если раньше ее симпатия, не переходившая за пределы легкого флирта, помогала в карьере, то теперь эта перезрелая немецкая коза Мишелю совершенно ни к чему. По тому, как она себя ведет, Храповицкий догадывается, что последует дальше, и эта перспектива его не соблазняет.

Уайетт Уиллоугби

*В общем, юный принц
Чарльз: не очень
убедительная имитация
солидности*

23 года. Держится надменно, но это от неуверенности в себе. Он служит в министерстве совсем недавно, на скромной должности. Этот младший клерк отправлен на прием вместо начальника специально — чтобы продемонстрировать русским холодность отношений. Однако молодому человеку дано конфиденциальное задание. Он должен устно сообщить Щербатову, что господин директор сохраняет к господину поверенному неизменное сердечное расположение и в этикетном демарше нет ничего личного. В общем, обычные дипломатические танцы, но Уиллоугби проникся важностью поручения.

Трагедия привела его в смятение. Внутренне он находится в совершенном потрясении, но каждую минуту помнит, что он — представитель Великобритании, и очень старается не ударить лицом в грязь.

Трагедия привела его в смятение. Внутренне он находится в совершенном потрясении, но каждую минуту помнит, что он — представитель Великобритании, и очень старается не ударить лицом в грязь.

Дворецкий Хьюз

Все время молчит. Поскольку неуменный Лестрейд сразу исключает его из числа подозреваемых, у читателей Хьюз должен стать подозреваемым номер один.

В его поведении чувствуется некая загадочность. Объясняется она тем, что на самом деле

это сотрудник секретной службы ее величества, шпионящий за посольством. Он отлично знает русский язык, но скрывает это.

За невозмутимой внешностью бешенство. Дело в том, что Хьюз только что осуществил очень ловкую операцию: он сумел-таки прочесть секретную депешу, присланную Щербатову из Петербурга. В телеграмме говорилось, что поверенный должен тайно встретиться с только что назначенным германским послом. Тот привез предложения от Бисмарка, который готов посредничать в разрешении русско-британского кризиса. Хьюз знает, что немец должен приехать в полночь, и приготовился подслушивать. Это для шпиона очень важное событие. Но Щербатов мертв, встреча не состоится, и что задумал Бисмарк останется неизвестным.

А кроме того Хьюз, как и начальник лондонской полиции сэр Эдмунд Хендерсон, подозревает — не сами ли русские убили поверенного, чтобы дать повод к войне.

В общем, дворецкий смотрит в оба.

Это антипод молокососа Уиллоугби: тот преувеличивает свою важность, а Хьюз свою занижает. Он считает настоящим профессионалом сыска себя, а не дурачка из Скотленд-Ярда и тем более не какого-то русского франта.

Внешне это типаж исторического сыщика Путилина: застывшая физиономия с большими бакенбардами, острый взгляд.

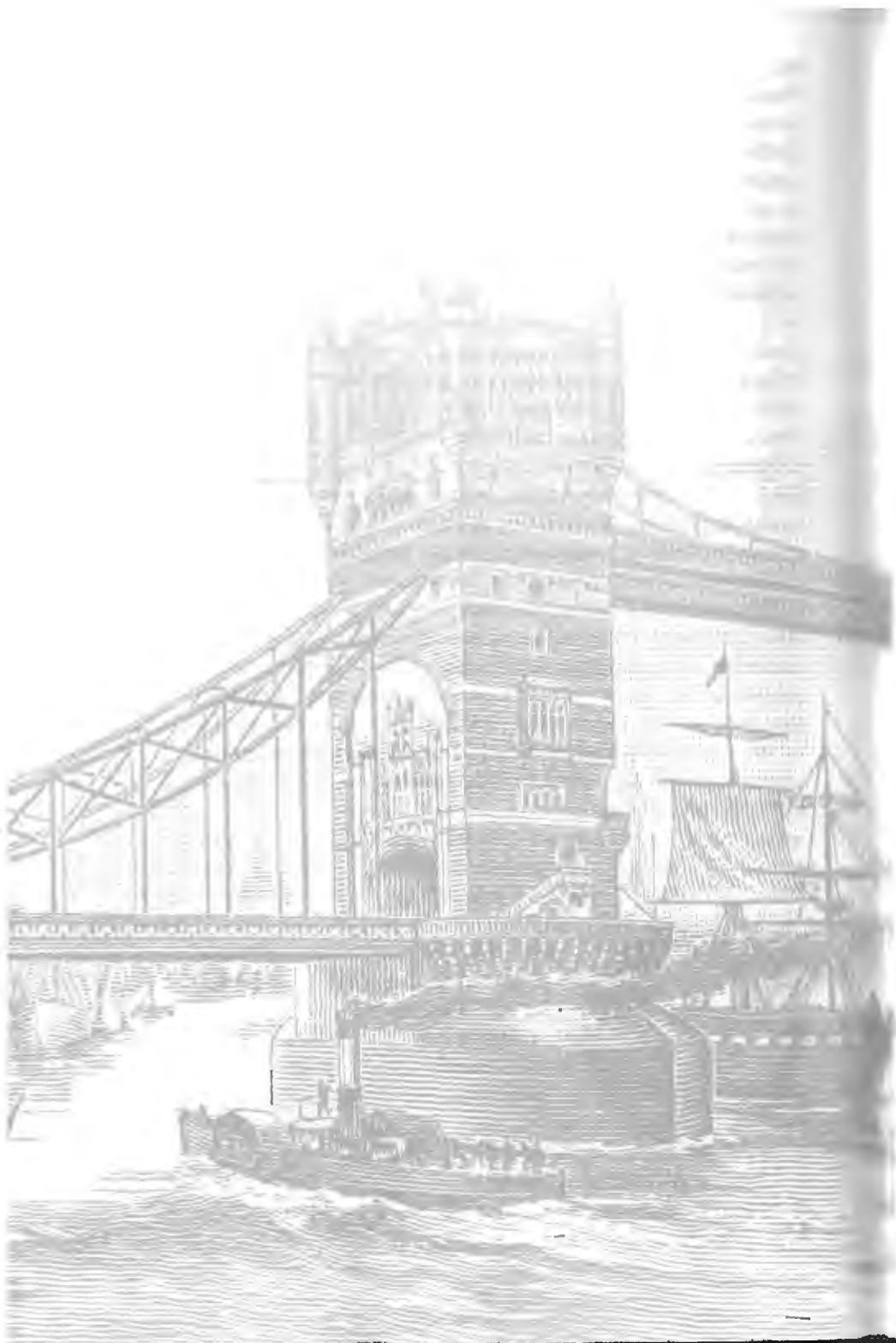
Фандорин

Тут опять экономия на читательском предзнании.

Игра на снижении. Детский анекдот про зайца: «А мог бы наступить». Сорри, Эраст Петрович.

Вот так это обычно при подготовке текста и бывает. Гора рождает мышь.

Урок восьмой

Напугать читателя

Пишем хоррор

Напугать легко ребенка. Лев Толстой как-то подслушал разговор двух маленьких мальчиков. Один страшил другого: «Я пошой гуять. Вдвуг вижу — вовк! Испугався, испугався?»

Напугать человека взрослого намного трудней. Лев Николаевич рассказал эту милую историю, насмешничая над «страшной прозой» Леонида Андреева, который пугает, а не страшно.

Хорошо живет кинематографистам. В их арсенале и душераздирающие звуки, и леденящая музыка, и крупные планы, и визуальные эффекты. А попытайтесь-ка навести ужас на солидного человека при помощи одних только букв алфавита. Особенно на русского человека, скептического и маловпечатлительного. В российской

Лев Толстой пугает детей толщиной романа «Война и мир»

жизни во все времена было столько натуральной жути, что литературными химерами нашего соотечественника на испуг взять ох как непросто.

Вот попробуйте назвать какое-нибудь действительно пугающее произведение русской литературы. Ничего не вспомните кроме милых страшилок Гоголя («Поднимите мне веки!») да вурдалаков Алексея Константиновича Толстого.

Это и понятно. Зачем нам вампиры с привидениями, если можно на ночь почитать «Колымские рассказы»?

Обратите внимание, что в заголовке мне пришлось использовать иностранное слово. А какой у меня был выбор? «Пишем ужастик»? Смешно. «Пишем страшный рассказ?». Скучно. То ли дело «хоррор». Хорошее слово. Страшное, с хрипением.

Зачем нам учиться этому специфическому литературному жанру, спросите вы. Отвечу: мы учимся не жанру, мы учимся пугать читателя. Без этого в литературе никуда. Потому что страх — самая сильная, а стало быть самая продуктивная из человеческих эмоций. Милорад Павич в «Хазарском словаре» дает мудрый совет: двигайся в том направлении, где усиливается твой страх.

Если вы не умеете смешить читателя, это, конечно, нездорово, но и некритично. У Кафки тоже не очень получалось. Однако писатель, не владеющий техникой устрашения, мало на что годен.

Честно признаюсь, что сам я по этой части тоже не мастер. Однажды попытался написать хоррор и остался недоволен результатом. Значит, буду пробовать еще. Поучимся вместе.

Начнем с того, чего делать ни в коем случае не следует.

Самые страшные в реальной жизни события — потеря любимого человека, геноцид и холокост — в качестве темы для хоррора не годятся. Оставим это для надрывной серьезной прозы. Беллетристы пугают понарошку: сильно, но не депрессивно. Чтоб читатель вскрикивал: «Ой страшно! Хочу еще!».

Вот несколько правил и приемов, которые будут вам полезны.

С точки зрения писательской техники, самое главное — не предлагать детально прописанные страшные картинки, а включать механизм читательского воображения.

Не выполняйте всю работу за аудиторию— просто подтолкните ее в нужном направлении. Покажите не всю чудуюду, а кончик ее хвоста. Так будет страшней.

Зомбируйте бедного читателя деликатно. Не выскакивайте из-за угла с криком «БУ!», а подбирайтесь на мягких лапах — вкрадчиво, задушевно. «В черном-черном городе, на черной-черной улице...».

Используйте слова с тревожной или зловещей окраской. Хороши также маленькие, нервирующие происшествия. Герой проснулся оттого, что в стекло с разлета врезалась птица. Или вдруг захохотала старуха, и в черном рту один-единственный желтый зуб. Завыла собака, как по покойнику. В общем, создавайте атмосферу, в которой читатель ждет жути и внутренне сжимается. Самое страшное на свете — сам страх. Не ужас, а ожидание ужаса.

Мой единственный хоррор, повесть «Декоратор», был написан после того, как мне приснился кошмар, в котором не было ничего драматического.

Звонок в дверь. Я открываю. На лестничной клетке не горит свет. И тихий-претихий, даже ласковый голос (лица в сумраке не разглядеть) говорит: «Я пришел, чтобы вас обрадовать». Вот и всё. Я проснулся с бешено бьющимся сердцем и стал придумывать сюжет повести.

Двигаемся дальше.

Больше всего нас пугает непонятное, необъяснимое. Маленький ребенок с холодным, немигающим, недетским взглядом в книге выглядит много страшней, чем свирепый бандит с ножом.

Очень страшно, когда нечто на первый взгляд совершенно неопасное, а напротив чрезвычайно милое, вдруг оказывается чем-то кошмарным. Вы гладите пушистого котенка, а он — бац! — превратился в паука. И ка-ак вопьется ядовитыми зубами вам в руку. (У пауков есть зубы? Неважно).

И еще один фокус, верней фигура высшего пилотажа. Довести градус ужаса до такой степени, что включается защитная реакция — нервный смех. Как в фильме про Индиану Джонса, когда подают в кастрюле супчик, а он оказывается из человеческих глаз.

Поведаю вам одну историю. Мне ее много лет назад рассказал приятель, у которого отец работал в институте судебной психиатрии.

Страшный мир — не то, чем он кажется

Поймали маньяка, убивавшего людей каким-то особенно зверским образом. Проводят психиатрическое обследование. Врач, отец моего знакомого, поражается: абсолютно нормальный, даже приятный мужчина, ни в какие профайлинги (или как это в советские времена называлось) не вписывается. Наконец, отработав методичку, эксперт спрашивает попросту, по-человечески: «Послушайте, я не понимаю. Ну как могли вы, кандидат искусствоведения, председатель профкома, интеллигент в четвертом поколении, совершать такие ужасные вещи? Гражданку Н., например, вы сначала загрызли до смерти, потом долго насиловали мертвое тело, потом накрутили его на мясорубке, наделали котлет и позвали гостей? [Не помню в точности, что этот урод делал со своими жертвами, но что-то абсолютно дикое]. Как, как это возможно?!». «Эх, доктор, — мечтательно ответил объект исследования. — А вы сами попробуйте. За уши не оттащишь!». Чем не Ганнибал Лектер?

Из двух основных поджанров хоррора («мистика» и «маньяки») мы без колебаний берем второй. Нам предстоит пугать взрослых людей, а они чудовищ во плоти боятся больше, чем привидений.

Я думаю, вы уже догадались, с каким фактическим материалом нам предстоит работать.

Наш человек в Уайтчепеле

Про Джека Потрошителя, самого распиаренного маньяка мировой истории, я подробно рассказывать не буду. Обстоятельства этой мрачной эпопеи вам, вероятно, известны.

В кратком изложении канва событий такова.

Осенью 1888 года в лондонском районе Уайтчепел были умерщвлены пять проституток. «Операционный метод» серийного убийцы во всех случаях был одинаков: жертве сначала перерезали горло, а потом неистово кромсали тело, вынимая внутренности и раскладывая их определенным способом. Избавлю вас от анатомических подробностей. Обойдусь милосердно неумелой полицейской зарисовкой с места одного из убийств.

В одном случае дело ограничилось перерезанным горлом, но, вероятно, из-за того, что маньяка спугнули. Полчаса спустя он нашел другую жертву и исполнил свой кошмарный ритуал в полном объеме.

Таинственного убийцу пресса сначала окрестила «Кожаным Фартуком» (кто-то вроде бы видел подозрительного человека в фартуке). Это очень хорошее

прозвище для героя хоррора, будто взятое из детской страшилки, но продержалось оно недолго. Полиция и редакции получали множество писем от шутников, выдававших себя за душегуба (пранкеры-идиоты существовали во все времена) Автор одного из посланий пообещал, что отрежет следующей жертве уши. Когда это действительно случилось, неустановленный отправитель стал основным подозреваемым. Он подписался «Джек Потрошитель». С тех пор уайтчепельского монстра только так и называли.

*Police officers just for jolly wouldnt
you. Keep this letter back till I
do a bit more work. then give
it out straight My knife's d. n. n.
and sharp I want to get to work
right away if I get a chance.
Good luck
yours truly
Jack the Ripper*

Концовка того самого письма

Больше всего современников пугали две вещи. Во-первых, конечно, выставленные напоказ потроха. Отвращение к собственной телесной начинке — одна из самых укорененных человеческих фобий. Мы ужасно боимся собственного тела. Во-вторых, то, что про убийцу было совсем ничего не известно. Бесплотный, лишенный лица ужас сильно действует на воображение.

Ну а потом Джек исчез — так же внезапно, как появился. В течение еще нескольких лет на Потрошителя по инерции пытались свалить разные похожие убийства, но, судя по почерку, их совершили какие-то другие уроды. И самое сильное впечатление на общество произвело то, что уайтчепельский садист остался неразоблаченным.

В разгар истерии, в конце октября 1888 года популярный журнал «Панч» изобразил Потрошителя в виде парящего над землей Хоррора. Вдохновляйтесь этой картинкой, когда возьметесь за рассказ

Версий касательно того, кем был Кожаный Фартук, существует множество. Некоторые появились тогда же, другие позже. Еще и сегодня время от времени нам предлагают какого-нибудь нового кандидата. Существует целый жанр исследований и гипотез, именуемый «рипперологией».

Кого только не прочили в Джеки. Самые экзотические фигуранты — внук королевы Виктории принц Альберт-Виктор, молодой человек рассеянного образа жизни, вскоре умерший, и автор «Алисы в Стране чудес» Льюис Кэррол, джентльмен со странностями. (Этот попал в подозреваемые, потому что всегда писал дневник чернилами красного цвета, а во время уайтчепельских убийств вдруг перешел на черные. Совпадение? Не думаю).

Подозрительный принц и писатель, который на всех *фотографиях* отводит глаза

В основном подозревали людей, которые владели навыками анатомирования: врачей, мясников, живодеров. И, само собой, иностранцев, потому что всегда приятней представить чудовищем чужого.

Мы с вами пойдем тем же путем, да еще сузим зону поиска. Ограничимся только соотечественниками — ведь книга называется «Русский в Англии». В данном случае речь идет об очень нехорошем русском. (Увы, бывают на свете и такие).

Восточный Лондон, к которому относится Уайтчепел, был плебейским районом, где селились нищие иммигранты. Во внушительном списке подозреваемых — там больше ста фигурантов — много выходцев из Российской империи. Фамилии в основном польские или еврейские, но по меньшей мере три человека обозначены как русские. Присмотритесь к ним — может быть, один из них вам подойдет.

В меморандуме сэра Мелвилла Макнахтена, главного констебля Скотленд-ярда, поминается некий Михаил Острог, «сумасшедший русский врач, рецидивист и несомненно маньяк с наклонностями убийцы. Установлено, что он жестоко обходился с женщинами, а также носил с собой хирургические ножи и другие инструменты; его репутация самого скверного свойства, а местонахождение во время уайтчепельских убийств не установлено».

Про Острога известно, что врачом он был самозванным, а промышлял главным образом мошенничеством. Во время описываемых событий ему уже 55 лет. Умер он в сумасшедшем доме. В общем, хороший кандидат, берите.

*Несимпатичный мужчина
М. Острог*

Следующий — настоящий доктор, Александр Педаченко тридцати лет. Про него пишут, что он был психически нездоров, а кроме того вроде бы состоял на службе в Охранке и находился в Англии по ее заданию. Тоже неплохой вариант.

Третий объект — женщина, что вполне возможно, поскольку убитые проститутки сексуальному насилию не подвергались. Звали эту особу Ольга Tchkersoff, швея 24 лет. В Англию она приехала за год до трагических событий с родителями и младшей сестрой. Родители

умерли, сестра занялась проституцией и скончалась от неудачного аборта за месяц до первого убийства. Есть версия, что от вереницы несчастий Ольга тронулась рассудком и начала свирепо истреблять женщин нелегкой судьбы.

У меня в повести «Декоратор» Джеком Потрошителем работает субъект, отчасти похожий на Александра Педаченко. Убийства в Англии прекращаются, потому что маньяк возвращается на родину, и продолжает свою противоправную деятельность уже в России. (На пути социопата оказывается Эраст Фандорин).

Повесть, как я уже говорил, получилась так себе. Поэтому попробую подойти к штанге еще раз, вместе с вами.

Вообще должен вас предупредить, что эта литературная тропа затоптана, будто по ней прошло стадо слонов. Кто только не беллетризировал ужасную сагу о Потрошителе. Первый опус вышел в свет в октябре 1888 года, когда Джек еще не закончил свою кровавую карьеру.

Но предшественники не должны вас смущать. Все их версии не доказаны, а некоторые абсолютно фантастичны. Чем мы с вами хуже?

Обзаведитесь собственным Потрошителем. И пусть он будет страшнее всех прочих.

Задание

Нужно написать хоррор сегмента «маньяк-стори», — если применять профессиональную рыночную терминологию. Выражаясь по-человечески, нужно написать вгоняющее в трепет повествование о злодее, одержимом навязчивыми помыслами.

Дам совет, касающийся не техники, а генератора — того самого, авторского, о котором мы говорили на первом уроке.

Не пытайтесь вычислить, какая разновидность страха сильнее всего подействует на читателей. Пишите о том, чего сами до смерти боитесь. Имитация страха вызывает зевоту — именно поэтому так скучно бывает смотреть фильмы ужасов. Ты чувствуешь, что взрослые, циничные дяди и тети, пугающие тебя вампирами или ожившими мертвецами, сами их совершенно не боятся.

Иное дело — настоящий, неподдельный страх. Он заразен, как коронавирус. Если кто-то рядом очень аппетитно боится чего-то даже несильно страшного, окружающие тоже начинают ежиться.

Помню, у нас в детском саду одна девочка пронзительно визжала при виде ночных мотыльков. (Эта редкая боязнь, как я теперь знаю, называется «лепидоптерофобией»). Чего в них страшного-то, допытывался я. Они *мохнатые и колотятся в стекло*, шепотом ответила девочка, зажмурившись. Шепот был такой страшный, что с этого момента я, помню, тоже стал опасаться безобидных созданий.

Запомните: секрет литературного успеха не в том, что вы шепчете, а в том, как вы это шепчете. Шепчите страшно. Читатель должен почувствовать себя маленькой девочкой. Она в темной комнате, а снаружи в стекло колотится мохнатый маньяк.

В качестве стилистического образца возьмем Оскара Уайльда, современника Джека Потрошителя. Конечно, не Уайльда-комедиографа, а Уайльда, автора одного из самых страшных литературных произведений — про Дориана Грея. Потому что взрослый и умный человек знает, что больше всего на свете нужно бояться самого себя и того, во что ты можешь превратиться, если твоя черная сторона возьмет верх над белой.

В этом романе Уайльд не манерничает, не выписывает стилистических арабесок, а наоборот, мстительно расправляется с эстетизмом.

«Войдя в комнату, они увидели на стене великолепный портрет своего хозяина во всем блеске его дивной молодости и красоты. А на полу с ножом в груди лежал мертвый человек во фраке. Лицо у него было морщинистое, увядшее, отталкивающее. И только по кольцам на руках слуги узнали, кто это».

Впрочем, если вам захочется прицепить на лацкан крашеную ромашку и поупражняться в искусстве циничных парадоксов — пожалуйста.

Лишь бы получилось жутко.

Желтая перчатка

Рассказ

Стены узкой, щелеобразной комнаты были обклеены старыми газетами. Должно быть, у хозяина номеров не хватило денег на обои либо же он передумал тратить, решил, что невзыскательным постояльцам сойдет и так. Глинскому это даже нравилось: обитать среди миллиона слов, утративших всякую ценность. Не такова ли и наша с тобой жизнь, говорил он.

К окну липла ноябрьская мгла, густая и коричневая, как столярный клей. Угольная пыль, носившаяся в воздухе, оседала на стекле причудливыми узорами. Время от времени дождь смывал их, но скоро появлялись новые.

— Смотри. — Глинский показал худым пальцем. — Как будто зрачок. Смотрит на нас снаружи.

Соня обернулась.

— Не выдумывай. Совсем непохоже.

— Это Лондон. Глядит немигающим круглым глазом, как ворон. Ждет, когда я...

Он не договорил, потому что у Сони страдальчески искривилось лицо, и перешел на шуточный тон:

— Знаешь, этот город похож на дурнушку, которая знает про себя, что она безнадежно уродлива, и даже не пытается приукраситься. Наоборот, еще и нарочно носит платья старушечьего цвета. Серые дома, серое небо, серый воздух. Единственный источник света в этом мышином мире — твой прекрасный лик с конопутками. Они как память о солнце.

Соня улыбнулась, довольная, что он перестал хандрить.

— Оставь мой лик в покое. Я отлично знаю, что некрасива.

Она действительно была нехороша: скуласта, курноса, с тускло-рыжими волосами, с ранними, горькими морщинами в углах рта.

— Ах, брось. Красивое лицо, на которое все пялятся, неинтересно. Оно даже пошло, как всё общедоступное. Подлинная красота — та, которая открывается только тебе и больше никому не предназначена. Когда ты смотришь на меня, ты прекраснее всех женщин мира.

По вечерам Глинский становился говорлив, не умолкал ни на минуту. Соня знала: это от страха, что начнется приступ. Больному казалось, что, если не молчать, kloчущий в горле кашель отступит. Но всегда заканчивалось одним и тем же.

— Я знаю, что лондонская серость объясняется очень просто. Здесь топят углем, из-за этого воздух пропитывается сажей, — перешел на другое Глинский. — Но как же тут копотно. Нечем дышать... А у нас топят дровами. Как я люблю этот запах! Идешь по Замоскворечью, отовсюду тянет дымком. Я умел различать: вот сосновые дрова, вот еловые, а это тополь. В ноябре у нас уже бывает снег. Ранняя зима — лучшее время года. Всё делается белым, чистым, нарядным.

— И по утрам в сугробах находят замерзших пьяниц, — сказала Соня. Ее нервировало, когда Глинский ностальгировал по родине.

— Снег облагораживает даже мертвых пьяниц. На первом курсе я подрабатывал в факультетской анатомичке. Один раз мы забирали с улицы бродягу, его зарезали около пивной. Помню: алое на белом и строгое, посверкивающее инеем лицо. А здесь смерть безобразна. Ты читала, что сделал Джек Потрошитель со своей последней жертвой? Кишки вывалены в грязную лужу, печень наполовину...

— Ради бога! — перебила она, бледнея. — Я ведь тебя просила!

Глинский не первый раз пытался заговорить с ней об ужасных преступлениях, волновавших весь Лондон, тем более что убийства происходили рядом, на ближних улицах, но Соня была впечатлительна и таких бесед пугалась.

— Эх ты, — засмеялся он. — А еще хочешь стать медиком.

Смеяться ему не следовало. Щекотка поползла из бронхов вверх, раздула горло и выплеснулась хрипом, квохтаньем, судорогами. Чахоточный вскинулся на кровати, согнулся пополам, затрясся.

— Ми... ми... — лепетал он.

Соня уже подавала миску. В нее толчками полилась кровь. По лицу молодой женщины таким же неостановимым потоком заструились слезы.

Еще оставалась надежда, что приступ будет недолгим. Иногда такое случалось.

Но нет, кашель становился всё хуже.

— Да...вай, давай! — замахал Глинский.

Она кинулась к столу. Там были разложены медицинские инструменты, стояли склянки с лекарствами, скалила зубы гипсовая голова — стоматологический муляж. В России Соня посещала курсы акушеров, это была единственная медицинская специальность, доступная женщинам, но ей хотелось стать настоящим врачом. До переезда в Англию, в Швейцарию, она училась на дантиста и даже начала проходить курс челюстной хирургии.

Соня наполняла шприц. Руки у нее дрожали, игла колотилась о стекло.

— Дура, чертова дура, размазня, — ругала она себя.

Уронила шприц. Испугалась, что он разбился, а когда увидела, что цел — разревелась от облегчения.

— Прости меня, прости, — бормотала она, идя к кровати. —... Это я во всем виновата. Я привезла тебя сюда на погибель... — Ударила себя по губам. — Боже, что я говорю!

Она действительно дважды уговорила его уехать. Сначала из России, где оба состояли в подпольном кружке. Но полиция забирала всех подряд, надежды на свободу не было, и Соня слезами, мольбами, ложью — выдумала, что беременна, — увезла Глинского в Швейцарию, прочь от каторги и Сибири. Однако и в Цюрихе не было покоя. Много политэмигрантов. Вечные разговоры о России, о том, чтоб нелегально вернуться и начать всё заново.

Увозя любимого в Англию, Соня думала, что спасает его. Но из-за скверного климата и гнилого лондонского воздуха

у Глинского обострился легочный процесс, и обоим стало не до учебы. Переезд был ужасной ошибкой. А возвращаться в Цюрих не на что. Все деньги ушли на лечение.

От приступов кашля сначала помогал кодеин, он был довольно дешев. Но пришлось перейти на морфий. Через некоторое время — на полуторную дозу. Потом на двойную.

У Сони была хорошая, легкая рука, когда она колола чужих, но она панически боялась причинить Глинскому даже маленькую боль, и в первый раз никак не могла попасть в вену. С тех пор он впрыскивал себе морфий сам.

Кашель остановился почти сразу, плевритические боли прекратились, пульс успокоился. Соня положила на грудь больному мешочек с колотым льдом.

— Хорошо... Хорошо... — бормотал чахоточный, прикрыв глаза.

Она гладила его по лбу, шептала:

— Коленька, милый, всё устроится. Я добуду денег. Мы вернемся в Цюрих. Там, на берегу озера, на свежем горном воздухе ты поправишься. Я так люблю тебя! Я всё для тебя сделаю!

— Я тоже тебя люблю, — сказал он, слабо улыбнувшись.

О любви много говорила Соня, Глинский нежные слова произносил редко. Он был человек сдержанный, насмешливого склада.

— Мужчины не умеют любить так, как женщины, — прошептала глубоко тронутая Соня. — Пока я жива, я всегда буду рядом. И я не позволю случиться ничему плохому. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Если понадобится, я выйду с ножом на большую дорогу, но я вытащу тебя из этой дыры.

Он засмеялся, представив хрупкую Соню с ножом на большой дороге. Так, с улыбкой на бледных губах и уснул.

Молодая женщина сидела рядом неподвижно, чтобы не потревожить его сон. Так продолжалось час, два, три. Соня не шевелилась. Ей не надоедало просто сидеть и смотреть.

Но когда дрянные стенные часы вяло тренькнули полночь, Соня тихо поднялась, накинула плащ с пелериной, повязала платок, натянула перчатки линялого желтого цвета, взяла что-то со стола и вышла.

Глинский проснулся от скрипа двери. Двойная доза наркотика становилась уже недостаточной. Сон был некрепким.

— Ты где? Дай, пожалуйста, воды.

Ответа не было.

Он приподнялся, прислушался. К комнате примыкал умывальный чуланчик, но там было тихо.

Больной спустил ноги на пол, поднялся. Его качнуло. Вокруг всё подплывало. Зрение вело себя причудливо: какие-то детали будто затушевывало и затемняло, другие наоборот подсвечивало и увеличивало. Паучок, дремавший на своей паутине в углу под потолком вдруг показался Николаю огромным чудищем с яростно горящими глазами.

— Спокойно, — сказал Глинский сам себе. — Это морфий. Соня, да где же ты?

Он заметил, что на вешалке нет ее верхней одежды, и встревожился. Куда могла она уйти глухой ночью? На улицу, по которой, может быть, разгуливает Потрошитель?

Наверное, вышла наружу покурить. Она отказалась от папирос два с лишним месяца назад, когда у него обострилась болезнь, — чтоб не провоцировать кашель и еще ради экономии. Все же тайком от меня курит, подумал он и рассердился. Какое легкомыслие! А если по роковой случайности мимо будет проходить кровожадный монстр? Лучше бы курила в комнате!

Глинский торопливо оделся. Мысль об опасности взволновала его. Он представил, как из темноты выскакивает некто яростный, ощеренный, с ножом в руке. На всякий случай мне тоже нужно вооружиться, подумал Николай. Он хотел взять один из двух скальпелей, всегда лежавших на столе, и внезапно увидел, что самого большого, резекционного на месте нет.

Что-то здесь было не так.

Обеспокоенный уже не на шутку, Глинский схватил второй скальпель, серповидный, и быстро вышел.

* * *

Номера находились в маленьком, темном проулке, носившем радужное название Хоуп-стрит, улица Надежды. «Имеется в виду:

оставь надежду всяк сюда входящий», — мрачно пошутил Глинский, когда они с Соней были вынуждены переселиться сюда с прежней квартиры, которая стала им не по карману.

Не зная, в какую сторону идти, Николай посмотрел налево (там чернела неосвещенная, мрачная Финч-стрит) и повернул направо, где по крайней мере мерцал свет, но замер на месте, пораженный невероятной картиной. По мокрой булыжной мостовой неслась кошка, а за нею гналась гигантская крыса, каких не бывает в природе — вдвое больше кошки. Глинский вжался в стену, не веря своим глазам. И правильно сделал, что не поверил. Пронесшаяся мимо кошка превратилась в крысу, догонявшая крыса — в кошку. Фокусы морфия.

Николай яростно потерял веки, но на свет фонаря идти передумал, двинулся налево, в темноту.

На углу Брик-лейн, под газовым фонарем, в голубоватом помигивающем сиянии стояла женщина в шляпке с облезлым пером.

— Кавалер, угости огоньком, — сказал сиплый голос.

Обычная уайтчепельская шлюха. Мятая, испитая, старая. «Фонарные» все такие. Соня рассказывала — узнала от соседки-проститутки, — что здешние жрицы любви делятся на две категории. «Фонарные» и «пабные». Первые — самого низкого пошиба. Они исполняют свою работу по подворотням, в кустах, где придется. Берут по три пенса. «Пабные» разрядом повыше: могут заплатить за кружку пива в пабе и имеют собственный угол, куда отводят мужчин. Берут по шесть пенсов. За ночь пропускают по три клиента.

— Я не курю, — ответил Глинский на своем неважном английском. И спросил: — Вы не видели молодую женщину в черном плаще с пелериной? У нее на голове не шляпка, а такой платок с большими цветами.

Платок Соня привезла из России. Он был темно-синий с красными маками.

— Опоздал, — осклабилась шлюха. — Сняли уже твою подружку. Солидный клиент, не тебе чета. Видный такой мужчина. В цилиндре. Повел ее пялить. — Она сделала похабный жест. — Пойдем лучше со мной. Не пожалеешь.

Глинский разозлился на мерзкую бабу за наглое вранье. Захотелось сказать ей гадость.

— Стоишь тут одна. Джека не боишься?

— А у меня для него вот! — В руке проститутки вместо мундштука с пахитосой сверкнула раскрытая бритва. — Может, это ты Джек? Ну-ка сунься!

Лезвие махнуло у Глинского перед самым носом, ослепило блеском. Глаза у женщины были совершенно безумные. Полоснет — не задумается.

Николай шарахнулся от нее, бросился бежать, провожаемый хриплым хохотом. Когда обернулся, шлюха спокойно стояла под фонарем и в руке у нее была никакая не бритва, а мундштук.

Очень возможно, что и эта дикая сцена пригрезилась.

Глинский долго бродил по улицам, спрашивая редких прохожих про молодую женщину в платке. Кто-то отвечал, что не видел, кто-то отворачивался.

Смертельно уставший, с трудом удерживаясь на ногах, больной оперся о мокрую стену.

Вдруг послышался странный шелестящий звук. Николай задрожал. По тротуару извивалась длинная, серебристая змея. Она медленно выползала из-за угла, до которого было не больше шага.

Будто вытолкнутый пружиной, Глинский отскочил, в ужасе оборотился. За углом стоял матрос в шапке с помпоном и шумно мочился. Змея оказалась растекающейся лужей.

— Чего уставился, извращенец? — пророкотал матрос, с трудом ворочая языком. — Счас долью — настучу по харе.

Снова пришлось бежать. Откуда только хватило сил...

Что делает Соня в этом сумасшедшем бестиарии? Ночью, одна? Где она?

На маленькой площади, от которой расходилось несколько улиц, блестел шлем полицейского.

— Извините, — кинулся к нему Николай. — Вы не видели молодую женщину в синем платке с цветами?

Констебль подозрительно посмотрел на трясущееся лицо, на растрепанные волосы.

Это место сегодня

Сказал:

— А ну-ка, руки в стороны. Выше, на уровне плеч!

Стал обшаривать.

Глинский обмер.

Сейчас найдет в кармане скальпель и вообразит, что перед ним Потрошитель...

Нет, слава богу, не нащупал. Скальпель был узкий, короткий, меньше ножа.

— Видал полчаса назад какую-то, — проворчал полисмен, удовлетворенный обыском. — В черном плаще с этой, как ее, пелериной.

— Да, это она, она! — закричал Глинский. — Куда она пошла?

— Она тебе кто?

— Жена.

Не объяснять же служивому английскому человеку, что русские люди современных взглядов живут вместе не по благословлению попа, а по любви.

— Тогда сочувствую, — ухмыльнулся полицейский. — С нею был высокий джентльмен в цилиндре. Вон туда ее повел.

И показал на чернеющий зев дальней подворотни.

Не поверить было нельзя. Про спутника в цилиндре говорил уже второй человек, опять же пелерина...

Ничего не понимая, Николай двинулся в указанном направлении.

За подворотней находился глухой двор. С одной стороны — низенькое строение со слепыми, заложенными кирпичом окнами и какой-то вывеской. Глинский с трудом разобрал буквы. Содрогнулся: «Морг». С другой стороны, кажется, жили люди. Во всяком случае в единственном еле светившемся окне виднелась обычная домашняя занавеска. На этот тускло-желтый прямоугольник Николай и уставился. Соня могла быть только там. Но что, что она там делает? Кто этот «видный» в цилиндре?

Заглянуть бы через стекло. Но окно на втором этаже. Постучать в дверь? А что если всё это происки морфия? Вдруг полисмен сказал что-то совсем другое, а про цилиндр нашептала слуховая галлюцинация. Иногда, пробуждаясь ночью после укола, Глинский явственно видел перед собой такие картины и слышал такие звуки, которые никак не могли быть реальностью.

Он долго топтался во дворике. То, преисполнившись решимости, делал несколько шагов вперед, то пятился назад. От помойки несло отбросами, из морга тянуло хлоркой.

Глинский начинал задыхаться. Ему казалось, что двор давит его, что стены — одна жуткая, слепая, другая с единственным злобещим глазом — сдвигаются и капкан вот-вот захлопнется.

Это кошмарный сон, вдруг подумал он. Ну конечно. Ничего этого нет. Я лежу в кровати, а рядом, как всегда, сидит Соня и смотрит на меня или дремлет в кресле. Нужно проснуться.

Он резко тряхнул головой и больно ударился затылком о каменный угол.

Кошмар — если это был кошмар — не прекратился.

Чувствуя, что больше не может оставаться в этом ужасном месте, Глинский вернулся на улицу. Там по крайней мере было не так темно. Наискось, шагах в двадцати, над входом скобяной лавки горел фонарь. Под ним было крылечко со ступеньками. Обессилевший Николай сел на одну из них, подпер голову

руками. Он ни о чем не думал, просто пытался справиться с головокружением. Вот оно прошло, но на смену накатило странное оцепенение. Глинский не спал, но и не бодрствовал.

Время вновь задвигалось, когда в подворотне раздался гулкий стук шагов. Полуобморочная одурь отступила. Николай встрепенулся.

Из черной дыры вышли двое. Соня и долговязый мужчина в цилиндре, который делал его еще выше. Они остановились, о чем-то тихо переговариваясь. Незнакомец что-то протянул. Соня подставила ладонь. Донесся тихий звон.

Это были монеты!

Глинский зажмурился. Она... она продает себя?! Его Соня?! Чистая, нежная, любящая, преданная Соня?! Этого не может быть!

«Ничего другого не может быть, — сказал трезвый, беспощадный голос. — Откуда, по-твоему, берутся деньги на еду и на морфий? Почему ты никогда не спрашивал ее об этом? Не хотел знать? Она делает это именно потому, что она любящая и преданная. Вспомни другую Соню, Мармеладову».

«Я не спрашивал, откуда деньги, потому что я весь сосредоточен на чахотке, на вечном страхе кашля», — пробовал оправдаться Глинский. Но никакого оправдания тут быть не могло. Он выходил подлецом, жалким слизняком, а Соня... Как, как она могла так его унижить!

В ярости он снова открыл глаза. На улице было пусто. Растерянный, Глинский вскочил, но никого не было и поодаль — ни Сони, ни долговязого. Может быть, снова галлюцинация?

В любом случае нужно было попасть домой прежде Сони. В нынешнем своем состоянии он не сможет с нею объясниться, даже посмотреть в глаза.

Грязными переулками, темными проходными дворами, так хорошо изученными за время жизни в проклятом Уайтчепеле, Глинский бежал назад, на улицу Надежды.

Через пять минут после того, как, скинув одежду, он лег в кровать и с головой накрылся одеялом, послышался скрип двери. Соня вернулась.

Он слышал, как она приближается к кровати. Постояла, поправила одеяло.

Николай смотрел в стену. Зубы его были крепко стиснуты. Он был уверен, что до рассвета не сомкнет глаз. Но уснул и спал очень крепко, без сновидений. А когда очнулся, было позднее утро, в окно лился всегдашний серый свет, и тихонько напевала Соня.

— Наконец пробудился, — весело сказала она, увидев, что лежащий зашевелился. — Я уж четверть часа распеваю ему про утро туманное. Марш умываться. Смотри, что я принесла с рынка: свежий хлеб, колбасу, яйца. И у нас есть чай, сейчас заварю.

— Откуда деньги? — спросил он, глядя исподлобья.

— Это уж мое дело. Твое дело — выздоравливать, — весело ответила Соня. — «Полно, князь, душа моя, не печалься; рада службу оказать тебе я в дружбу». Вставай, вставай!

Лицо у нее было бледное и усталое, но довольное.

«Господи, я ее совсем не знаю, — подумалось Глинскому. — Ее *настоящую* — нет, не знаю. Я всегда сконцентрирован только на себе».

— Не надо, я сам, — отстранился он, когда она хотела помочь ему подняться.

Ее милое веснушчатое лицо было совсем близко. Николай посмотрел в ясные, любящие глаза и вдруг с абсолютной уверенностью понял: всё, что он видел ночью, — наваждение, дурной сон. Он знает свою Соню. Она так проста и прозрачна, что просто не способна на тайную жизнь.

— Переваришь яйца, как в прошлый раз — гляди у меня, — строго сказал он, слегка щелкнул ее по вздернутому носу и пошел умываться.

Бред, всё бред.

* * *

Приподнятое состояние, впрочем, продержалось недолго. Чахоточные больные подвержены частой смене настроений, а скверные мысли подобны комарам — сколько их ни отгоняй, прилетают обратно. Прихлопнешь одного, вместо него тут же начинается нудеть другой.

Глинский вдруг вспомнил, что Соня каждый день клюет носом и часто засыпает над книгой. Он дразнил ее за это «Соней-засоней». А как может быть иначе, если по ночам она... «Этого — не может — быть!» — прихлопывал он комара. Но появлялся следующий. «Деньги-деньги-деньги», — пищал он.

Весь день Глинский был молчалив, а к вечеру сделался мрачен. Соня забеспокоилась, не стало ли ему хуже.

— Поговори со мной, — стала она просить, когда стемнело. — Больше всего на свете я люблю слушать, как ты рассуждаешь вслух. Мне нужно записывать твои остроумные парадоксы.

— Изволь, вот тебе еще один, — сказал он, язвительно улыбаясь. — Прекрасного и высокопохвального тоже должно быть в меру. Переизбыток красоты превращается в уродство, переизбыток самоотверженности — в унижение, переизбыток любви — в безумие.

— У меня не так, — серьезно ответила Соня. — Когда я люблю, я не отмеряю, хватит или добавить еще. Знаешь, если на одной чаше весов будет весь мир, а на другой — ты, я не стану колебаться ни секунды. А если, чтобы спасти тебя, понадобится сделать что-то ужасное — не знаю, изрезать на куски ребенка — я погублю свою душу, но сделаю то, что нужно.

Николай опустил глаза. В этот миг он принял решение, от которого ему стало страшно. Но он знал, что оно верное, единственно возможное.

Поздно вечером, когда начался приступ, Глинский ввел себе только половину шприца, чтобы подавить кашель, но не провалиться в сон и главное — ослабить галлюцинаторное действие наркотика.

Лежа в кровати с закрытыми глазами и изображая ровное сонное дыхание, он надеялся, что ничего не произойдет, что Соня останется дома. Вдруг все-таки события прошлой ночи привиделись?

Но в полночь Соня тихо поднялась и стала собираться. Сквозь приоткрытые веки он видел, как она надевает плащ, повязывает платок, натягивает свои желтые лайковые перчатки.

Звякнул металл — это она вооружилась скальпелем против ночного маньяка.

«Она идет на это ради тебя, мерзавец, — сказал безжалостный голос. — Тебе нет прощения».

У Николая ответ был наготове. «Она *делает* меня мерзавцем, и за это нет прощения *ей*».

Дрожа от бешенства и унижения, он шел следом за маленькой, быстро идущей фигурой, держась темной стороны улицы и отстав шагов на тридцать.

План был таков. Дождаться, когда Соня найдет клиента, и предстать перед ней. Не нужно никаких слов. Просто молча посмотреть ей в глаза. Она, конечно, начнет что-то лепетать, оправдываться. Тогда вынуть из кармана скальпель и рассечь себе *carotis communis*. Глубокий скользящий разрез ниже кадыка слева направо — очень просто. Через минуту всё исчезнет. Дальнейшее — молчанье.

Из горла вырвалось глухое рыдание, оборванное судорожным кашлем. Зажав себе рот, Глинский стал давиться, меж пальцев потекла кровь. Предвидя, что приступ может возобновиться, Николай взял с собой шприц, в котором оставалась половина дозы. В темноте он попал в вену с третьего или четвертого раза и потом еще несколько минут ждал, когда наркотик подействует.

Плохо, очень плохо. За это время Соня, конечно, исчезла, растворилась в лабиринте уайтчепельских улиц и переулков. А кроме того морфий, поделенный на две порции, дает усиленный галлюцинаторный эффект.

Глинский заворуженно уставился на вывеску мясника. Буквы там были живые. Они шевелились, будто жирные черви, меняли цвет. Сделались из черных красными и стали обтекать, засочились каплями крови.

Выругавшись, Николай чиркнул себя скальпелем по запястью. Боль отогнала химеру.

Где теперь искать Соню? Мысль о том, что он не найдет ее и придется еще целый день терзаться сомнениями, казалась невыносимой.

Глинский прошел вдоль пабов Брик-лейн, разглядывая через стекло боковые столики, где сидели над нетронутым пивом

проститутки, ждали клиентов. Прошел по Фэшн-стрит — там под фонарями стояли дешевые шлюхи. Они окликали его, хватали за рукав. Размалеванные хари были совершенно неправдоподобны. Некоторые, должно быть, ему мерещились. Не может быть у живой женщины дыра вместо носа. Или может?

Сони нигде не было. Вот уже и тротуары опустели. Торговки телом нашли себе клиентов или разбрелись по своим трущобам, а Глинский всё бродил кругами, уже не надеясь, что его поиски увенчаются успехом. «Успехом?» — повторил он вслух, хрипло рассмеялся и тут увидел на земле желтую перчатку. Поднял. Заколотилось сердце. Перчатка была Сониная, зашитая на большом пальце.

Внезапно перед глазами возникла картина. Он вспомнил, как увидал Соню впервые.

Это было в Москве, на благотворительном вечере в пользу ссыльных. Нежное сопрано пело «Лучину», вошла опоздавшая девушка. Она была с коротко стриженными рыжими волосами, некрасивая, но такая живая, яркая, юная. Стягивала с маленьких рук ярко-желтые перчатки и быстро оглядывала зал. Встретилась глазами с Николаем, улыбнулась. Господи, какая она была светлая — в самом деле, будто солнечный лучик.

До чего ты дошла, Соня... До чего я тебя довел...

Он огляделся. Кажется, это Дорсет-стрит. Совсем близко, за поворотом, жуткий вчерашний двор, где морг.

А что здесь? Тоже подворотня. И тоже двор.

Он вошел, увидел ряд дверей. Типичный «крольчатник», где работают шестипенсовые шлюхи. За каждой дверью кровать, столик с лампой.

Опять, как вчера, светилось только одно окно, но на первом этаже. Значит, можно заглянуть.

Глинский прильнул к стеклу, заранее страхась того, что там увидит.

Он был готов к потрясению, но не к такому.

На кровати кто-то лежал. Вернее что-то, потому что на человека это было не похоже. Вместо лица красное месиво. Рот огромен, потому что разрезан от уха до уха. На груди и плече какая-то темная куча. Куски плоти, внутренности, ухо.

Окно на Дорсет-стрит, в которое заглянул Николай

Трясущейся рукой Николай снова вытащил скальпель и пырнул себя в ладонь, чтоб избавиться от кошмарного наваждения, но оно никуда не делось.

На кровати лежала убитая, зверски искромсанная женщина.

— Соня! — закричал Глинский, но в следующее мгновение увидел свисающую безжизненную руку. Она была большая и грубая, с обкусанными ногтями, совсем не похожая на маленькие Сонины ручки.

Здесь был Джек Потрошитель, сказал себе Глинский. Это его очередная жертва. Ужасно, но будет еще ужасней, если меня тут увидят. Поволокут в полицию, а то и разорвут на части. Опять же скальпель, окровавленный.

Он побежал прочь. Высунулся из подворотни — нет ли кого-нибудь. Пусто. Быстрым шагом, но не бегом, чтобы не вызвать подозрений, поспешил домой.

В комнате рухнул на кровать, сжался, забормотал: «Бесконечны, безобразны, в мутной месяца игре закружились бесы разны, будто листья в ноябре...».

Вскоре щелкнул замок. Вернулась Соня. Он снова стал думать о ней. Происходившее с ними обоими было страшной кровавых безумств Потрошителя.

Ушла в чуланчик. Звук воды из рукомойника.

Глинский быстро поднялся, подошел к столу. Увидел пригоршню монет. Пересчитал. Восемнадцать пенсов. Покрился: ого, барышня славно потрудилась, пропустила через себя целых трех клиентов. Любимому Коленьке на колбаску и морфий. Вот и доказательство, не считая желтой перчатки. Больше ничего не потребуется.

Рядом лежал еще какой-то замшевый мешочек. Николай его никогда раньше не видел.

Пощупал — пустой. Нет, кажется, около складки что-то есть. Вынул, поднес к глазам и задрожал.

Человеческий зуб, первый моляр, с присохшим к корню комочком плоти.

Вспомнился разинутый рот несчастной шлюхи с Дорсет-стрит.

Страшное место на карте

Глинского замутило.

Но мысль работала быстро и ясно.

Никаких трех клиентов Соня через себя не пропускала. На это у нее не было времени. Она забрала деньги у проститутки, убив ее и изуродовав тело, чтобы все подумали на Джека Потрошителя. А поскольку маньяк всегда утаскивает с собой какую-нибудь часть тела, выдрала зуб.

Как она давеча сказала: «Если понадобится изрезать на куски ребенка»? Это была не фигура речи.

Следующая мысль была еще ужасней.

Что если никакого Джека Потрошителя вообще не существует? Первое убийство произошло вскоре после того, как были потрачены последние деньги, а обычной дозы морфия стало не хватать.

Он покачнулся.

Но зачем уродовать трупы?

Сразу ответил, вспомнив одержимость, с которой Соня всегда говорила о своей любви. О, теперь он понимал ее, всю, до доньшка! Если уж убивать, то с отвращением к себе: пусть я буду омерзительное чудовище, пусть. И чем я буду омерзительней, тем лучше.

Когда любви так много, она превращает ангела в дьявола. В чудовище любви.

Постой, одернул себя Глинский. А вчерашний человек в цилиндре? Что это было?

И опять не затруднился с ответом.

Пресловутый Джек убил всего пять женщин, а деньги на еду и морфий откуда-то берутся уже третий месяц. Соня совмещает торговлю телом с убийствами. Если не удалось встретить хорошего клиента, убивает и грабит проститутку, закончившую работу.

— Во всем виноват я и только я, — тихо сказал себе Николай. — Это я превратил ангела любви в чудовище любви. Как там у Гоголя? «Я тебя породил, я тебя и убью»?

Больше он ни о чем не раздумывал. Хватит. Настало время действовать.

Взял резекционный скальпель, оставленный Соней на столе. На лезвии виднелись следы мясницкой работы.

Тихо открыл дверь чуланчика, чтобы Соня не обернулась и не испугалась. Пусть смерть будет милосердной, без страха.

Обнаженная по пояс молодая женщина вытирала волосы полотенцем. Узкая спина, которую Глинский столько раз целовал, была беззащитной.

Желая только одного — быстрее исполнить необходимое, он с размаху вонзил острие в ложбинку под нежным, в рыжих завитках затылком. От проникающего удара между первым и вторым позвонками смерть должна быть мгновенной.

Раздался короткий звук — даже не стон, а выдох. Оставив скальпель в ране, Глинский выскочил обратно в комнату и захлопнул дверь. Как падает тело, он не увидел, лишь услышал.

— Вот и всё. Что дальше? — громко спросил. — Убить себя, конечно. Больше ничего не остается.

Нет, подумал он в следующий миг. Нужно выполнить долг перед обществом. Люди имеют право знать, что Джека Потрошителя, которого они так боятся, больше нет. Новых жертв не будет. Пусть Лондон избавится от ужаса.

В висках ужасно стучало, будто кто-то колотил кулаком в дверь.

Глинский не сразу понял, что в дверь действительно стучат.

— Кто там? — спросил он, подозревая, что это снова галлюцинация.

— Миссис Глински дома? — раздался мужской голос.

Кто-то стоял в неосвещенном коридоре. Высокий, в цилиндре.

— Она спит, — сказал Николай, выходя и прикрывая за собой дверь. Он не мог решить, видение это или нет.

— Ну так разбудите ее! — сердито потребовал пожилой, наспушенный господин. — Я знаю, вы ее муж. У вас чахотка.

— Зачем она вам? Кто вы? — мучительно щурясь спросил Николай. Кажется, человек был настоящий.

— Я доктор Баркли.

— Доктор?

— Не совсем доктор. Протезист. Жена не рассказывала вам про меня? Ну разумеется, дело незаконное, а она вас от всего оберегает. Мы по ночам выдираем у покойников зубы в морге. Я потом использую их для протезов. У вашей жены отличные руки, однако я и плачу неплохо. По пенсу за хороший зуб. Но сегодня она меня обсчитала! Сказала, что зубов восемнадцать, и я дал восемнадцать пенсов. А дома пересчитал — семнадцать. Так не пойдет. Пусть вернет один пенс! ...Э, сэр, да что с вами? Почему вы зажмурились? Вам нехорошо?

Комментарий

У каждого свои любимые страхи. У меня два. Во-первых, — фобофобия, то есть боязнь обзавестись какой-нибудь фобией. Страх испытать страх. Это мотиватор сильный, но в литературном отношении непродуктивный. Кто подавляет страхи, подавляет воображение, а куда ж без него в творческой работе?

Поэтому я взял страх номер два, которому посвящена, наверное, половина моих беллетристических сочинений.

На вкус и цвет товарища нет, но с моей точки зрения нет ничего более жуткого, чем обмануться в том, кого любишь и кому полностью доверяешь.

Самурай думал, что подруга жизни будет делить с ним радость и горе, пока они не обретут успокоение на Острове Небесных Сетей, а это оказалась лисица, существо из иного, враждебного мира. Когда на любимом лице вместо нежной улыбки вдруг появляется звериный оскал — это кошмарный кошмар.

И совсем уж ужасно заподозрить любимого человека в том, что он оборотень, воткнуть осиновый кол — и потом понять, что ошибся. Вот где хоррор из хорроров.

О том, собственно, и мой ужастик.

Урок девятый

Метафизика

Отрыв от реальности

Самая лучшая проза, даже если она описывает абсолютно реальную жизнь, должна нести в себе обещание отрыва от земли, взлета в какое-то иное пространство, где не действует закон земного тяготения. Это не курица, у которой есть крылья, но она не летает, а скорее лягушка, способная подпрыгнуть на высоту, в 50 раз превышающую размер ее тельца, — и даже лягушка-путешественница, могущая улететь туда, где нас нет.

Этим ощущением, что жизнь *интереснее, больше и значительней*, чем видится нашему зрению, что на свете есть вещи, недоступные нашим мудрецам, пронизана русская классика — должно быть, из-за того, что условия существования здесь всегда были тяжелы, а часто и унижительны. Придавленные к земле герои все время тоскуют, что не летают, как птицы, и хлопают своими воображаемыми крыльями, и ломают их — это один из основных сюжетов отечественной литературы.

Щемящая тоска по чуду, по волшебству, по *чему-то иному* наполняет душу героев Достоевского, Чехова, Лескова — да хоть бы даже и великого пролетарского писателя Максима Горького или авторов советской «деревенской прозы». Персонажи, лишенные этого внутреннего голода, обычно несимпатичны, а то и опасны.

Для того чтобы читатель уловил в вашем тексте эту тягу и ею зарядился, вам необходимо владеть не только физическими, но и метафизическими инструментами письма, если трактовать метафизику по Шопенгауэру — как «знание, которое выходит за пределы возможного опыта, то есть за пределы природы». Писатель и должен знать больше, чем природа, иначе зачем он вообще нужен?

Совершенно не имеет значения, в каком жанре вы намерены писать. Хотя производственный роман или повесть о бандитах. Без отрыва от земли, без левитации, пусть невидимой, у вас ничего интересного не выйдет. В какие-то моменты у читателя должно перехватывать дыхание от чувства, для которого у нас нет дефиниции, но без которого всё лишено смысла. Ближе всего к описанию этого чувства приближается поэзия:

И вот теперь, когда я умер
И превратился в вещество,
Никто — ни Кьеркегор, ни Бубер —
Не объяснит мне, для чего,
С какой — не растолкуют — стати,
И то сказать, с какой-то
Я жил и в собственной кровати
Садился вдруг во тьме ночной...

(Сергей Гандлевский)

Ну вот смотрите.

У Булгакова в «Белой гвардии», в отличие от «Мастера и Маргариты», нет никакой мистики, описываются реальные исторические события, происходящие в декабре 1918 года в Киеве, но иногда со страниц вдруг веет ароматом иного, непостижимого мира. Именно это и делает роман таким волшебным. Лишь в одном крошечном эпизоде, при описании сновидения, в повествование вдруг вплетается метафизика: «Какого Перекопу? — тщетно напрягая свой бедный земной ум, спросил Турбин». И у нас на миг возникает подозрение, что так называемая реальность — сама сон, увиденный во сне.

Я об этом.

Про земноводную женщину и крылатого мужчину

Идеальный материал для рассказа на такую тему — история отношений русской фамм-фаталь Марии Будберг и писателя-фантаста Герберта Уэллса. Потому что женщина ступала по земле твердо, в воде не тонула и в огне не сгорала, а мужчина всю жизнь провитал в облаках. Это был очень странный союз саламандры и бабочки.

Притом внешне оба производили прямо противоположное впечатление: эфемерная дама с флером романтической таинственности и солидный, уверенный в себе пожилой джентльмен.

А впрочем приглядитесь. У него совершенно детские глаза. У нее же — два темных зеркала. Посмотришь в такие — увидишь лишь собственное отражение, внутрь они не пустят

Начну с Марии Игнатьевны. Коротко перескажу событийную канву этой неординарной жизни — для тех, кто не читал замечательную книгу Нины Берберовой «Железная женщина».

Мария Закревская, потом Бенкендорф, потом Будберг, если так можно выразиться, специализировалась по ярким мужчинам. У нее был роман со знаменитым Брюсом Локкартом, британским дипломатом, едва не устроившим антибольшевистский переворот в 1918 году; потом — вернее одновременно — она имела какую-то загадочную связь с не менее знаменитым чекистом Яном Петерсом, тоже личностью незаурядной; двенадцать лет была ближайшей помощницей и гражданской женой Максима Горького; потом — а отчасти опять-таки одновременно — роковой любовью Герберта Уэллса.

О роли Петерса в судьбе Муры (так ее все называли) и роли Муры в судьбе Петерса мы можем только догадываться, ибо по роду своих занятий чекист был человеком скрытным, но трое остальных, писатели, посвятили Марии Игнатьевне немало страниц.

Локкарт рассказывает о ней — с любовью и восхищением — в двух книгах: «Мемуары британского агента» и «Уход от славы». «...Она с высокомерным презрением смотрела на мелочи жизни и отличалась исключительным бесстрашием. Ее огромная жизнеспособность, которой она, может быть, была обязана своему железному здоровью, была невероятна и заражала всех, с кем она общалась. Где она любила, там был ее мир; ее жизненная философия сделала ее хозяйкой своей собственной судьбы. Она была аристократкой. Она могла бы быть и коммунисткой. Она никогда бы не могла быть мещанкой». Неважно, правильно ли Локкарт понимал Муру — ее никто до конца не понимал. Важно, какое она производила на него впечатление.

Уэллс перед смертью написал удивительный трактат «Постскриптум к автобиографии» — о женщинах, которых любил. Этот текст, согласно воле писателя,

был опубликован только после смерти всех фигуранток интимного мемуара, в 1983 году. Центральная героиня произведения — Мура, которая принесла автору много счастья и много мучений. Судя по нижеследующему глубокомысленному анализу, великий провидец в Муре тоже ни черта не понял: «Она мыслит чисто по-русски — пространно, извилисто и с той философической претенциозностью, что присуща речи русских, которые всегда идут к заранее известному им заключению окольными путями. Я говорю, что она мыслит чисто по-русски, потому что, как я подозреваю, в самой структуре русского языка и в традиции русской литературы есть известная вялость, которая и сообщается тем, кто изъясняется по-русски». (В русском языке и литературе есть много всякого, но вялости точно нет). А вот этому пассажи вполне можно верить: «...Почти всякий раз, как я видел ее рядом с другими женщинами, она определенно, причем не только на мой взгляд, оказывалась и привлекательнее, и интереснее всех остальных. Женщины влюблялись в нее с первого взгляда, а мужчины спрашивали о ней и говорили о ней, делая вид, будто не так уж она их и заинтересовала».

Максим Горький поступил монументально: посвятил Муре главное произведение своей жизни — эпопею «Жизнь Клима Самгина», где этот женский образ поделен между несколькими героинями, потому что в одну никак не вмещался.

Лучше всех, вероятно, разобралась в Марии Будберг ее младшая подруга Нина Берберова, которая тоже была заморожена сим непостижимым сфинксом. «По сравнению с ней я муравей, — писала эта умнейшая и тоже вполне металлическая женщина, — а она не муравей и никогда не будет им, она ястреб, она леопард». «Ее увлечения не были изувечены ни нравственными соображениями, ни притворным целомудрием, ни бытовыми табу... Она была свободна задолго до «женского освобождения».

В средние века Муру, наверное, сожгли бы на костре как ведьму, насылающую чары. Хотя нет. Она влюбила бы

Интересные мужчины: Локкарт, Петерс, Горький

в себя главного инквизитора, и он выпустил бы ее на волю.

Все признают, что фотографии не передавали Мурино очарования — и понятно почему. Камеру не одурманишь, она бесстрастно показывает то, что есть. Точно с таким же недоумением смотришь на снимки другой роковой женщины — Лили Брик. Как известно, красота во взоре смотрящего.

Пожалуй, Мура была даже комична.

Она много ела, неряшливо одевалась, ужасно любила сплетничать. По-английски изъяснялась с чудовищным русским акцентом, а по-русски — с английским, и очень странно. «Я называю лопату лопатой», — говорила она вместо «я называю вещи своими именами». «Эта фильма бежит уже третий месяц». «У вас сейчас происходит дурная погода». Но разговор ее был так естественен и свободен, что скоро всем — и русским, и британцам — начинало казаться: это и есть правильная речь.

Мария Игнатьевна была какая-то феноменальная лгунья. Она рассказывала про себя всякие небылицы, постоянно врала, а будучи уличенной, нисколько не тушевалась. Это тоже своего рода дар.

Разобраться в клубке выдумок и лжи, который она много лет плела, не так-то просто. Если Мура лгала, чтобы спрятать некую опасную правду, это отлично удалось.

Вот то небольшое, что про эту женщину известно с большей или меньшей достоверностью.

Она родилась в 1892 году (кажется). Была замужем за дипломатом Бенкендорфом (но не графом, как она потом утверждала). Мужа убили крестьяне в 1917 году. При большевиках в питерскую квартиру Муры вселился комитет бедноты, и молодая вдова прилепилась к Локкарту, дипломатическому представителю Форин-офиса. Локкарт пробовал интриговать против советской власти, но кто-то его выдал и передал ключ от шифра чекистам. Доступа к коду не имел никто кроме самого Локкарта и его возлюбленной, но любопытно, что, теряясь в догадках, он так ее и не заподозрил. При том что Муру чудодейственно отпустили из тюрьмы — в самый разгар «красного террора». Умному Локкарту это странным не показалось.

Потом Мария Игнатьевна попала в ближайшее окружение Максима Горького. В 1921 году она была схвачена при попытке уйти из Совдепии по льду Финского залива, но ее не расстреляли, как других, а опять отпустили. Более того — чудо из чудес — сам Дзержинский позволил ей уехать за границу. Неромантичные эстонцы сразу арестовали путешественницу как красную шпионку. Но скоро выпустили. Муру всегда и отовсюду выпускали.

Фиктивно выйдя за барона Будберга (это был какой-то проходимец, впоследствии сгинувший в Южной Америке), Мария Игнатьевна наконец стала настоящей титулованной особой. Баронесса жила в Италии у Горького (и с Горьким), но периодически куда-то исчезала. Когда Алексея Максимовича уговорили вернуться на социалистическую родину, Мура предпочла остаться в Европе.

Выяснилось, что она уже несколько лет состоит в любовной связи с другим, еще более знаменитым писателем — Гербертом Уэллсом. Переехав в Англию, Мура стала его невенчанной женой и находилась близ классика до конца его дней. А потом прожила еще много лет и скончалась только в 1974 году, уничтожив перед смертью все свои бумаги.

Считается более или менее установленным, что Мария Будберг была советским агентом, выполнившим ряд заданий, которые требовали сугубой деликатности. Вероятно, она «пасла» Горького и докладывала обо всех его посетителях, контактах и планах. Вероятно, она же подготовила и срежиссировала пропагандистски важное возвращение «буревестника революции» в СССР. Уже не вероятно, а совершенно точно, что она доставила Сталину личный архив Горького, для чего на границу был выслан персональный вагон. Берберова пишет, что в этом архиве содержались документы, которые понадобились вождю народов для подготовки московских процессов 1936–1937 годов.

С Уэллсом «железная женщина» Иосифу Виссарионовичу тоже очень помогла, но об этом чуть ниже. Сначала про самого Уэллса.

В период между мировыми войнами он был Очень Важной Персоной. Причем в отличие от Горького, персоной не национального, а планетарного значения. В 1933 году Уэллс возглавил международный ПЕН-клуб. В эпоху, когда писатели были властителями дум, это много значило. К тому времени мир уже лет сорок зачитывался романами великого фантаста.

Во многих из них предсказывалось будущее планеты. Некоторые прогнозы, казавшиеся невероятными, впоследствии осуществились. Улицы действительно наполнились керосинками на четырех колесах. Произошла (о ужас!) сексуальная революция. Клерки — невероятно — переселились из центральных районов на окраины. Возникла «Перманентная мировая энциклопедия» — Вики.

Но автор сулил и грядущие ужасы: тоталитарные режимы, разрушительные войны, ядерную бомбу. В предисловии к пророческому роману «Воздушная война», написанному в невинном 1907 году, когда по небу еще летали безобидные полотняные этажерки, Уэллс попросил высечь на его могиле эпитафию «Ведь я вас

предупреждал, чертовы идиоты». (Хорошо, что могилы у писателя нет — его пепел развеяли над морем).

Но Уэллс пугал читателей будущим не для того, чтобы они отчаялись. Он надеялся, что, осознав угрозу, нависшую над планетой, люди образумятся и станут умнее, добрее, дальновидней. Ему рисовалось некое милое, человеческое общежитие — социалистическое, но не диктаторское, дисциплинированное, но свободное. Эйч-Джи (H. G.), как его называли друзья, писал об этом статьи и читал лекции. Окружающие умилялись: вот ведь фантаст! Или бесились: вот ведь вредитель! В нацистской Германии, например, книги Уэллса сожгли на берлинской площади — наивысший комплимент для литератора.

Мальчик Берти Уэллс получился таким выдумщиком, потому что в восьмилетнем возрасте после тяжелого перелома несколько месяцев не бегал-прыгал, а читал книжки и мечтал — больше заняться было нечем. На всю жизнь он проникся, по его собственным словам, «интересом к другим мирам и жизням». (В самом начале самоучителя, в предисловии, я говорил, что это и есть главный двигатель писательства).

В наивной юности Уэллсу казалось, что все ответы дает биология, ибо природа наполнена естественной мудростью выживания и развития: обезьяна эволюционировала в человека, человек эволюционирует в Человека. Первой опубликованной книгой Уэллса был учебник по биологии.

Став одним из главных «публичных интеллектуалов», Уэллс получил возможность прямого диалога с ведущими политическими деятелями и разговаривал с ними на равных. Содержание исторических бесед потом публиковалось.

В 1920 году писатель отправился в Россию — страну, где происходили очень интересные события, и пообщался с очень интересным человеком мистером Лениным. Встреча получилась комичной: розовый идеалист назвал прожженного прагматика «кремлевским мечтателем».

Юный Уэллс демонстрирует правоту Дарвина

В 1934 году Уэллс отправился в Америку поговорить с президентом Рузвельтом, который вытаскивал свою страну из тяжелого кризиса. В программе «Нового курса» писателю померещились обнадеживающие признаки государственного социализма.

А вскоре после этого знаменитый британец решил отправиться в Москву — посмотреть на Иосифа Сталина. Знаменательный визит вне всякого сомнения был организован Мурой.

В тридцатые годы Сталин прилагал большие усилия для того чтобы понравиться западным писателям. С точки зрения «вождя народов», это имело большое общественно-политическое значение. Советские инстанции, затеяв сложную игру, залучили в гости Бернарда Шоу, Романа Роллана, Лиона Фейхтвангера и еще нескольких «прогрессивных буржуазных литераторов».

Уэллс стал самым именитым из паломников.

В Сталине наш мечтатель, разумеется, тоже ничего не понял. «Я приехал к вам, чтобы расспросить вас, что

вы делаете, чтобы изменить мир», — сказал он кремлевскому горцу. В ответ тот наплел всякой трескучей марксистской схоластики. Стенограмма беседы производит жутковатое впечатление. Живой, искренний, открытый человек пытается найти общий язык с какой-то ротационной машиной, штампующей лозунги.

Однако в ходе беседы Иосиф Виссарионович обронил реплику, которая свидетельствует, что в людях он разбирался лучше, чем инженер душ. «Вы, господин Уэллс, исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры, — в какой-то момент сказал хозяин кабинета. — А я не забываю, что имеется много злых людей».

Как в СССР поступают со «злыми людьми», Уэллс представлял себе неотчетливо, поэтому преемник Ленина нашему фантасту тоже понравился. «Никогда не встречал столь справедливого, откровенного и честного человека», — напишет он — и Мура несомненно вздохнет с облегчением. Операция прошла успешно.

Но к дьяволу политику. Поговорим о любви.

Роман с Мурой у писателя был трехэтапным. Начало относится к 1920 году, когда Уэллс приехал посмотреть на «Россию во мгле» и был очарован помощницей своего друга Максима Горького.

«Я влюбился в нее, стал за ней ухаживать и однажды умолил ее, и она бесшумно проскользнула через набитые людьми горьковские апартаменты и оказалась в моих объятиях. Я верил, что она меня любит, верил всему, что она мне говорила. Ни одна женщина никогда так на меня не действовала. Когда я уезжал из Петербурга, она пришла на вокзал к поезду, и мы сказали друг другу: «Дай тебе Бог здоровья» и «Я никогда тебя не забуду».

В следующий раз он увидел ее только девять лет спустя, уже в Европе. Отношения возобновились, но тайне от всех — Мура все еще жила с Горьким.

Эпизодические встречи продолжались пять лет. Уэллсу не верилось, «что такая прелесть, какой мне казалась Мура, может и вправду существовать на свете». Он пишет: «Когда ее не было рядом, мысли о ней буквально

преследовали меня, и я мечтал: вот сейчас заверну за угол, и она предстанет передо мной — в таких местах, где этого никак не могло быть». Однако Герберт был уже на седьмом десятке и считал, что не имеет права связывать женщину, которой «будет лучше, если ей придется найти себе место в жизни, независимое от меня».

Но вот Горький окончательно переселился в СССР, и тогда Уэллс сделал Муре предложение. «Зачем? — сказала Мура. — Нам и так хорошо».

Она жила неподалеку от его дома на Ганновер-террас 13 (нехорошее число Уэллс обвел фосфором, оно зловеще светилось по ночам). Бывала у Герберта чуть не ежедневно, принимала гостей как хозяйка, все знали, что она жена Эйч-Джи, только невенчанная. И так продолжалось до самой его смерти. «Ей сейчас пятьдесят, — записывает в дневнике Уэллс. — Наша близость началась двадцать лет назад. Тогда она была высокая, изящная молодая женщина, а теперь она точно ватиканский херувим в три ее прежних размера, но все равно очаровательная полная дама».

Он любил ее до последнего дня своей жизни. Видимо, не в последнюю очередь из-за того, что никогда не был полностью уверен в ее ответной любви. Это вообще стандартный крючок, на который цепляют своих жертв роковые женщины. Они как кошки: позволяют себя любить, иногда ластятся и мурлычат, потом вдруг ударят когтистой лапой. «Она порой ведет себя на манер моей черной кошки, — жаловался Уэллс. — Как бы она ни набедокурила, она ни капельки не сомневается, что стоит ей взобраться на стол поближе ко мне, потереться об меня головой — и можно вести себя как заблагорассудится».

В 1934 году произошел случай, когда Мура, подобно Штирлицу, оказалась близка к провалу. Да что там — провалилась с грохотом и треском.

Кроме Сталина высокий британский гость встретился в Москве со старинным приятелем-соперником Максимом Горьким. И тот случайно помянул, что виделся с Мурой за последний год трижды. А ведь она всегда говорила своему Берти, что путь в СССР ей навсегда заказан!

Уэллс был потрясен этой ложью. «Я лежал в постели и плакал, словно обиженный ребенок, либо метался по гостиной и размышлял, как же проведу остаток жизни, который с такой уверенностью надеялся разделить с Мурой. Я отчетливо осознал, что теперь я один как перст». Конечно, он решил никогда с ней больше не видеться. Конечно, сразу после этого поехал объясняться. Конечно, она потерялась об него головой и была прощена. «Ничего больше я так никогда и не узнал, — пишет бедный Берти. — Дорого бы я дал, чтобы поверить ей, дорого бы дал, чтобы стереть из памяти следы той московской истории — она точно открытая, незаживающая рана и с тех пор разделяет нас. Рана у меня в душе; неиссякаемый источник недоверия».

Если вы думаете, что Уэллс заподозрил возлюбленную в связях с НКВД, вы ошибаетесь. Он заподозрил, что она изменяет ему с Горьким. Можно было бы,

конечно, поохотать над семидесятилетним Вертером, но очень уж его жалко.

Хотя, наверное, жалеть его не нужно. Женщина, вызывавшая у старого литератора столь сильные чувства, омолаживала его и заряжала творческой энергией. Не это ли для писателя главное?

Сомерсет Моэм (тоже неравнодушный к чарам миссис Будберг) однажды спросил, на что ей сдался старый, нездоровый Уэллс. Она ответила: «От него пахнет медом».

То ли это слова пчелы, присосавшейся к аппетитному цветку. То ли очень красивое признание в любви. А может быть, от Уэллса действительно просто пахло медом. Пишут, что Мария Игнатьевна не отличалась поэтичностью и не использовала в своей речи метафор.

Задание

Стало быть, вот вам персонажи и фактическая основа для рассказа. С фактами можете обходиться как угодно — жанр позволяет. С персонажами тоже.

Изображайте писателя мудрым или глупым, смешным или трагичным, великим пророком или исписавшимся под старость графоманом — ваша воля.

Мария Будберг тоже может быть черной, белой или разноцветной.

Хотите показать ее бессердечной стервой, расчетливой манипуляторшей, чемпионом мира по выживанию? Что ж, оснований для подобного взгляда более чем достаточно.

Хотите ею любоваться и восхищаться, как это делали окружающие? Мура заслуживает и такого отношения. Можно считать ее очень свободной женщиной, которую судьба поместила в чрезвычайно несвободные обстоятельства, жестоко гнула и ломала, но сломать не смогла.

Обязательно прочитайте или перечитайте берберовскую книгу и уэллсовский «Постскрипtum к автобиографии».

По жанру у вас выбор следующий. Это может быть или научная фантастика, или мистика, или магический реализм — в любом случае нечто, вырывающееся из рамок повседневной трехмерности.

Предварительно погуляйте по литературной вселенной Герберта Уэллса, где человек становится невидимкой, на Землю нападают инопланетяне, а на таинственном острове маньяк-ученый выращивает чудовищ.

Но стиль мы позаимствуем не у Герберта Джозефовича, а у Михаила Афанасьевича.

Образец для имитации — искрящийся волшебными пузырьками нарратив «Мастера и Маргариты». Ибо плох чекист, не мечтающий пострелять из маузера Дзержинского, но еще хуже русский писатель, не примеривающий шапочку Мастера.

«— Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер».

Надевайте черную шапочку — и в полет.

Л.Р.В.

Рассказ

Она раздвинула шторы, и начался лунный потоп. Чистый, яркий свет наполнил комнату, сделал ее янтарной, будто знаменитые покои в царскосельском дворце. Лучи разрисовали стену черными, белыми, желтыми квадратами, коснулись золотой авторучки на столе, и она превратилась в волшебную палочку.

— Зачем ты это сделала, Мурита? — раздраженно сказал мужчина. — Я и так не могу сосредоточиться!

Женщина, к которой обратился сидящий — будем ее называть Муритой и мы, — подошла к столу, где мерцал старинной бронзой письменный прибор в виде Аполлоновой квадриги, и тихо, ласково молвила:

— Повернись лицом к свету. Да не к электрическому. К лунному.

Она мягко развернула мужчину, взяла кончиками пальцев за виски.

— Я стар, я ни на что не годен, — пожаловался он. — Если во мне что-то когда-то и было, то ушло. Я слишком зажился на свете. Мне так хочется написать еще одну, всего одну книгу. Самую важную. Про эликсир бессмертия. Чтоб людям было к чему стремиться. Разве есть мечта более великая, чем победа над смертью? Но я сам уже побежден смертью. Я живой труп — как в той пьесе Лео Толстого, которую ты мне когда-то читала. Я смотрю на лист, и он пугает меня своей мертвой пустотой.

Мурита ничего не отвечала на горькие сетования, а лишь поглаживала ему лоб, щеки, углы рта, и лицо поразительным образом менялось. Казалось, оно покрывается невесомой

серебряной паутиной — это в складках и морщинах заискрилась лунная пыльца.

— Ты — Мастер, а дело мастера боится, — приговаривала женщина убаюкивающим голосом. — Не нужно сосредотачиваться. Просто будь собой...

Она прикрыла ему веки, помассировала их, и когда глаза открылись, в них тоже искрилась луна.

— Уйди, Мурита. Не мешай, — пробормотал Мастер.

Отодвинул ее руку, отложил вечное перо и схватил с бронзовой колесницы другое, птичье. Оно использовалось только когда раздавался «хрустальный голос» — так мужчина называл некую диктовку, слышную ему одному. Строчки, записанные в такие минуты, он никогда потом не редактировал.

Гусиное перо лежало без употребления уже много месяцев.

Женщина наклонилась — не чтобы следить за появляющимися на листе лиловыми буквами, а чтоб полюбоваться профилем пишущего. В обычное время обрюзгший и брюзгливый, сейчас он обрел патрицианскую чеканность.

Бесшумно отступив, Мурита подошла к сияющему прямоугольнику окна, зажгла папиросу, посмотрела, как плывет к потолку колечко сизого дыма, и зажмурилась. Полнолуние волновало ее, укачивало на своих упругих волнах. Узел густых темных волос, стянутый под затылком, сделался тяжел, поднимал лицо вверх. Оно казалось таким же сияющим и прекрасным, как полуночное светило.

Впрочем до полуночи пока было далеко. Луна еще не набрала всей своей чародейской силы. Но женщина чувствовала всем существом, что нынешняя ночь будет особенной.

Ночь *уже* была особенной — то-то и скрипело по белой бумаге серое перо, брызгая мелкой аметистовой каплей, то-то и чеканился медальный профиль.

Мурита стояла так терпеливо и долго, куря папиросу за папиросой. Когда перо наконец остановится, Мастеру понадобится собеседник, вернее слушатель. Больше всего на свете, даже больше луны женщина любила такие минуты.

Вот скрип прекратился. Не оборачиваясь, зная, что его спутница по-прежнему здесь, писатель сказал:

— Вот, послушай начало. Роман будет называться — уже называется — «Мистер Кэрон». Через «си» — Сагон.

Переменившимся голосом, глуховатым и торжественным, он стал читать.

«— Не нужно камфары, — молвил доктор Рейнолдс, распрямившись и пряча стетоскоп в широкий карман белого халата. Врач глядел на бледное, недвижимое лицо лежащей девушки с печалью. — Камфара уже не поможет. Вызывайте мистера Кэрона. Теперь она поступает в его ведение.

— Такая молодая, такая хорошенькая, — вздохнула мисс Годли, медицинская сестра.

Как и доктор, она привыкла к виду смерти и испытывала лишь грусть — то не слишком сильное, а, пожалуй, даже не лишнее приятности чувство, которое мы ощущаем на похоронах постороннего человека: бедняга умер, а я, слава богу, жив.

Мисс Годли вышла распорядиться, и пять минут спустя в палату заглянул невысокий человек в сером фартуке, с серыми, полуседыми волосами и почти того же скучного цвета морщинистым лицом. Он коротко поклонился покойнице (таков был его всегдашний ритуал), растворил вторую створку двери, обычно закрытую, сказал кому-то в коридоре: «Давай!».

В комнату, которую только что посетила смерть, скрипя металлическими колесиками, всплыла каталка. Ее толкал сзади еще один серый человек.

— Мы уходим, мистер Кэрон, — сказал доктор, поднимаясь. — Она ваша.

— Не беспокойтесь, сэр. Я свое дело знаю, — поклонился коротышка. — Доставим в лучшем виде».

Читающий закашлялся. Он волновался.

Спросил:

— Ну как тебе начало?

— Сдержанное, — осторожно ответила Мурита.

— Именно! Зачин очень простой, вкрадчивый, такой на тигриных лапах. Но будет и прыжок. Ты ведь догадалась, кто это — мистер Кэрон?

— Вероятно, старший санитар из больничного морга или что-то в этом роде?

— По должности — да. — Мастер возбужденно рассмеялся. — Но только по должности. На самом деле это не Сагон, а Charon. Харон, перевозчик душ через реку Стикс в царство Аида! Его каталка — это не «труповозка», как ее называют в госпиталях, а ладья. Харон принимает только что отлетевшую душу, пребывающую в ужасе и потрясении, утешает ее и по дороге в морг приготавливает к новому, загробному существованию. Объясняет, что бояться нечего. Завершилась не вся книга, а только одна ее глава. Следующая будет еще интересней. Харон зачитывает своему подопечному фрагмент оттуда — как, знаешь, в журналах, где печатают роман с продолжением, помещают тизер из следующей порции. И душа больше не боится. Она ждет прибытия на тот берег с радостным предвкушением. Весь роман будет состоять из новелл. Мистер Кэрон отвозит в мертвецкую новопреставленных пациентов и для каждого исполняет работу чичероне.

— Я же говорила, ты — Мастер, — с восхищением произнесла Мурита, взяла его руку и поцеловала ее.

— А ты поняла, что истинный мистер Кэрон — это я? — горделиво улыбнулся он. — Это я — Харон. Я научу моих читателей, что не нужно бояться перехода от одной главы к другой. Знаешь, что сказал мне хрустальный голос? «Бессмертие не в том, чтобы цепляться за эту земную жизнь. Оно в движении дальше». И после этого мне довольно было только не отставать от диктовки.

— Мастер, ты — Мастер, — повторила женщина. — Но ты очень устал. Тебе нужно поспать. Я пойду.

— Боже, Мурита! — Он засердился. — У меня такой день, вернее такая ночь, во мне ожил роман, а ты опять уходишь. Ты всегда уходишь! Останься. Мы выпьем шерри, потом ляжем в постель и хотя бы раз, всего один раз, уснем и проснемся рядом, как настоящие муж и жена. Сделай мне этот подарок!

— Мы выпьем шерри, но потом я уйду. Я ведь тысячу раз говорила. Не могу спать, если кто-то рядом.

— «Кто-то»? — взвился он. — Я для тебя «кто-то»?

— Ты мое всё. Но разве ты хочешь, чтобы я до утра маялась бессонницей?

Она хотела погладить его по щеке, но он перехватил ее руку.

— Хорошо! Тогда награди меня иначе. Скажи, куда, куда ты исчезаешь, когда свет в окнах твоей квартиры не горит, телефон не отвечает и письма возвращаются непрочитанными? В прошлый раз я отправил тебе с курьерами восемь депеш! Ты же знаешь, как меня мучают твои необъяснимые исчезновения! Что за тайну ты скрываешь? Как бы ужасна она ни была, неведение еще хуже! Что ты от меня утаиваешь? И — в тысячный раз — почему, зачем ты ездила или по-прежнему едешь, я не знаю, в эту твою Россию? На днях я виделся с Локкартом. Он говорит, что ты, вероятно, агентка советской разведки! Даже если так — пускай! Я помогу тебе выпутаться из их сетей. А не получится — запутаюсь в них вместе с тобой. Но только не отстраняйся, не прячь от меня какую-то важную, несомненно очень важную сторону твоей жизни!

— Ты устал. Ты несешь бред, — покачала головой Мурита, хмурясь. — Не сжимай так пальцы. Ты делаешь мне больно! В наказание я не стану пить с тобой шерри. И завтра мы не увидимся. Приходи в среду. Только сначала позвони, чтобы проверить, перестала ли я на тебя злиться.

— Прости! Останься со мной! Я больше не буду! — совсем по-детски попросил он ее, уже повернувшуюся уходить.

Но Мурита сказала:

— Уже поздно. Я хочу спать. До среды!

И вышла.

Она обманула его. Спать ей совсем не хотелось. Она, собственно, и не умела спать. Находился с нею кто-то рядом или нет, значения не имело. Ночь Мурите была нужна не для сна.

Ее квартира находилась в десяти минутах пешком от дома писателя. Судя по танцующей походке, по веселому насвистыванию, поздняя путница пребывала в отменном настроении и давешняя сердитость была бессовестным притворством.

По залитым лунной пустым улицам благопристойного района Марлибон, под попусту расходующими электричество фонарями стучала она своими звонкими каблучками. Досвистав баркаролу, тихонько запела про то, что блестит серебром голубая волна. Жизнь была превосходна, светлая ночь великолепна и к тому же еще только начиналась. Кожей, нервами, даже кончиками волос Мурита предчувствовала: сегодня обязательно что-то произойдет.

И предчувствие, конечно, не подвело. В арке, через которую Мурите нужно было пройти к подъезду, кто-то поджидал.

Откуда ни возьмись, будто соткавшись из темноты, возник некто затянутый в ливрею с золотыми позументами, в фуражке, низко надвинутой на лицо, которого было не видно под лаковым козырьком.

Этот некто почтительно поклонился, молча протянул узкий конверт. Блеснула золотая монограмма, три буквы «Л.Р.В.» и герб: семиконечная звезда над двумя скрещенными метлами.

«У вас. В полночь», — прочитала Мурита, распечатав конверт и подставив белую карточку лучу. Вместо подписи внизу был оттиск личной печати Председательницы.

— Передай, что буду, — сказала Мурита посланцу. — Только зайду домой, приведу себя в порядок. Не могу же я в таком виде.

Она пренебрежительно тронула ворот платья, впрочем очень недурного.

Все так же безмолвно посланный поклонился еще раз, отступил назад в густую тень и растворился в ней, будто его и не было.

Теперь Мурита заторопилась.

«У вас» означало, что сегодня ей выпала честь быть хозяйкой. Следовало прибыть на место первой и проверить, нет ли каких-нибудь помех.

В порядок она себя привела престраннным образом — не переделась в другой наряд, а сняла всё до нитки, оставшись совершенно голой. Обтерла всё тело благоуханной мазью из хрустального фиала. Распустила узел — волосы упали на спину и плечи. Стоя перед зеркалом, воздела на голову узкий обруч с черным агатом. Камень был матов и тускл, но стоило луне его коснуться, и на челе у Муриты воссияла звезда, от которой исходили семь тонких лучей.

Повернувшись так и этак, женщина — а может быть не только женщина или даже вовсе не женщина — распахнула окно, легко вспрыгнула на подоконник, откинула в сторону руки. Несколько мгновений постояла так, серебристо-белая, неподвижная.

И шагнула с шестого этажа в пустоту, но не упала вниз, на асфальт, а будто слилась с лунным водопадом и вопреки законам гравитации поплыла по нему вверх, навстречу голубоватому небесному диску — всё легче, всё быстрее.

Чем выше она поднималась, тем больше становился город. Он одновременно сжимался, так что дома стали похожи на черные кубики, — и расплзался огоньками вширь, до горизонта. Чешуйчатой змеей мерцала река, поблескивали ожерелья освещенных улиц, лупилось свиное око Большого Бена.

Но подул ветер, и утянул переливающийся Лондон прочь, как стаскивают с кровати парчовое покрывало. Земля сделалась безвидна и пуста. Слабыми светлячками помигивали селения и перекрестки хайвеев.

Мурита взлетела очень высоко — так высоко, что при желании могла бы поцеловать Луну в полную щеку. Засмеявшись от удовольствия, Мурита действительно вытянула губы и чмокнула перламутровый воздух, а сразу затем начала спускаться. Путешествие было не особенно дальним, всего восемьдесят миль. Полет не занял и минуты.

Снизу приближалось широкое поле, покрытое странными геометрическими узорами — полосами, плавными линиями, кругами. В центр одного такого круга, составленного из вертикально воткнутых камней, путешественница и опустилась.

То был Стоунхендж, знаменитое капище древних священных ритуалов, о которых у людей не сохранилось совсем никакой памяти. Днем здесь всегда толпились туристы со своими фотокамерами, термосами и сэндвичами, но в полночь

не было ни души — так, по крайней мере показалось Мурите в первый миг. Однако она раздула ноздри, втянула воздух. Обоняние, стократно обострявшееся в полнолуние, почуяло запах дешевых духов «Майский ландыш», чуткий слух уловил причмокивание.

Мурита торопилась прилететь сюда первой не зря. Тут были чужие. Те, кому присутствовать на заседании ни в коем случае не полагалось.

Под одним из огромных четырехметровых камней тискалась и целовалась парочка. Поодаль, на тропе, посверкивал лаком мотоцикл. В другое время Мурита не стала бы мешать свиданию — выбор столь романтической локации, пожалуй, говорил в пользу влюбленных, однако сейчас было не до церемоний.

Выдернув длинный волос, Мурита девять раз обернула его вокруг безымянного пальца левой руки, прошептала какую-то фыркающую абракадабру — и вдруг вся покрылась лихой волчьей шерстью, из лба вылезли козлиные рога, глаза засверкали кровавым светом.

В этом грозном виде она предстала перед обнимающейся парой и издала ужасающий хриплый хохот, далеко раскатившийся в пространстве.

В ответ раздался вопль двух глоток, почти такой же громкий. Парень с девушкой кинулись наутек и верно бежали бы до самого Ларкхилла, но Мурита свирепо рявкнула: «Мотоцикл!».

Тогда парень — он, видно, был не трусливого десятка — повернул к своему транспортному средству, вскочил на кожаное седло. Подождал, пока запрыгнет его спутница. Мотор чихнул, плюнул черным дымом, заревел, и мотоцикл унесся в ночь.

Тогда Мурита произнесла другое заклинание — шерсть осыпалась, рога отвалились.

Она снова стала нагой и прекрасной. Всё было готово к встрече, до которой оставалось еще полторы минуты.

* * *

Первой явилась Ольга, ей было лететь ближе, чем другим. По холодной сияющей плоскости ночного эфира, как по ледяной

горке, прямо с небес скатилась широкобедрая, полногрудая наядда с развевающимися по ветру волосами цвета кимвальной меди.

— Чуть не простудилась над Ла-Маншем, — пожаловалась она вместо приветствия. — Такой неприятный норд-вест! Как твой выдумщик? Как сама?

Они поцеловались.

— Выдумывает, всё хорошо, — ответила Мурита на первый вопрос, на второй неопределенно махнула рукой — ком си, ком са — и в свою очередь спросила:

— Что твой Пабло?

— Как обычно, — засмеялась рыжая наядда. — Изменяет с очередной натурщицей. Пожалуй, моя миссия подходит к концу. Он так окреп, что отлично сможет обходиться без меня. Я рада. Ужасно он все-таки утомительный с этой своей непоседливостью. На следующем заседании буду просить об отставке. Но сначала пусть закончит «Интерьер с рисующей девушкой». Ах, что это за чудо, ты бы только видела!

Но тут, прикрыв ладонью глаза от яркого света, Ольга перешла на шепот:

— Тссс. Кажется, Галина. При ней про Пабло не надо. Будет ревновать. Знает, что ее пучеглазый каталонец в подметки не годится моему андалусийцу.

— Ох уж ваши испанские страсти, — улыбнулась Мурита, протягивая руки навстречу следующей небесной путешественнице.

Та тоже была нага и прекрасна, но в ином роде — до угловатости худая, темноволосая, быстрая в движениях.

— Девочки, как я рада вас видеть! — затараторила Галина. — Отлично выглядите! Ты, Олечка, так мило пополнела, тебе идет. Только, наверное, летать тяжело? Слушай, правда,

что вы с Пабло разводитесь? Мне Поль написал, я ужасно расстроилась.

Никто не умел втыкать шпильки с такой ловкостью и скоростью, как Галина. Ольга только приготовилась парировать два первых удара, а на нее уже обрушился третий.

— Я тебя предупреждала, с ними галантерейничать нельзя, — продолжила новоприбывшая с бесящей покровительственностью. — Держать в ежовых рукавицах, не распускать. У нас с Сальвадором знаешь как? Прежде чем прийти, он каждый раз должен запросить разрешения — письменно. И я не всегда позволяю. Потому что встреча с любимой для художника должна быть праздником, который то ли состоится, то ли нет. А ты превратила магию в будни. Ах, Олечка, зря ты меня не слушала. Я ведь, в отличие от тебя, не «однозарядница». Сама знаешь, Сальвадор у меня уже третий, после Макса и Поля.

На змеиную вкрадчивость прямодушная Ольга ответила яростью — ее рыжие волосы затрещали электричеством.

— Мой Пабло стоит твоих троих вместе взятых! И ничего я не пополнила, я каждый день взвешиваюсь! А насчет «однозарядности»... Знаешь, для таких, как ты, многозарядных, есть другое название — шлюха!

— Мура, ты слышала, как она про нас с тобой? — подбоченилась Галина. — Ты себя не жалела, разрывалась между Гербертом и Максимом, а для нее ты — шлюха?

Но Мурита в ссору ввязываться не стала.

— Галя, не будь ведьмой, — сказала она. — Ну что ты сразу завариваешь кашу? Не можешь без этого?

— Не могу, — беспечно ответила та. — Скучно. А потом, кем же, по-твоему, мне быть, если не ведьмой?

И воскликнула:

— А, вот еще одна «однозрядница»! Летит-свистит.

Действительно, сверху до-
несся разудалый разбойничий
свист, и в обрاملенный дои-
сторическими валунами круг
эффектно приземлилась чет-
вертая участница встречи. Она
была ладно скроена и элегант-
на, что, согласитесь, при наго-
те совсем не просто. Возмо-
жно, подобное впечатление
создавала метла, на которой
изящно сидела воздухоплава-

тельница. Длинные березовые ветки были похожи на русало-
чий хвост.

— Как там Родина, Леночка? — обняла припозднившуюся го-
стью хозяйка. — Как дела у *твоего* Мастера?

Со всеми поцеловавшись — «Мурочка, Галочка, Оленька», —
Елена ответила:

— Мой пишет роман, какого еще не бывало. Самый лучший
на свете, только бы не сглазить, тьфу-тьфу-тьфу. — Поплевала
через левое плечо. — А Родина шлет вам, подружки, пламенный
привет. Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка. Пред-
седательницы еще нет? Слава богу, я так боялась опоздать! Ей
ведь все равно, что мне добираться дальше всех.

— Опаздывает. Старость не радость, — сказала интриганка
Галя. — Пора бы нам, девочки, задуматься о смене руковод-
ства. Я понимаю, старые заслуги. Ницше-шмицше, Рильке-
фигильке, теперь этот, либидо-шмибидо, но ведь наша мадам
продолжает жить в девятнадцатом веке, а уже середина двад-
цатого...

Тут она запнулась и побледнела, потому что ей обдало щеку
морозным ветром. Скрипучий голос ниоткуда спросил:

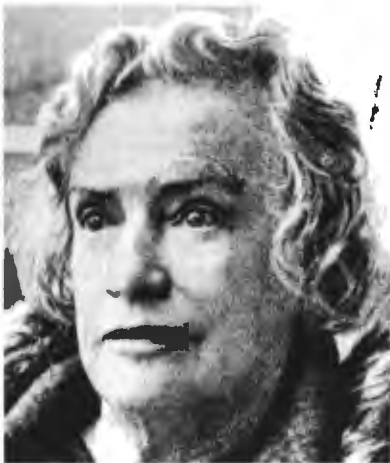
— «Наша мадам»? О ком вы, сударыня?

Это наконец явилась председательница Саломея. А может
быть, она находилась здесь уже некоторое время. Саломея

превосходно владела древним искусством развоплощения, позволяющим делать плоть невесомой и прозрачной.

* * *

Пространство между двумя мшистыми камнями сгустилось. Сначала прорисовался зыбкий контур, потом заиграли блики, и возникла прямая и твердая, как надгробный памятник, фигура старухи. Нет, это слово, пожалуй, неуместно. Председательница безусловно была стара, и очень стара, но ее нагое тело не выглядело дряхлым, уродливым, увядшим. Оно, пожалуй, напоминало дерево — ведь деревья, старясь, делаются только красивей. Кожа отсвечивала мягким оттенком замши, пустые груди висели величаво, словно орденские звезды на мундире заслуженного генерала, белые волосы служили ореолом для лица, которое не мог забыть никто видевший его хотя бы раз, и ярче всего на этом удивительном лице выделялись глаза. Они смотрели спокойно, лениво и властно.

На челе у председательницы тоже золотился обруч, но не с агатом, а с большим рубином, источавшим семь алых лучей.

— Я уйду, когда исполню свою миссию, — молвила Саломея, обращаясь к сжавшейся Галине. — Осталось недолго. Мой подопечный увядает, мы оба очень устали. Но сейчас ему как никогда нужны силы, чтобы довести работу до конца. Как только я провожу его, в следующее же полнолуние, я передам этот венец, — она коснулась рубина, — своей преемнице. Я выберу ее сама и не обещаю, что это будет кто-то из вас. Уж во всяком случае, это точно будете не вы, милая.

Галина робко кивнула.

— Итак, mesdames, — продолжила Саломея голосом классной дамы, — прошу садиться. Объявляю внеочередное заседание «Ложі русских ведьм» открытым.

Остальные сели на землю с одинаковой грациозностью, держа спины прямыми, головы поднятыми, руки сложенными на коленях — ни дать, ни взять примерные гимназистки.

— Я собрала вас, потому что поступило прошение от нашей бывшей соратницы Лилит. — В пальцах Саломеи, только что пустых, откуда ни возьмись появился пергамент, плотно покрытый бурными строчками — официальные документы писались кровью. — Не стану зачитывать всю слезницу. Вы помните нашу Лилит, она ни в чем никогда не знала меры, — чуть поморщилась председательница. — Вкратце содержание таково. Лилит просит прощения за свое отступничество, горько раскаивается и умоляет восстановить ее в статусе русской ведьмы.

Слушательницы переглянулись, а Галина даже позволила себе закатить глаза и шумно вздохнуть. Саломея погрозила ей пальцем.

— Прошу высказываться. И голосовать: «за», «против», «воздержалась». Начнем с вас, Галина, коли уж вы так нетерпеливы.

Та вскочила и сразу воскликнула:

— Нет, нет и еще тысячу раз нет! Она предала того, кто был ей вверен, то есть совершила самое худшее, что только может сделать ведьма! Мы не связаны людскими представлениями о добре и зле, мы вольны красть, обманывать, даже умерщвлять. Единственный запрет — нельзя бросать и предавать того, кого ты оберегаешь! А она измучила и бросила своего поэта! Он потерялся в мире, как заблудившийся ребенок, и в конце концов убил себя! Этому нет прощения!

— Изменив поэту, Лилит сослалась на тринадцатый пункт приложения к «Обету», где оговаривается конфликт интересов в случае сильной любви к другому объекту, — негромко произнесла Мура. — Лилит говорила, что до умопомрачения влюбилась в этого своего кавалериста. Мне, увы, знакомо это искушение. Пожалуй, я воздержусь.

— Благодарю вас, — кивнула обеим председательница. — Кто следующий? Елена, прошу вас.

Поднялась та ведьма, что прилетела на метле.

— Я тоже любила военного. О, как я его любила! — Она трянула головой, отгоняя воспоминание. — Но я всегда помнила о своем обете. И когда долг призвал меня, я оставила любимого мужа и ушла к тому, кто без меня не стал бы тем, кем ему назначено стать. Мы, русские ведьмы, созданы не для рыцарей, а для художников, поэтов и писателей. Если Лилу привлекают самураи, пусть поступает в «Ложу японских кицунэ». Я — против.

И села.

— Ольга?

Медноволосая подруга художника Пабло заговорила не сразу.

— ...Да, мы — русские ведьмы. Мы не сравнимся с английскими, которые не имеют себе равных, если нужно совершать великие дела в одиночку. Мы не умеем любить революционеров и ниспровергателей, как их любят французские ведьмы. Мы уступаем немецким ведьмам в педагогическом искусстве. Но никто лучше нас не оберегает и не вдохновляет людей искусства. Потому что в России творческий человек без хорошей ведьмы-хранительницы испокон веков не мог ни творить, ни даже выжить. Без нас они все сгинули бы, ничего не создав. И не было бы никакой России, одни только черные всадники с притороченными к седлам собачьими головами. Вот почему у нас, русских ведьм, такая репутация в мире, вот почему на нас такой спрос...

— Прошу ближе к делу, не рассказывайте нам то, что мы и так знаем, — прервала ее суровая председательница. — Луна вот-вот зайдет, нам нужно принять решение.

— Да-да, заканчиваю, — смутилась Ольга. — Это я к тому, что мы должны беречь престиж нашей логи. Ну и вообще, — загорчилась она. — Полюбила ты своего комкора или кто он там — так люби, оберегай его до конца дней. А то сегодня ты до умопомрачения влюбилась, завтра разлюбишься... Нет, я против.

Трое участниц заседания, стало быть, выступили против и одна воздержалась. Однако по регламенту председательнице принадлежало три голоса, так что дело еще не разрешилось. Все смотрели на Саломею — ждали, что скажет она.

— Художник — как свечка в темном-претемном доме, где дуют злые сквозняки и носятся летучие мыши. — Так начала председательница. — Этот огонек слаб, его очень легко задуть. И тогда в доме наступит крошечная тьма... Долг ведьмы-хранительницы — нести эту свечу по коридорам и лестницам, не позволяя ей потухнуть, а по возможности разжигая огонь ярче, чтобы он давал больше тепла и света. Для этого мы хитрим, интригуем, совершаем ужасные вещи. Иногда сами себе обжигаем пальцы и не имеем права даже вскрикнуть... Но если ты уронила свечу, или споткнулась, или отвлеклась на что-то, и огонь погас, может ли тебе быть прощение? Ответ, по-моему, ясен.

Вердикт был произнесен. Обсуждение закончилось.

— Если это всё, — сказала Саломея после паузы, — будем прощаться.

— Еще одно, — быстро произнесла Мурита. — У меня тоже просьба. Она касается моего прежнего подопечного... Он болен, он в плену, он глубоко несчастен. Когда я думаю о том, как печален финал его жизни, у меня разрывается сердце. Нельзя ли мне отправиться к нему, побыть с ним, чтобы утешить его в последнюю пору жизни?

— Раньше нужно было думать, — отрезала председательница. — За двумя прозаиками погонишься, ни одной зайки не поймашь. Уедете к тому — погубите этого. Этот еще светит, а тот уже погас. И не без вашего, Мария Игнатьевна, содействия. Кто увез его из вечного лета в вечную зиму?

— Я хотела, чтобы он был окружен заботой и всеобщей любовью! Для него обожание — наркотик! В России ему ставят памятники, называют его именем пароходы и самолеты, а в Италии, никому не нужный, он бы зачах, — запротестовала Мурита, но слабо, неуверенно, сама чувствуя, что говорит вздор.

— Не дайте погаснуть хотя бы этому! — оборвала ее Саломея, взмахнула рукой, и свет померк.

Луну накрыла черная туча. На несколько минут воцарилась тьма. Потом туча сошла, но светило не вернулось.

Мир сделался сер, тускл и безжизнен. Меж вечных камней никого не было.

Комментарий

Мой рассказ сложился из двух кирпичиков. Первый, как нетрудно заметить, похищен у Булгакова — идея о том, что творческому человеку в отличие от нормальных людей требуется не ангел-хранитель, а ведьма-хранительница. Потому что художник, истинный художник, всегда ломает установленные правила и кошунственно норовит уподобиться Творцу, создавая собственные миры. Милый, светлый ангел в этом занятии не пособник. Нужен некто мафиозный, кто целиком на стороне художника и ни перед чем не остановится, когда тому понадобится помощь.

Второй кирпичик — таинственно высокая пропорция русских подруг у великих деятелей культуры, женщин, которые вдохновляли их писать, делать открытия, испытывать душевный трепет, побуждающий к творчеству.

Некоторые из этих муз — не все, далеко не все — прилетели на мой стоунхенджский шабаш. Я уверен, что вы их узнали.

И Елену Сергеевну Булгакову, без которой здесь обойтись было, конечно, невозможно.

И Галину-Елену Дмитриевну Дьяконову, мучительницу и вдохновительницу Сальвадора Дали, а перед тем Макса Эрнста и Поля Элюара.

И Ольгу Степановну Хохлову, которую так мучил — и в награду сделал навсегда прекрасной Пабло Пикассо.

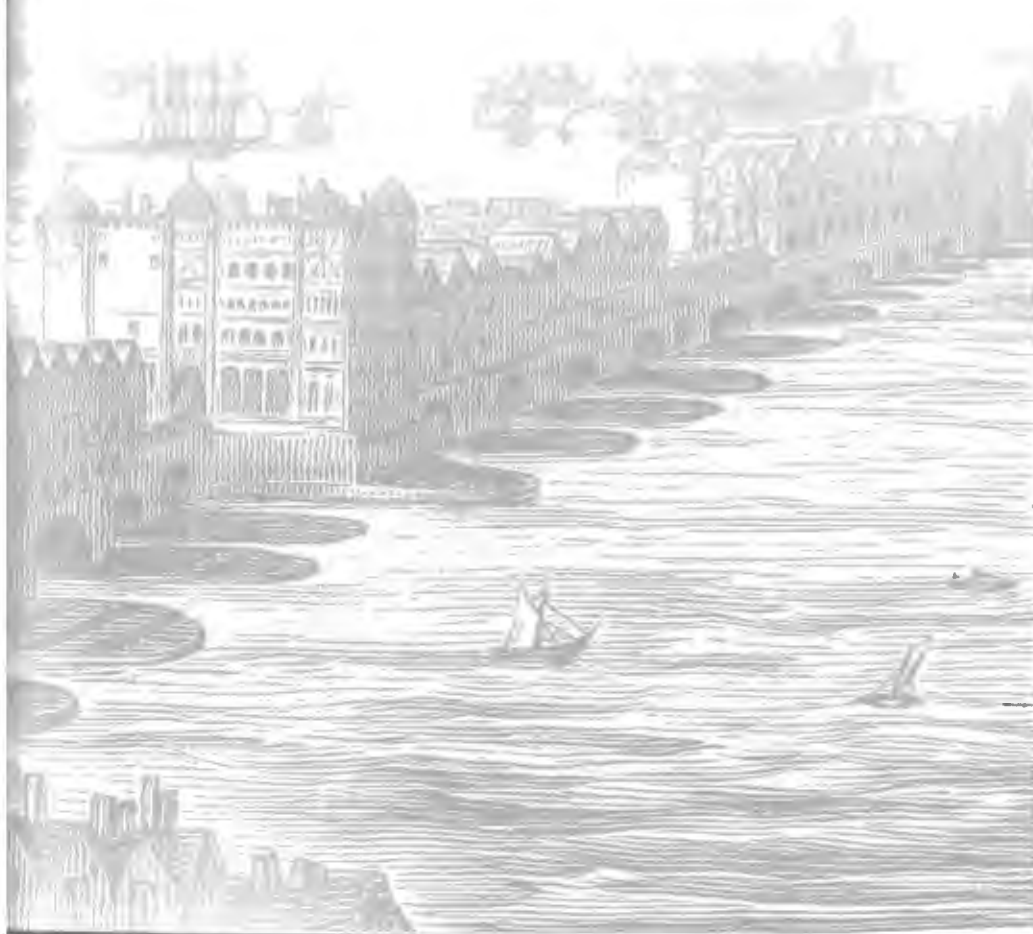
И дуайеншу всех русских ведьм-спасительниц XX века прославленную Лу-Саломе (Луизу Густавовну Саломе), опекавшую Фридриха Ницше, Райнера-Марию Рильке и Зигмунда Фрейда.

Есть женщины в русских селеньях, есть. Некрасову, с его личной ведьмой Авдотьей Панаевой, это было доподлинно известно.

Урок десятый

Сбор материала.
Финальное туше

Самое интересное и самое трудное

Для последнего урока я оставил две темы — потому что «Десять уроков по беллетристике» звучит нумерологичней, чем «Одиннадцать уроков», а для книжки очень важно, чтобы ее название правильно звучало. (Это была бы хорошая тема для еще одного занятия, но, увы, никакого ноухау тут не существует либо же оно мне неизвестно. Название ко мне всегда приходит само — как и имена персонажей. «Здрасьте, меня зовут так-то», — сообщает мне текст. Иногда я вздрагиваю от неожиданности. «Алтын-толобас»? В каком смысле и что это вообще такое? Но я никогда не спорю. Книжка потом сама объяснит).

Другая причина, по которой я объединяю две темы, заключается в том, что первая, собственно, никакой особенной хитрости в себе не таит. Речь идет о нулевом этапе работы — сборе материала, процессе совершенно необходимом, но не творческом.

Я ужасно его люблю и хочу заразить вас этой любовью.

Вначале есть только Логос — некая волнующая вас идея или тема (см. Первый урок). Тьма над бездною, и только ваш дух витает над водами. Нужно создать земную твердь, заселить ее живыми существами, тьму рассеять, а бездна пусть остается.

Обычно на старте я представляю себе лишь самое общее направление поиска: что это за эпоха, где должно происходить действие, насколько длинной будет история.

Нет ничего более увлекательного, чем постепенно снижаться, сужая круги и высматривая из-под облаков добычу. Материал, который идеально подходит для раскрытия темы, может обнаружиться где угодно: в чьей-то биографии, в дневнике, в историческом документе.

В прежние времена я подолгу просиживал в читальных залах и архивных хранилищах. Иногда даже специально летал в дальние страны, потому что нужно было порыться в каталогах. Теперь благодаря развитию интернета всё невероятно упростилось. Я не собираюсь учить вас пользоваться поисковиками и онлайн-библиотеками; архивы же для написания маленького рассказа вам вряд ли понадобятся. Хотя как сказать...

Возьмем для примера новеллу, которую я написал для Пятого урока — про Рахметова-Бахметева, что отправился создавать коммуну на Маркизовы острова и бесследно сгинул. Я был бы совсем никудышным автором, если бы не попытался отыскать пропавшего без вести персонажа.

В эссе о Бахметеве я коротко упомянул о том, что в шестидесятые годы Натан Эйдельман пробовал разгадать эту тайну. Он писал письма в Новую Зеландию, титаническими усилиями установил, что фигурант скорее всего отплыл из Лондона на клипере «Акаста», но добыть списка пассажиров не смог. Бедный Натан Яковлевич, житель прошлого тысячелетия! Список пассажиров «Акасты» я извлек из интернета в несколько щелчков. Все данные XIX века по иммиграции в Новую Зеландию оцифрованы и легкодоступны.

Человека с фамилией, начинающейся на Vakh или Vach, на борту не было, но мой прототип, начиная новую жизнь, вполне мог сменить русское имя на английское.

Потом я отправился — опять не вставая с кресла — в онлайн-архив французского министерства заморских территорий, где хранятся все материалы по истории Маркизовых островов. Установил, что в описываемый период корабли заходили только на остров Nouhiva. Посмотрел, есть ли там что-нибудь.

Обнаружил три инвентарных позиции:

	Accès	Commune	Date	Type	Thème
1		NOUHIVA	1858	Tous actes	
2		NOUHIVA	1859	Tous actes	
3		NOUHIVA	1860	Tous actes	

Написал в архив по мейлу — попросил прислать скан документов. Через неделю получил ответ: к сожалению,

в папке лишь бумажка с пометкой, что документы за 1850–1877 гг отсутствуют.

A l'attention de M. Boris AKOUNINE

Monsieur,

Par votre courrier électronique en date du 24 janvier 2021, vous demandez des renseignements relatifs à des documents conservés pour la commune de Nohiva, située dans les îles Marquises.

Le lien que vous avez transmis dans votre courrier électronique renvoie vers l'état civil numérisé pour la commune de Nohiva. Il ne s'agit pas des couvertures pour les années 1858 à 1860, mais d'une feuille placée indiquant qu'il manque les années 1850 à 1877 incluses pour l'état civil de cette commune. Il ne sera donc pas possible de consulter ces années, celles-ci étant manquantes.

Je vous prie d'agréer, Monsieur, l'expression de mes salutations distinguées.

J. Laroche
Secrétaire de documentation
Archives nationales d'outre-mer

Итак, мои дилетантские поиски никуда не привели, но они были небесплодны. Некоторое время я жил вместе с моим героем, и мне было невероятно интересно всем этим заниматься, а это в нашей беллетристической профессии самое главное.

Если бы я писал о Бахметеве не рассказ, а роман, я бы так легко не сдался — отправился бы на Маркизовы острова. Однажды мне пришлось слетать, притом дважды, в Иокогаму — я искал там кое-что на Иностранном кладбище и с первого раза найти не получилось.

В общем сбор материалов — это счастье. Только так к подобной работе и относитесь. В этом уроке вам придется провести ее самостоятельно. На сей раз готовить за вас фактуру я не буду.

Определите, какая тема заставляет ваше сердце биться учащенно, — и подберите подлинную историю, годную для беллетризации. Общее направление поиска вам известно: что-нибудь про русских в Англии. В разделе «Задание» в качестве примера я назову вам несколько потенциально продуктивных сюжетов.

Вторая тема урока намного сложнее.

Часто пишут, что самое главное в художественном тексте — зачин: первая фраза, первый абзац, первая страница. Особенно важно это для автора, еще не обзаведшегося собственной аудиторией, которая простит писателю вялую или смазанную увертюру, зная, что старый

конь борозды не испортит. Но человек, рассеянно открывший в магазине книжку с незнакомым именем на обложке и зевнувший или поморщившийся от первых строк, ваше произведение не купит и не прочтет, какие бы брильянты там потом ни были рассыпаны.

Увы, готовой рецептуры «первых фраз» не существует. Потому что всякая первая фраза, будучи единоразовно использована, утрачивает свою свежесть. Никаких советов тут не слушайте. Первое предложение — это ваш личный камертон, который не должен никому подражать. Он всегда индивидуален.

«И доказательств никаких не требуется, — ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: — Просто в белом плаще с кровавым подбоем...».

Ждите, чтобы акцент пропал — и начинайте.

Отлично помню, как я начал писать свой самый первый роман. Сел, закрыл глаза, запретил себе о чем-либо думать, и через минуту-другую настучал на клавиатуре: «В понедельник 13 мая 1876 года в третьем часу пополудни, в день по-весеннему свежий и по-летнему теплый, в Александровском саду, на глазах у многочисленных свидетелей, случилось безобразное, ни в какие рамки не укладывающееся происшествие». Перечитал и ужасно удивился. Вообще-то я собирался начать историю с детства главного героя, а не с какого-то происшествия. Но фраза встала прочно и меняться не желала. Даже когда я при помощи тогдашнего поисковика («рамблер»? «апорт»?) выяснил, что 13 мая 1876 года пришлось на четверг. Стоило мне заменить «понедельник» на «четверг», и предложение умирало, никуда не тянуло и не манило. Я смирился, пошел, куда меня звали, и картинка задвигалась, только успевай записывать.

Это, собственно, единственное, что нужно знать про заповедь произведения: если он вас как автора куда-то манит и тянет, он годный. Если нет — зачеркните и слушайте внутреннего камертона.

Но с финалом дело обстоит иначе. Тут камлание вам не поможет. Нужна техника, нужен расчет. И вот этому научиться хоть и трудно, но возможно.

Всякое художественное произведение — как прожитая жизнь. Читатели будут поминать ее добрым или недобрым

словом, а самое печальное, если сразу забудут, едва она закончилась. Развязка может быть веселой, грустной, озадачивающей — важно не это. Должно возникнуть некое эхо, которое потом какое-то время будет оставаться с читателем. Главный приз — это не когда человек перевернул последнюю страницу и сказал: «Ох, хорошая книжка!» — и тут же вышел из твоего мира в свой собственный, а когда мысли и чувства, рожденные текстом, побуждают аудиторию возвращаться к прочитанному вновь и вновь.

Для того чтобы достичь такого эффекта, у автора есть два способа.

Первый попроще: открытый конец. Я этот фокус люблю и часто к нему прибегаю.

Подводишь историю к финишной черте, а ленточку грудью не разрываешь, и пусть читатель додумывает сам, чем для героев всё кончилось. Это технология не очень честная, люди на нее обижаются, но своей цели она достигает. Хочешь ты этого или нет, но с моими героями ты еще поживешь, а я как автор тому порадуюсь. Пушкину можно, а мне нельзя?

И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго... навсегда...

Второй способ честный, но требует мастерства.

Гораздо лучше заканчивать финальным ударом по уму или по эмоциям — а еще лучше одним только замахом. Как хлопок одной ладонью, контактлесс. Потому что у невыплеснувшегося звука длиннее эхо.

Фигурально выражаясь, вы заканчиваете роман о «Титанике» не описанием катастрофы, а тем, что из ночного тумана выплывает нечто огромное и белое. И точка. Занавес.

Или вы долго рассказываете, как двое людей, самой судьбой предназначенных друг для друга, преодолевают невероятные препятствия, сближаются, вот-вот наконец встретятся — но из космоса на Землю падает метеорит. Вот он входит в плотные слои атмосферы, несется в огненном облаке вниз, на город, где через минуту должны соединиться Он и Она. Книга закончится за миг до падения метеорита.

«Может быть, всё еще обойдется? — волнуется читатель. — Ах, только бы обошлось! Ну не может же эта прекрасная история так ужасно завершиться!». Да еще полезет в энциклопедию смотреть, насколько серьезные разрушения производит падение метеорита. Если так — финальный удар удался.

Хорошие писатели впрочем обходятся без метеоритов. Затрагивают последней фразой некую струну в нашей душе, и раздается нужный автору звук — чаще минорный, потому что в литературе (в отличие от жизни) печаль красивее радости и потому что высоко, у царских врат, причастный тайнам плакал ребенок о том, что никто не придет назад.

Кто ищет, тот всегда найдет

Сколько бы частной, конкретной или локальной ни была тема-проблема-коллизия, которая вас по-человечески и по-писательски занимает, можете не сомневаться, что в обозначенном — вроде бы узком — направлении вы обязательно найдете для нее материал, если будете хорошо искать. В Англии бывали и жилали всякие русские, и происходила с ними масса самых разнообразных событий.

Предположим, вы — писательница и даже авторка, которую возмущает дискриминация женщин.

Погуглите Елизавету Дмитриеву, которая однажды, в марте 1871 года, нанесла в Лондоне визит великому борцу за свободу пролетариата — Карлу Марксу. Он благословил девятнадцатилетнюю девочку отправиться в восставший Париж, чтобы во всех подробностях

рапортовать оттуда о Коммуне. Ведь наконец сбывается то, что гениальный провидец предсказывал еще в «Манифесте»!

Лиза поедет сражаться на баррикадах и будет тяжело ранена, а мистер Маркс останется в своей славной квартирке на Примроуз-хилл.

Или предположим, вам хочется крикнуть на весь свет о том, как жестока и абсурдно несправедлива Карма — о том, что «правды нет и выше».

Тогда вашим героем может стать Сергей Степняк-Кравчинский, народоволец и наш коллега, автор очень недурного романа «Андрей Кожухов».

Кравчинский был человек огромной смелости и еще большей везучести. Он заколол кинжалом посреди Петербурга шефа жандармов Мезенцева, сумел скрыться (это мало кому удавалось) и бежал в Англию. Современник писал о Сергее Михайловиче: «Его мужество необычайно. Ничто не может нарушить его невозмутимость в самые критические минуты. Его самообладание и хладнокровие лишены аффектации, внешне незаметны».

Для Этель Лилиан Войнич, близко знавшей Кравчинского, этот сильный, яркий человек стал прототипом Овода.

В эмиграции он писал книги и прокламации, готовил свержение самодержавия. Все ждали от него больших дел, сулили великое будущее. Но 23 декабря 1895 года Кравчинский переходил железную дорогу, должно быть, погруженный в революционные думы, и был сбит выскочившим из тумана паровозом.

Предположим, вы бесконечно одиноки, всё вокруг вам чуждо, и не с кем по-настоящему поговорить, и жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, такая пустая и глупая штука.

Тогда вы можете написать концентрированно сдержанный, обманчиво бесстрастный рассказ о студенте кембриджского Тринити-колледжа, юном эмигранте Vladimir Nabokov. Он потерял родину и больше никогда ее не увидит. Полагал, что хорошо знает англичан и английский язык, а оказалось — нет. Он совсем, совсем один. Стихи, которые он пишет на непонятном туземцам языке, никому здесь не нужны. Скоро у него убьют отца. Прежний мир рухнул. Новый не вызывает никакого желания его осваивать.

Проблем с подготовкой у вас не будет. Чтения на тему «Набоков в Кембридже» — море.

Предположим, вас бесит наглость нуворишей и новоявленной российской аристократии, вам хочется написать злую социальную сатиру.

Что ж — почитайте про лондонскую жизнь другого беглеца от большевиков, Феликса Юсупова. Там есть над чем понасмешничать.

Бедняжка Феликс, в прошлом самый богатый из российских бездельников, оказался на чужбине буквально без гроша. (Если не считать хранившихся в Париже драгоценностей и пары полотен Рембрандта).

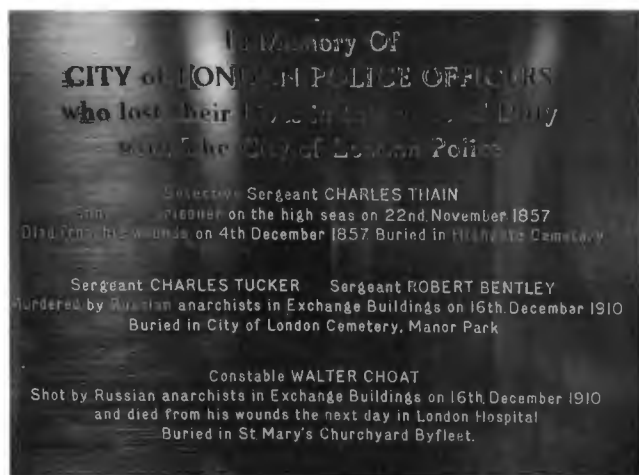
Другие эмигранты голодают, «офицеры — в дворники, дамы на панель», а наш голден бой томится, не зная чем себя занять. Красуется перед высокородными англичанами рассказами о том, как героически уколошил Распутина и как ему потом предлагали стать императором всероссийским. Англичане сдержанно поражаются: ю доунт сэй!

И вот однажды с Феликсом, а вернее с его драгоценностями, происходит ужасное событие... (Дальше узнавайте сами).

Предположим, у вас склонность к бандитскому жанру. Вы выросли на сериале «Бригада» и фильме «Бумер», вас влечет экзотика татух и кликух, пахучий мир незамысловатых, хищных мужчин, для которых судьба индейка, а жизнь копейка.

Отправляйтесь в декабрь 1910 года, на трущобную лондонскую Сидней-стрит. Конкретные пацаны, гастролеры из России, пару дней назад грабанули ювелира, по ходу замочили трех мусоров и теперь залегли на хазе. (В полицейском участке моего района висит мемориальная доска в память о полицейских, погибших в тот день от руки Russian anarchists).

В сюжете участвуют полиция, войска, гвардейская артиллерия, лично Уинстон Черчилль и наш знакомый из Девятого урока Ян Петерс. Погружайтесь и вдохновляйтесь.

Предположим, вам интересна вовсе не Англия, а Россия, где всё меняется каждые десять лет и ничего не меняется за века.

Тут может пригодиться абсолютно вневременная история Федора Веселовского, невозвращенца петровских времен.

Федор Павлович был русским послом в Англии. Его брат, тоже посланник, но в Вене, оказался под подозрением у тогдашних «компетентных органов» — Преображенского приказа и, будучи человеком умным, возвращаться в отечество не стал. После этого у лондонского Веселовского тоже не осталось выбора — он, как писали в более поздние времена, выбрал свободу.

Российское правительство потребовало выдать изменника родины. Англия отказала, сославшись на права человеческой личности, что в Петербурге сочли форменным издевательством. Подумали-подумали и отправили депешу, что вообще-то братья Веселовские обычные воры-коррупционеры и претензии к ним сугубо уголовные «понеже как в издержании денег, так и в иных вверенных им делах многое противу делали», а впрочем следствие разберется.

Следствие
разбирается

Британцы в уголовную версию не поверили, и заварилась долгая каша. В общем, сплошное дежавю.

Ну а самое простое — если вас мотивируют плащ и шпага, щит и меч, Петров и Боширов. Этого добра в нашей русско-английской коробушке навалом — на любой вкус. Есть и ситец вроде «дела Профьюмо», и парча вроде головокружительных метаморфоз Веры Трайль, дочери Александра Гучкова, идейной агентки ГПУ.

Я назвал всего лишь несколько самых очевидных месторождений, находящихся прямо на поверхности. Бурите глубже и обязательно добудете нечто более любопытное.

Ищите и обрящете.

Задание

Касательно поиска и сбора материала, я полагаю, всё понятно. Учтите еще, что, если вам удастся раскопать нечто малоизвестное, у вас появится дополнительный бонус. Рассказ будет интересно читать просто потому, что в тексте содержится ценная информация. За это автору многое прощается.

Объясню-ка я лучше еще немного про «финальное туше» — оно должно быть в вашем рассказе непременно.

Это может быть, конечно, нечто действительно сшибающее с ног — вроде английского паровоза, который вылетает из густого тумана и обрывает мечты героя о светлом будущем России. Но лучше не давить читателя железными колесами, а обойтись легким иглоукалыванием.

Вспомните, финал какого литературного произведения вас долго не отпускал. И попробуйте сделать то же самое, только собственными средствами.

Например, на меня в четырнадцать лет сильно повлияла концовка «Пармской обители», когда все главные герои вдруг взяли и умерли, в живых остался только симпатичный граф Моска.

«Словом, все внешние обстоятельства сложились для графини как будто весьма счастливо, но когда умер боготворимый ею Фабрицио, проведя лишь год в монастыре, она очень ненадолго пережила его. Пармские тюрьмы опустели, граф стал несметно богат, подданные обожали Эрнесто V и сравнивали его правление с правлением великих герцогов Тосканских. To the happy few».

Отлично помню свои тогдашние мысли. Почему жалче всех уцелевшего графа? И этот финальный аккорд. Кто тут happy few — те, кто выживают без любви, или те, кто от нее умирают?

В жанре вы совершенно вольны. Курс обучения закончен, у вас полное избирательное право. Голосуйте сердцем.

То же со стилем. На сей раз никому не подражайте и никого не имитируйте. Пойте собственным голосом — по-соловьиному, по-канареечному, хоть по-совиному, только не по-попугайски.

Этот, десятый текст должен получиться неповторимо вашим. Считайте его дипломной работой.

Роуэн

Рассказ

У Всевышнего всё круглое. Эта простая великая истина открылась пастору Микиферу Элфери лишь на склоне лет. Жить на свете нужно долго, лишь тогда у человека, взыскующего истины, есть шанс дожить до мудрости, то есть до понимания простых великих истин.

Почему круглое? Быть может потому, что Господь ко всякой своей твари равно близок — как центр к любой точке окружности. А может быть, есть на то у Него иные резоны, нашему разуму недоступные. Но Солнце с Луной круглые и ходят по кругу. Земля тоже шар. Если, не сбиваясь с прямого пути, двигаться по нему в одну сторону, придешь туда, откуда вышел. То же и с сутками, и с временами года, и с нашей жизнью, которая, коли прожить ее сполна, из потемков младенчества исходит и в потемках старческого забытья растворяется. Всё, всё возвращается к своему началу.

По утрам преподобный всегда сидел у окна и смотрел в сад, думал неспешные думы, вспоминал прожитое, потерянное и обретенное. Провидение наградило его редким даром — покойной старостью. В окне было понизу всё отрадно зеленое, поверху приятно голубое, и плавному течению мысли мешало только алое пятно в левом верхнем углу. Там за стеклом покачивалась усыпанная ягодами ветка дерева роуэн. А может быть, не дерева — куста. Всю свою жизнь реверенд провел в чтении и в размышлении над прочитанным, на изучение второстепенностей вроде ботаники досуга у него не было. Не все ль равно — куст, дерево? От раздумий отвлекал не роуэн, а копошение обветшавшей памяти. У настырного растения имелось

некое другое имя, которое почему-то нужно было вспомнить, а оно никак не вспоминалось.

Близко и гулко ударил колокол, извещая прихожан, что через час начнется воскресная служба. Еще год назад реверенд встал бы и неторопливо приступил к подготовке: облачился бы в сутану, торжественно прошел бы через двор к храму, проверил бы, всё ли там в порядке. А ныне он был в отставке и мог сидеть в праздности, сосредоточенно щурясь на гроздь ягод.

По указу короля Чарльза Второго, благослови его Боже, уходящим на покой священникам полагались пенсия и кров до окончания земных дней. Новый пастор, которого мистер Элфери когда-то крестил младенцем, был к пенсионеру почти-телен и не обижался, что тот занимает самую светлую комнату ректория, не торопил помирать.

Уилл Барретт был хороший молодой человек. Невежественный, как всё это несчастное поколение, выросшее в пуританские времена, но пытливый. Бог даст, со временем всему научится.

Перед службой Барретт всегда заглядывал к старику. Зашел и теперь, уже в стихаре, но еще без типпета на плечах.

– Преподобный отец, у меня вопрос. Можно?

Англиканский священник

Старик улыбнулся. Когда Уилл готовил проповедь, у него всегда возникали вопросы. Утренние воскресные беседы перед службой вошли у обоих в привычку.

— Я вас никогда про это не спрашивал, но сегодня я буду обличать папистов за то, что они молятся на латыни. Нашел в «Первом послании к коринфянам» уместное речение: «Когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается бесплоден». И вдруг вспомнил, что вы родом москвит. Что ж это вы — раньше молились Господу по-московитски?

Светлые ресницы испуганно заморгали — не дерзко ли было сказано.

— Не по-московитски, а по-русски. Страна, где я родился и вырос, называется «Россия», и язык там русский. Это я здесь Микифер Элфери, а природное мое имя Никифор Алферьев.

— Россия это где? — спросил питомец серой кромвелевской эпохи. Беднягу не учили ни географии, ни истории, только Закону Божию.

— Вон там, — показал реверенд в сторону, откуда светило солнце. — Две тысячи миль отсюда.

— Как же вам пришло в голову пуститься в столь дальнюю дорогу?

— Меня никто не спрашивал. В России не заведено спрашивать. Приказали — и поехал. Родные провожали меня, как на кладбище. Отец заказал в церкви отпевание. Это у нас в Англии заморские путешествия обычное дело, а русские ни тогда, ни теперь в чужие страны не ездят.

Старик замолчал. Ему — через годы, через моря — послышался вой: «Микишенька-а-а!», привиделось женское лицо — неотчетливое, расплывающееся сквозь слезную пелену. Раньше, в первые английские годы, он часто видел мать во сне, потом перестал, и лицо забылось.

— Кто же вам приказал отправляться в наши края? — спросил Уилл, которому хотелось слушать дальше.

— Тогдашний король, у русских он называется «царь». Мне и еще трем отрокам.

— Сам король? — поразился молодой пастор.

А мистер Элфери был уже не в заставленной книгами уютной комнате, освещенной утренним солнцем. Он прикрыл глаза и увидел перед собой, как въявь, высокого сутулого человека с усталыми, все на свете повидавшими глазами, смотревшими в самую душу.

* * *

Глуховатый голос, привыкший к тому, что ни одно произнесенное им слово не будет упущено, говорил проникновенно, ласково. И правда ведь, шестьдесят с лишком лет миновало, а ни единое слово не забылось.

— Вы отныне не дети боярские, вы *мои* дети. Отправляю вас за море с надеждой, а ждать буду с великим чаяньем. Учитесь всему, что нам на Руси пригодится. Мотайте на ус, когда он у вас вырастет. — Голос смягчился от улыбки, крепкая рука в разноцветных перстнях коснулась холеной полуседой бороды. — Отправляю вас птенцами, возвращайтесь лебедями. Отучитесь в тамошних школах, университетами называемых. Бог даст, будут и у нас на Москве такие. Вы мне их и обустроите...

— ...Что? — переспросил реверенд, очнувшись. — Как звали короля? Его звали Борисом. Великий был государь, но несчастливый.

— Почему несчастливый?

— Прогневался на него Всевышний. А может быть, не на него, а на всю Руссию. Через два года — я еще в Кембридже не доучился — короля Бориса призвал Господь, а на его королевство обрушил египетские казни: голод, мор, восстания и нашествия. Скоро от городов остались одни головешки, а потом не стало и самой Руссии. В год, когда я поступил в магистратуру, Москву завоевала Польша, и польский король посадил на русский престол своего сына.

— Где это — Польша? — захотелось узнать слушателю, но рассказчик смотрел не на него, а в окно и говорил, похоже, сам с собой.

— Тогда-то и переменял я русскую веру на английскую, ибо увидел, что моя прежняя родина Господу досадна и что быть

тому месту пусто... Ни разу с тех пор не молился я на прежнем языке, раз русские молитвы до Бога не доходят.

— А что случилось с вашими товарищами? С теми, что прибыли в Англию вместе с вами?

Их тоже старик сейчас увидел, всех троих. Щекастого румяного Федьку Костомарова, мечтавшего о том, чтобы выслужиться в дьяки. Черноглазого Софоньку Кожухова, мечтавшего о злате и яхонтах. Юркового Казаринку Давыдова, мечтавшего повидать не только тридевятые, но и тридесятые царства. Никифорка тоже мечтал — о том, что однажды разгадает главную тайну бытия, потому что не может же быть, что никакой тайны нет, а всё происходит само собой, безо всякого смысла.

Согласно государевой грамоте, по прибытии в «Лундун» отроков развезли по четырем разным городам и школам, чтобы на будущее ведать, какая из них лучше учит, и больше Никифор своих товарищей никогда не видел, их дороги навсегда разошлись. Однако знал из писем, что мечта каждого исполнилась. Как и его собственная.

— Никто из них в Россию не вернулся. Один, отучившись, стал королевским секретарем в Ирландии. Двое других поступили на службу в Ост-Индскую компанию и прославились. Мистер Козук добывал на острове Борнео алмазы. Мистер Кассариэн плавал в далеких морях и открывал новые царства... Всех троих давно уж нет на свете. Остался только я.

Потому что для исполнения моей мечты потребна долгая-предолгая жизнь, подумал мистер Элфери. Надобно увидеть Божий Год во всей его круглости, от холодов до холодов, с ливнями и засухами, снегами и паводками, росяными утрами и ужасными грозами. Если б люди бытовали разумнее и добрее, то всяк доживал бы до установленного предела, отходил бы как колос ко снопу, без страха и сожаления. Потому что успевал бы постичь тайну. Но дерево жизни сотрясается, дети срываются с его веток лепестками, взрослые — недозревшими плодами, со стуком бьются о твердую землю, и вся она засыпана гниющими паданцами. Вот ветка Господня — одна тысяча пятьсот восемьдесят шестой год от Рождества Христа, по русскому исчислению — семь тысяч девяносто четвертый от сотворения

мира. Когда-то Никифор Алферьев был на ней одной из многих почек, а ныне свисает один, потому что все его сверстники канули. И то сказать — мало кому Господь отмеряет восемьдесят два года. А и хватит бы, пора честь знать...

Дотошный Уилл опять что-то спрашивал.

— А?

— Почему вы не вернулись на родину? Потому что у нас в Англии лучше или потому что страна Россия сгинула и возвращаться стало некуда?

— Ни то и ни другое. Человеку лучше там, где он ближе к Господу, и тут поди знай. Святые отшельники находят душевный покой в диких лесах и суровых пустынях, а иные вельможи несчастны в золотых чертогах. Да и много ль хорошего у нас тут в Англии?

— Мало, — вздохнул Уилл. — Мне пять лет было, когда нашу деревню сожгли «железнобокие». Батюшка еле успел меня и сестренку Пегги из дома вынести, а младенца Джозефа не успел, храни Боже его невинную душу.

— ... Да и Россия сгинула не окончательно, — продолжал про свое отставной пастор. — Сгорела, а после возродилась из пламени, как птица Феникс. Все-таки, выходит, зачем-то нужна она Господу. Возродилась и вспомнила о своих птенцах. Звала обратно к себе, и даже трижды. По-всякому звала — и ласково, и неласково.

— Как это — ласково и неласково?

— Когда установилось в Москве новое царство, вспомнили об отправленных на английскую учебу вьюношах. Приехал в Лондон русский посланник. Из четверых отыскивали только меня, прочих в Англии уже не было. «Собирайся, сиротинушка, — сказал посланник. — Заждались тебя батюшка с матушкой, а паче того надобен ты государю. Получишь хорошее место в Посольском приказе, нам английские толмачи очень надобны. Будешь доволен». Но я, хоть и тосковал по родителям, не поехал, потому что не желал быть толмачом и потому что в России мне не позволили бы верить в Бога так, как я обучился на богословском факультете в Кембридже... Потом приехал второй посол. Этот не увещевал — грозил. Ты, говорил

Московитское посольство в Лондоне

он, холоп государев, его царского величества собственность. Добром не поедешь — велю скрутить, в сундук засунуть, тайком вывезем. У меня, говорил, приказ. Насилу я с подворья убежал.

— Это вас Господь уберег! — воскликнул молодой пастор, перекрестившись.

— Потом был еще третий посланник, Стивен Волинский — это уже когда я защитил диссертацию и ожидал назначения

в свой первый приход. Тот разговор я потом часто вспоминал... «Подобно Спасителю, терзаемому врагами, истомлена бедная наша Родина мучениями и нуждается в защите, — сказал мне посланник с глубокой печалью. — Русская земля в развалинах, повсюду могилы и пепелища. Многие сильные и умелые сгинули. Ученых никого не осталось — это люди хрупкие, они пропадают первыми. Ты, Никифор, молод, обучен английским премудростям, всё про здешние обычаи знаешь и понимаешь — не то что я, скудоумец, которому невдомек, как подступиться к делу. А дело великое. Без английских денег, без английской торговли нам страну не поднять. Возвращайся домой, там ты нужнее, чем здесь. Будешь государю и боярам по английским делам советчиком. Жалованьем тебя не прельщаю, казна наша пуста и живем мы скудно. Сам царь покуда в деревянной избе обитает. Кремлевские терема еще отстраивать надо, да не на что. Нельзя бросать Родину в беде, это грех страшный. Неужто сызнова откажешься? Неужто уподобишься Петру, трижды отрекшемуся от Христа?». Лорд Волынский был умный человек, он умел находить нужные слова. Потом я много раз сомневался, правильный ли я тогда сделал выбор. Угодно ли было мое решение Господу?

Тут реверенд внезапно улыбнулся, что показалось собеседнику странным — ведь голос рассказчика был невесел.

— Я догадался! — вскричал в волнении Уилл Барретт. — Это то самое, о чем вы говорили на своей прощальной проповеди перед отставкой! Что каждому человеку Бог обязательно устраивает самый главный экзамен, когда ты должен сделать некий выбор. И вся твоя предшествующая жизнь — не более чем подготовка к этому испытанию, а последующая — награда или расплата, в зависимости от твоего поступка. Я много потом размышлял об этом.

— Да, в жизни обязательно бывает самое важное решение, — рассеянно кивнул мистер Элфери, все так же улыбаясь. — Но главный свой выбор я сделал не в тот день. Может быть, когда-нибудь расскажу, а теперь ступай, тебе пора идти в храм.

Улыбался он, потому что память извлекла из своего ларца еще одну картинку — лицо юной Джоанны. Оно и тогда всё время возникало за спиной у посла Степана Ивановича — то над

левым плечом, то над правым. Серые глаза нежно туманились, пугливо хмурились, лукаво прищуривались — мешали внимать проникновенным речам о страданиях несчастной Родины. Россию молодой магистр, конечно, жалел, но никаких сомнений не испытывал. Везти Джоанну туда, где она будет заперта на женской половине, среди чужих людей и непонятных обычаев? Это было бы преступлением. Отказаться от любимой и любящей невесты ради того чтоб стать «государю и боярам советчиком»? Это было бы предательством.

* * *

А в следующее мгновение улыбка на старом лице угасла. Воспоминания естественным образом повернули туда, куда теперь не могли не повернуть. К дню главного жизненного экзамена — и предательства, которое все же свершилось.

Уилл Барретт уже вышел, вопросами больше не отвлекал. В комнате стало тихо, лишь постукивала по стеклу ветка с красными ягодами — в саду задул ветер. Ничто не мешало душе в тысячный раз заглядывать в тот же самый омут.

Там ничего не изменилось. Все так же сиял майский полдень тысяча шестьсот сорок шестого года, на ступенях своей церкви — той, прежней, в графстве Хантингтон — стоял шестидесятилетний, еще не скрюченный недугами и лишь наполовину седой Микифер Элфери, окруженный почтительными прихожанами. Только что завершилась служба, на которой он читал из «Книги пророка Даниила» о Валтасарове пире, а все кивали и шептали «воистину так», соглашаясь с тем, что Чарльз Первый — новый Валтасар и покаран судьбой по грехам своим. Накануне стало известно, что разбитый во всех боях король неизвестно куда сбежал из Оксфорда, своего последнего оплота.

Вдруг цирюльник Том Кроу как крикнет:

— Глядите, это ж король!

По площади едут три запыленных всадника, и один из них, тот что на вороном жеребце, точно король! Он обстриг свои локоны и острую бородку, усы не торчат стрелками, как на портретах, а обвисли, но это несомненно он, Чарльз.

Потом, много позже, Микифер узнал, что всеми покинутый, оставшийся без войска, король решился на отчаянный шаг — отдаться на милость шотландцам, до лагеря которых еще предстояло пробираться через враждебную местность. Шотландцы продадут несчастного монарха Кромвелю за сто тысяч серебряников, и Чарльза будут судить несправедливым судом, и отрубят его надменную голову.

Но там, на майской площади, люди ничего этого не знают и не могут знать. Они ошеломленно замирают.

Останавливает вороного коня и всадник. Его спутники резко поворачиваются. Левый кладет руку на рукоять седельного пистолета, правый — на эфес шпаги. Но кавалеры видят, что это всего лишь священник с кучкой мирных обывателей. Они не кланяются монарху, пьются на него с враждебностью, но никакой угрозы не являют.

— Едемте, государь, время дорого, — говорит левый всадник. Он в красном камзоле.

— Минуту, сэр Джон, — отвечает король странным, не таким, как у обычных людей голосом — и Микифер сразу вспоминает, что так же говорил царь Борис Федорович. — Я ехал и молил Всевышнего явить мне знак. Вот он!

И показывает на пастора.

— Благослови меня, преподобный отче! — просит король. В его запавших глазах отчаяние и безнадежность. — Сотвори надо мной крестное знамение! Чудо Господне, что я встретил тебя на этом пути и что ты в полном церковном облачении. Быть может, еще есть надежда...

Опущенную руку Микифера сжимают цепкие пальцы. Это Джоанна, она стоит рядом.

— Не вздумай! — шепчет жена.

За тридцать лет замужества, после восьми выращенных детей и пяти умерших в младенчестве, Джоанна высохла и покрылась морщинами, нежного в ее облике совсем ничего не осталось, но иногда Микифер пугается, что любит ее больше, чем Бога. Жена права. Благословлять низринутого Валтасара ни в коем случае нельзя — прихожане и власти этого священнику не простят.

Самое скверное, что Чарльз реверенду никогда не нравился. Вот покойный король Джеймс — иное дело. Как величествен он был, когда ответил московскому послу, что не выдаст живую душу, ибо это будет нарушением английских законов и Божьего милосердия! Но сын справедливого короля был несправедлив, немилосерден и немудр. Англии без такого монарха могло стать только лучше — так говорил пастве и так действительно думал преподобный Элфери.

Однако политика одно, а долг священника другое, и нет худшего злодеяния, чем оттолкнуть падшего, даже если при этом можешь упасть сам.

Поэтому пастор высвободил руку и благословил склоненную голову с ее криво обрезанными волосами.

— Храни тебя Господь, сын мой.

Король судорожно вздохнул, выпрямился в седле, и троица понеслась рысью прочь с площади, а когда Микифер посмотрел вокруг, рядом никого не было. Осталась только Джоанна, закрывшая лицо руками.

Вот каков был день главного выбора у преподобного Микифера Элфери. Поступил он вроде бы по Божьи, как следовало пастырю, но воздаянием за это была не награда, а расплата.

Солдаты выгнали священника из дому, епископ лишил прихода, прихожане отвернулись. И скитался он с женой и двумя младшими, еще не оперившимися детьми по деревням и городам, голодая и ночуя среди развалин. Но хуже всего были не лишения, а то, что Джоанна молчала и отворачивалась. Не могла простить предательства. Так и умерла, не простив, в больнице для бездомных.

Потом, когда Англия вновь стала королевством, пострадавшему от республики пасторудали новый приход, лучше прежнего, но много ли от того радости одинокому старику?

Теперь вот и прихода нет. Только комната с книгами. Только окно, в которое стучит роуэн.

Вдруг вспомнилось. Точно так же покачивалась за слюдяным оконцем краснаягодная ветка в родительском доме на Подкопае. От чего всё началось, туда и пришло.

И название куста-дерева вспомнилось. Ryabina.

Комментарий

С «финальным туше», я полагаю, всё прозрачно. Личный мотив автора — ностальгия. Я давно не был на родине и не уверен, что когда-нибудь увижу ее вновь. Это довольно сильное чувство. Ну и вообще — какой же русский в Англии без вздохов по березкам и рябинам?

Всякий мало-мальски образованный соотечественник (а другие мой писательский самоучитель читать не станут) при помощи последней строчки легко расшифровывает смысл новеллы. Это иллюстрация к хрестоматийному цветаевскому стихотворению «Тоска по родине». Оно, как вы помните, заканчивается четверостишием:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

Две последние строки стихотворения сами по себе идеальный пример «финального туше» — такого, что дух захватывает. Особенно пробивает ботаническая неточность: человеку, внезапно охваченному острой тоской, всё равно — куст рябина или дерево.

О поиске подходящего материала.

Мне нужно было найти сюжет про какого-нибудь невозвращенца, притом не политического, который живет мечтой о светлом будущем, и не «экономического», который подобен рыбе, ищущей где глубже, а про человека, жившего интенсивной духовной жизнью.

Из своих исторических штудий я помнил, что Борис Годунов отправил за границу, в три разных страны, восемнадцать (если не ошибаюсь) юных «детей

боярских» — с теми же целями, с какими потом это сделает Петр Первый. Но ни один из годуновских стажеров на родину потом не вернулся. Потому что там началась Смута, ну и вообще качество жизни в Московии слишком уж отличалось от европейского — особенно для человека, поучившегося в университете.

В Англию были отправлены четверо «робят». Ими я и занялся. Британская исследовательница Кэти Шулински не так давно выпустила замечательно интересную статью³³, которая, в свою очередь, вызвала ряд последующих публикаций. Мне было очень интересно погрузиться в эту тему.

Русские студенты отправились в четыре лучших английских учебных заведения: Оксфорд, Кембридж, Итон и Винчестер.

Трое потом уплыли за море. «Фетька Семенов сын Костомаров» недалеко, в Ирландию, а «Софонка Михайлов сын Кожухов» с «Казаринкой Давыдовым» — очень далеко, в Индонезию. Жизнь двух последних похожа на приключенческий роман о сокровищах, морских сражениях и восточных царствах, но выбранная тема заставила меня углубиться в судьбу «Никифора Алферьева сына Григорьева». Во-первых, он был «русским в Англии», а во-вторых — священником, то есть человеком, главные приключения которого должны были происходить внутри, в душе.

Если вы заметили, мой завершающий рассказ короче предыдущих, и это не случайно. Он сам — «финальное туше» книги, которая по форме хоть и учебник, но все равно книга, единое произведение.

Финал художественного текста должен быть лаконичен. (Этот совет, что логично, я оставил напоследок).

Нужно, чтобы читатель не думал: «Господи, ну когда он наконец уйдет, вроде попрощались уже», а воскликнул бы: «Как, вы уже уходите? Погодите, но ведь мы не договорили!».

И если читатель потом снова позовет вас в гости, чтобы «договорить», значит у вас получилось стать писателем.

³³ Если хотите узнать, что происходило с моим героем и его товарищами не в моем беллетристическом воображении, а на самом деле, вот: Cathy Szulinski «The First Russian Students in England».

Источники иллюстраций

- C. 5** E.J. Kealey. "Fall In". Answer now in your country's hour of need. 1914. Chromolithograph recruiting poster. Published by the Parliamentary Recruiting Committee, London. Archives of Ontario.
- C. 14–15** Aerial view of Westminster, London. Circa 1584. Engraving. iStock.com.
- C. 21** Й. Хондиус, Г. Меркатор. Карта Сибири, или Тартарии. Между 1606 и 1635 г. Амстердам. Из открытых источников.
- C. 22** Г. Гольбейн Младший. Послы 1533. Дубовая доска, масло. 207×209 см. National Gallery (London).
- C. 24** Неизвестный автор. Королева Елизавета I. Ок. 1580. The Royal Trust Collection.
- C. 24** М. Герасимов. Скульптурный портрет царя Ивана Грозного. «Россия сегодня».
- C. 25** Гравюра Ю. Шюблера по рис. С. Соломко. Смотрины царской невесты послом Иоанна Грозного в Англии. Кон. XIX в. Из открытых источников.
- C. 31** У.Ф. Йимз. Королева Елизавета и граф Лестер 1865. 72×92,5 см. Musée des Beaux-Arts (Lyon).
- C. 32** Дж. Гоуэр. Летиция Ноллис, графиня Лестер. Ок. 1585. Из открытых источников.
- C. 33** S. Harding. Richard Tarlton 1792. Stipple engraving, 7×5 in. (178×127 mm) paper size. Published by E. Harding. Из открытых источников.
- C. 34** Thomas Bromley (1530–1587). Circa 1754. Из открытых источников.
- C. 35** West view of Hampton Court Palace 1800s. Etching, hand colouring. Published by T. Cadell & W. Davies. The Royal Trust Collection.
- C. 37** Unknown artist. Elizabeth I. Circa 1610. Из открытых источников.
- C. 41** Л. Теерлинк. Елизавета I принимает послов. 1775. Кассельская картинная галерея (Кассель). Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 43** Г. Неллер. Портрет Петра Ивановича Потемкина (1617–1700). 1682. Холст, масло. 135×103,5 см. Государственный Эрмитаж.
- C. 46** И.Т. Грамотин, дяк посольского приказа в XVII в. 1898. Иллюстрация из книги «Московский главный архив Министерства иностранных дел. Портреты и картины, хранящиеся в нем. Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел». Типография Г. Лисснера и А. Гешеля. Российская государственная библиотека.
- C. 48** С. Никитин. Царица Марфа Собакина (1552–1571), скульптурная реконструкция по черепу. 2003. С. Никитин.
- C. 52–53** Tower of London in 1690. 1876. Engraving. iStock.com
- C. 58** Г. Неллер. Портрет Петра I. 1698. Queen's Gallery (Kensington Palace).

- C. 61** Дж. Кливли Старший. Корабль Королевского флота HMS Buckingham на стапелях верфи Дептфорда. Ок. 1751. National Maritime Museum (London).
- C. 62** Памятник российскому императору Петру Первому работы скульптора Михаила Шемякина, установленный в 2001 г. в лондонском районе Дептфорд. Shutterstock.
- C. 63** Muscovy Street In London. Legion-Media.
- C. 64** Г. Неллер. Миссис Кросс (Летиция Кросс) в образе Святой Екатерины Александрийской. 1697. British Museum.
- C. 68** Р. Пейтон. Вид на королевскую верфь в Дептфорде. 1775. British Museum.
- C. 70** Г. Неллер. Портрет адмирала Джона Бенбоу. 1701. Из открытых источников.
- C. 71** Sayes Court, located in Deptford, in the London Borough of Lewisham and on the Thames Path. Engraving. iStock.com.
- C. 73** Alhambra Theatre (Leicester Square, London) presents Babil and Bijou, the Giant Amazon Queen. 1882. Poster. British Library.
- C. 76** Неизвестный художник. Петр Великий в Голландии отдыхает после работы у кораблей в матросском плаще. Государственный исторический музей. «Россия сегодня».
- C. 82–83** Whitehall, looking towards Holbein Gateway circa 1753 from a view by Maurer. From "Old & New London" by Walter Thornbury and Edward Walford. Published in parts by Cassell & Co, London, from 1873–1888. iStock.com.
- C. 88** Памятная табличка «This road was named after Count Simon Woronzow, Russian Ambassador to the United Kingdom from 1784–1806. He lived in Marylebone and on his death in 1832 left a bequest for the poor of the parish. The money was used to build St Marylebone Almshouses at the south-west corner of this road. The plaque was installed (by) the kind permission of Camden Borough Council and the owners of this property. It was unveiled on 26 November 2002 by H.E. Grigori Karasin the Russian Ambassador to the UK and the Mayor of Camden Councillor Judy Pattison. The plaque is a gift of Peter the Great Company of St Petersburg to the citizens of Camden. Architect Vyacheslav Bukhaev, Russia». Борис Акунин.
- C. 90** Ж.-Л. Вуаль. Портрет графа С.Р. Воронцова. 1774. Государственный Русский музей.
- C. 92** Л. Токке. Портрет графини А.М. Воронцовой. Ок. 1758. Государственный Русский музей.
- C. 93** Д. Левицкий. Портрет Е.А. Воронцовой. 1783. Государственный Русский музей.
- C. 95** Р. Эванс. Портрет С.Р. Воронцова. 1828. Государственный Эрмитаж.
- C. 101** Т. Гейнсборо. Портрет Уильяма Питта-младшего. 1788. Leeds Museums and Galleries.
- C. 104** A.L. Garneray. A panorama of Portsmouth harbour with the line of prison hulks. Circa 1809–1814. National Library of Australia.
- C. 106** Cavendish Square circa 1820. 1880. From "Old and New London: The city ancient and modern" by Walter Thornbury. Published by Cassell, Petter, & Galpin. British Library.
- C. 107** Т. Лоуренс. Портрет графа Михаила Семеновича Воронцова. 1821. Государственный Эрмитаж.
- C. 109** Я. Дасвельдт. Сибирская борзая. 1825. Rijksmuseum.
- C. 111** П. Иванов. Князь Потемкин склонил Хана Шагин Гирея к уступке Крымского полуострова России в 1783 г. Иллюстрация из книги «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах,

- издаваемая Андреем Прево». Изд. Санкт-Петербург, 1836–1844. Российская государственная библиотека.
- С. 114** Convict, Miles Confrey, 23, displaying his tattoos including a fighting man, woman and seven stars on his right arm, symbolising guidance and eternity. 1854. Illustration from *Punch Almanack*. Legion-Media.
- С. 120–121** Unknown artist. Panorama city of London with River Thames, 16th century. 1800s. iStock.com.
- С. 127** Портрет П. В. Чичагова. Иллюстрация с гравированного портрета Гейнце из: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. 2-е изд. — СПб.: А. С. Суворин, 1904–1905. Государственная публичная историческая библиотека России.
- С. 128** Неизвестный художник. Портрет Елизаветы Карловны Чичаговой (урожд. Элизабет Проби), жены адмирала П. В. Чичагова. 1799. Из открытых источников.
- С. 131** В. Боровиковский Портрет графа Г. Г. Кушелева с детьми. 1801. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
- С. 132** Неизвестный художник. Портрет П. В. Чичагова. Надпись на обороте холста свидетельствует, что это копия, исполненная в Эдинбурге в 1824 году с оригинала 1804 года, возможно, работы Джеймса Сэксона. Государственный Эрмитаж.
- С. 133** Г. Реберн. Портрет графини Пембрук (урожд. Екатерины Семеновны Воронцовой). Ок. 1810. ГМИИ им. А. С. Пушкина.
- С. 134** И. Мартос. Профильный портрет Е. К. Чичаговой. После 1811. Мраморный барельеф, украшающий надгробие на Смоленском лютеранском кладбище. Из открытых источников.
- С. 135** Леонид Михайлович Чичагов. Начало 1890-х. Из открытых источников.
- С. 135** Митрополит Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов). 1920-е. Из открытых источников.
- С. 140** Naval officer using an octant. Late 1700s. Illustration. Science Museum (London).
- С. 142** Дж. Рейнольдс. Портрет капитана Чарльза Проби. 1753. Royal Albert Memorial Museum.
- С. 144** Гравюра Джеймса Гилрея по оригиналу неизвестного художника. Великодушный союзник (карикатура на императора Павла I). 1799. Изд. Ханна Хамфри. Санкт-Петербург — Лондон. Государственный исторический музей.
- С. 147** И. Айвазовский. Кронштадт. Форт «Император Александр I». 1844. Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург).
- С. 149** N. Pocock. HMS Royal George on the Medway, with HMS Queen Charlotte under construction. 1790. National Maritime Museum (London).
- С. 154** Рисунок декабриста В. П. Ивашева. Камера декабриста в Петропавловской крепости. Государственный литературный музей.
- С. 158–159** Unknown artist. Gower Street Station, Metropolitan Railway, London. 1884. Engraving. iStock.com.
- С. 166** Неизвестный автор. Портрет Александра Ивановича Герцена. Ксилография. Ок. 1880. Österreichische Nationalbibliothek.
- С. 167** Неизвестный автор. Портрет Николая Платоновича Огарева. 1850-е. Дом-музей И. С. Тургенева.
- С. 168** Наталья Алексеевна Тучкова-Огарева. 1860-е. Из открытых источников.
- С. 169** Thames Regatta — Putney Bridge. 1843. *The Illustrated London News*, November 30. Legion-Media.
- С. 169** В. Миллашевский. Рахметов. Иллюстрация к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (М.: Художественная литература, 1936).

Воронежский областной художественный музей им. И. Н. Крамского.

- C. 172** Портрет Сергея Геннадьевича Нечаева. Иллюстрация из: Русские революционеры: книга для юных читателей. Под ред. И. Сверчкова. — Л.; М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927. Государственная публичная историческая библиотека России.
- C. 176** Extension of the South Western Railway to Waterloo Bridge — Waterloo Station, York Road, London. 1800s. Engraving. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 178** S. Rawle. Hotel de Sabloniere, Leicester Square, London. First half of 19th century. Engraving. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 180** С. Левицкий. Портрет Александра Ивановича Герцена. 1861. Фото-портрет. Государственный Эрмитаж.
- C. 184** Гавань Чичагова на острове Нуку-Хива. Иллюстрация из: фон Крузенштерн А. И. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. — СПб.: Морская типография, 1809–1812. Legion-Media.
- C. 187** J. Swain (based on the artwork of G. Du Maurier). Illustration for a novel by Elizabeth Gaskell "Wives and Daughters". 1864. Wood engraving. Published in *The Cornhill Magazine*, October. British Library.
- C. 188** W. Luker Jr. Rothschilds' Bank, St Swithin's Lane. 1891. Lithograph for "London City" by W.J. Loftie. Published by Leadenhall Press. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 191** Трехмачтовый барк Winterhude в сиднейском порту. Конец XIX — начало XX в. Australian National Maritime Museum.
- C. 193–194** The Holborn Valley Viaduct in the City of London. 1871. Engraving from "Collins' Illustrated Guide to London and Neighbourhood". Published by William Collins, Sons & Company (London). iStock.com.
- C. 202** Р. Жукковский. Промышленно-литературное акробатство (карикатура). 1864 г. Журнал «Заноза». Из открытых источников.
- C. 204** Illustration (lithograph) from *Le Theatre magazine*. 1900s. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 208** Ю. Казмичев. Встреча Герцена с Чернышевским в Лондоне. 1859. Из открытых источников.
- C. 213** Портрет Чернышевского. Фоторепродукция со снимка В.-Я. Лауфферта. 1859. Российская государственная библиотека.
- C. 213** Unknown artist. Maximilien de Robespierre (1758–1794). Sketch made from life during a session of the Convention. Из открытых источников.
- C. 215** T.H. Shepherd. Lindsey House. Circa 1850. Watercolor. RBKC Libraries.
- C. 220** Unknown artist. Three Women at Tea. 1860s. Legion-Media.
- C. 222** A. Butler. Exterior of the Crystal Palace, from Kensington Gardens. 1851. Science Museum (London).
- C. 225** F.B. Johnston. Elbert Hubbard, James Pond and Frances Benjamin Johnston. 1900. Photograph. National Portrait Gallery (Smithsonian Institution).
- C. 226** Сцена из первой постановки пьесы Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» в театре Сент-Джеймс. 1895. Legion-Media.
- C. 232–233** Unknown artist. London bridge. 1872. Engraving. iStock.com.
- C. 237** Из открытых источников.
- C. 238** What Nicholas heard in the shell. 1854. Illustration from *Punch*. Legion-Media.
- C. 239** A. Gill. Tsar Alexander II of Russia (1818–1881). 1886. Illustration from "Vingt Portraits Contemporains". Published by M. Magnier et Cie (Paris). Bridgeman/Fotodom.ru.

- C. 240** J. Tenniel. Czar Alexander III Terrified of Starving Russian Peasant. 1891. Illustration for *Punch*. Из открытых источников.
- C. 242** F. Rolfe (credited as "Baron Corvo"). Electric Avenue, a street in Brixton, London, in 1895. 1895. Published in *The Sketch*. Из открытых источников.
- C. 243** Bright's Electric Street Alarm. 1880. Illustration for *The Graphic*, September 18. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 243** W. Luker. Electric railway station "King William Street" (City and South London Tube Railway). 1891. Lithograph from "London City: Its History – Streets – Traffic – Buildings – People" by W.J. Loftie (The Leadenhall Prefs, London). Legion-Media.
- C. 248** Unknown artist. The departure of the Russian Ambassador from Chesham House, Chesham Place, London. 1854. *The Illustrated London News*, February 11. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 252** Unknown artist. Circa 1935. Drawing. Reproduced in Bradshaw, "Art in Advertising", p. 172. Mary Evans / East News.
- C. 258** Ellen Qin / Unsplash.
- C. 260** Актёр Фрэнк Финли в роли инспектора Лестрейда. Кадр из фильма "Murder By Decree" (1979). Legion-Media.
- C. 261** Кадр из фильма «Гараж» (1979). «Россия сегодня».
- C. 261** Кадр из фильма «Здравствуйте, я ваша тётя!» (1975) Мосфильм.
- C. 262** M. McLare. 8th September 1968: Charles, Prince of Wales and Princess Anne watching the annual games at the Braemar Royal Highland gathering. Photo. Getty Images.
- C. 262** Неизвестный автор. Портрет Ивана Дмитриевича Путилина, иачальника уголовного сыска Санкт-Петербурга в 1866–1893 гг. Из открытых источников.
- C. 263** Портрет Эраста Фандорина. Борис Акунин.
- C. 264–265** Tower Bridge, London. 1800s. iStock.com.
- C. 267** Лев Николаевич Толстой рассказывает внукам «Сказку об огурце». 1909. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 270** Shutterstock.
- C. 270** Shutterstock.
- C. 271** F.G. Brown (police surgeon, doctor). The body of Jack the Ripper's fourth canonical victim, as discovered in Mitre Square, September 30. 1888. Drawn in situ in Mitre Square. From "The Murders of the Black Museum: 1870–1970", published in 1982. Из открытых источников.
- C. 272** Страница из письма, якобы написанного серийным убийцей Джеком Потрошителем. Датировано автором 25 сентября 1888 г. National Archives.
- C. 273** J. Tenniel. The Nemesis of Neglect. 1888. Illustration made for *Punch*. British Library.
- C. 274** A. Bassano Prince Albert Victor, Duke of Clarence and Avondale. Late 1880s. Photograph. National Portrait Gallery, London.
- C. 274** C.L. Dodgson. Photographic self-portrait. Circa 1857. National Portrait Gallery, London.
- C. 275** Из открытых источников.
- C. 285** T. Annan. Close No. 75 High Street. Photograph. National Library of Scotland.
- C. 287** Борис Акунин.
- C. 294** Whitechapel, Dorset Street, Miller's Court No.13. Taken the day of the murder of Mary Jane Kelly of the outside of Mary Kelly's room. 1888. Photograph. The City of London Police photographic archive.
- C. 295** Из открытых источников.

- C. 300–301** The Palace of Westminster in London, England. Wood engraving after a drawing. 1897. iStock.com.
- C. 305** Мура Закревская-Будберг. Из открытых источников.
- C. 305** G. C. Beresford. H. G. Wells. Circa 1920. Photo. Legion-Media.
- C. 308** Bruce Lockhardt. Circa 1930. Getty Images.
- C. 308** Ян Петерс. Из открытых источников.
- C. 308** Максим Горький в 1928 г. Государственный музей А. М. Горького.
- C. 312** Young H. G. Wells Posing With Skull And Gorilla Skeleton. Circa Mid 1880s, Likely While Studying Biology At The Normal School Of Science (Later The Royal College Of Science In South Kensington) In London Under Thomas Henry Huxley. Photo. Legion-Media.
- C. 314** Frances Gow.
- C. 320** K. Hutton. 4th May 1940: H. G. Wells at his desk. 1940. Photo. Original Publication: Picture Post — 282 — Unite Or Perish — pub. Getty Images. iStock.com.
- C. 325** iStock.com.
- C. 326** iStock.com.
- C. 328** П. Пикассо. Портрет Ольги в кресле. Весна 1918, Монруж. Musée Picasso (Paris).
- C. 329** С. Дали. Галарина. 1945. Legion-Media.
- C. 330** Елена Сергеевна Шиловская. 1920-е. Из открытых источников.
- C. 331** Lou Andreas-Salome. 1934. Age / East News.
- C. 336** Old London bridge at the time of Charles II. iStock.com.
- C. 345** Русская революционерка, член русской секции I Интернационала, участница Парижской коммуны Елизавета Дмитриева (революционный псевдоним Елизаветы Лукиничны Кушелевой). 1868. «Россия сегодня».
- C. 345** Карл Маркс. 1867. Из открытых источников.
- C. 346** Член общества «Земля и воля», один из активных его деятелей Сергей Михайлович Кравчинский-Степняк (1851–1895). «Россия сегодня».
- C. 347** Владимир Набоков. Первая половина 1920-х. Из открытых источников.
- C. 347** Феднкс Юсупов. Первая половина 1920-х. Из открытых источников.
- C. 348** Борис Акунин.
- C. 349** Supplice du grand knout. 1768. Illustration from "Voyage en Sibirie fait par ordre du Roien 1761" by abbé Chape d'Auteroche. Published in Paris. Library Of Congress.
- C. 354** E. Finden. Richard Hooker. Engraving. Из открытых источников.
- C. 359** Неизвестный автор. Русский посол в Англию в 1670 году князь П. С. Прозоровский со свитой. Bridgeman/Fotodom.ru.
- C. 362** А. ван Дейк. Карл I с трех сторон (Тройной портрет Карла I). 1635–1636. The Royal Trust Collection.

Содержание

Введение	3
----------------	---

УРОК ПЕРВЫЙ *Выбор темы*

Как выбрать тему.....	17
<i>Завидный жених</i>	20
Задание	28
<i>Императрица Московии</i>	34
Комментарий	50

УРОК ВТОРОЙ *Прямая речь*

Быть попугаем	55
<i>The Tsar в Лондоне</i>	58
Задание	65
<i>Йо-хо-хо, камафинский мужик</i>	68
Комментарий	81

УРОК ТРЕТИЙ *Перевоплощение*

Про полифонию	85
<i>He of the Woronzow Road</i>	88
Задание	97
<i>Продиж и бумер</i>	100
Комментарий	118

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ *Хлопоты любви*

Тривиальнейшая из коллизий	123
<i>My Bonnie lies over the ocean,</i> <i>или Как синица тихо за морем жила</i>	126
Задание	136
<i>Избранные места из переписки г-жи П. и капитана Ч.</i>	138
Комментарий	157

УРОК ПЯТЫЙ *Симпатия к персонажам*

Про белых и пушистых	161
<i>Прекрасные люди</i>	165
Задание	174
<i>Плыть или не плыть?</i>	176
Комментарий	193

УРОК ШЕСТОЙ *Антипатия к персонажам*

О, люди, отродья крокодилов!	197
<i>Нехорошие люди</i>	201
Задание	210
<i>Джабраил и Херцен</i>	212
Комментарий	231

УРОК СЕДЬМОЙ *Действенный анализ*

Проходных персонажей не бывает	235
<i>Большая Игра</i>	238
Задание	244
<i>Инцидент в Чешэм-Хаусе</i>	247
Комментарий	260

УРОК ВОСЬМОЙ *Напугать читателя*

Пишем хоррор	267
<i>Наш человек в Уайтчепеле</i>	271

Задание	277
<i>Желтая перчатка</i>	279
Комментарий	299

УРОК ДЕВЯТЫЙ *Метафизика*

Отрыв от реальности	303
<i>Про земноводную женщину и крылатого мужчину</i>	305
Задание	317
<i>Л.Р.В.</i>	319
Комментарий	335

УРОК ДЕСЯТЫЙ *Сбор материала. Финальное туше*

Самое интересное и самое трудное	339
<i>Кто ищет, тот всегда найдет</i>	345
Задание	351
<i>Роуэн</i>	353
Комментарий	365
Источники иллюстраций	367

Акунин Борис

РУССКИЙ В АНГЛИИ

Самоучитель по беллетристике

**Главный редактор Сергей Турко
Руководитель проекта Ольга Равданис
Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко
Арт-директор Юрий Буга
Корректор Ольга Улантимова
Верстка Кирилл Свищёв
Билд-редактор Павел Марьин**

**Подписано в печать 25.08.2021.
Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 23,5 печ. л. Тираж 35 000 экз. Заказ № 8429.**

ООО «Альпина Паблишер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7(495)980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

**Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

Борис Акунин, литературный волшебник-иллюзионист, суммарный тираж произведений которого превышает 30 миллионов экземпляров, впервые не только показывает фокусы, но объясняет, как они устроены, а также дает мастер-класс творческого письма. Если вы хотите стать беллетристом, «Самоучитель по беллетристике» вам несомненно поможет.

«Я учу строить железные дороги – класть рельсы и потом ездить по ним из точки А в точку Б».

Если же вы просто читатель, отнеситесь к этой книге как к сборнику увлекательных новелл и историко-литературных эссе.

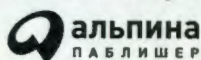
#русскийванглии

ISBN 978-5-9614-7368-1

9 785961 473681

Знания, которые меняют жизнь

заказ книг +7 (495) 120-07-04
и на сайте www.alpina.ru

приложение
Альпина.Книги
в App Store
и Google Play

ideabooks

f alpinabook

@alpinabook

alpinaru